

СОЧИНЕНІЯ
ФЕНИМОРА КУПЕРА.

.... VI.

P 58
225

ПОСЕЛЕНЦЫ.

(The Pioneers.)

ПОВѢСТЬ

ФЭНИМОРА КУПЕРА.

Переводъ Д. Коковцова.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

ЛТЧ

ВМБ

ИЗДАНИЕ ВНИГПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, } МОСКВА,
Гостинный дворъ, № 17 и 18. } Кузнечій мостъ, д. Третьякова.

....., 6 1880 ..

Содержание.

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА ПЕРВАЯ.....	4
ГЛАВА ВТОРАЯ.....	10
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.....	14
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.....	17
ГЛАВА ПЯТАЯ.....	19
ГЛАВА ШЕСТАЯ.....	21
ГЛАВА СЕДЬМАЯ.....	25
ГЛАВА ВОСЬМАЯ.....	28
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.....	34
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.....	40
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.....	44
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.....	51
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.....	55

ВВЕДЕНИЕ.

Прежде чѣмъ начать нашъ разсказъ, мы должны, хотя вкратцѣ, объяснить отношенія нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихъ въ немъ лицъ.

Около 1670 года, въ Пенсильванію прибылъ человекъ, по имени Мармадуке Темплъ, купилъ большую полосу земли и сдѣлался защитникомъ и покровителемъ многихъ бѣдныхъ колонистовъ. Онъ былъ очень благочестивъ; хозяйственныя же занятія его были не обширны, и онъ умеръ какъ разъ вовремя, чтобъ избѣгнуть страшной участи совершеннаго разоренія. Наслѣдники его не сумѣли поправить своихъ обстоятельствъ дѣятельностію и прилежаніемъ; все болѣе и болѣе погружались они въ бѣдность и нищету, пока, наконецъ, отецъ человекъ, играющаго въ нашемъ разсказѣ важную роль, подъ именемъ судьи Мармадуке Темпля, снова успѣлъ подняться по гражданской общественной лѣстницѣ. Онъ женился на богатой дѣвушкѣ, и тѣмъ получилъ средства дать своему единственному сыну отличное воспитаніе.

Молодой Мармадуке познакомился въ школѣ съ ровестникомъ своимъ, Эдуардомъ Эффингамомъ. Его семейство было богато и имѣло вѣсь; отецъ былъ прежде солдатомъ, и затѣмъ, прослуживъ много лѣтъ своему королю офицеромъ, удалился къ частной жизни, въ чинѣ маіора.

Когда женился единственный сынъ его, Эдуардъ, то маіоръ отдалъ ему все свое огромное состояніе, и Эдуардъ поспѣшилъ отыскать своего товарища, Темпля, и предложить свои услуги, располагать которыми онъ имѣлъ теперь возможность.

На деньги Эдуарда, въ столицѣ Пенсильваніи устроился немедленно торговый домъ, управленіе которымъ поручено было молодому Мармадуке, и онъ считался единственнымъ хозяиномъ, не смотря на то, что и другой имѣлъ скрытно половинное участіе въ доходахъ предпріятія. Союзъ этотъ долженъ былъ оставаться скрытымъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, Эдуардъ, какъ потомокъ воиновъ, считалъ униженіемъ принимать открытое участіе въ торговлѣ; а во-вторыхъ, маіоръ Эффингамъ питалъ непреодолимое отвращеніе ко всему, что носило имя квакера; Мармадуке же, хотя самъ и не прідерживался строго этой секты, но все таки происходилъ отъ древней квакерской фамиліи.

Много лѣтъ управлялъ Мармадуке торговлею съ такимъ благоразуміемъ, что достигъ большихъ барышей.

Но возникшія безпокойства, которыя предшествовали войнѣ за американскую независимость, послужили поводомъ тому, что тайный союзъ друзей получилъ тяжкій ударъ.

Эффингамъ держался стороны англичанъ, между тѣмъ какъ Темплъ присоединился къ своимъ соотечественникамъ. Какъ только началась война, то Эффингамъ, передавъ на сохраненіе своему другу всѣ бумаги и все, что имѣлъ цѣннаго, оставилъ безъ отца своего колонію, чтобъ присоединиться къ войску англійскаго короля. Такимъ образомъ прекратились всѣ сношенія между друзьями, и Мармадуке, вслѣдствіе войны, увидѣлъ необходимость взять все свое имущество вмѣстѣ съ бумагами своего друга изъ района королевскихъ войскъ, и покинуть Филадельфію.

По окончаніи войны, Мармадуке купилъ за безцѣнокъ обширныя владѣнія и сосредоточилъ все вниманіе на обработкѣ земли, которая подъ его разумнымъ руководствомъ приносила гораздо болѣе дохода, чѣмъ можно было ожидать; вскорѣ онъ считался однимъ изъ самыхъ богатыхъ владѣльцевъ страны. Единственной его наслѣдницей была дочь, мать которой умерла еще до начала нашего разсказа. Никому не были достовѣрно извѣстны настоящія отношенія богатаго владѣльца къ его прежнему другу, Эдуарду Эффингаму, но они ясно разовьются передъ нами ниже.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ одинъ прекрасный, но холодный декабрскій день 1793 года, тихо подымались сани по отлогости горы, лежащей недалеко отъ источника Сускеганы, почти въ центрѣ Нью-іоркскаго штата. На всемъ пространствѣ, куда только достигалъ взоръ, земля покрыта была снѣгомъ на цѣлый аршинъ. Въ воздухѣ сверкали и блестали мильоны ледяныхъ кристаловъ. Морозъ былъ такъ силенъ, что лошади, запряженныя въ сани, покрылись слоємъ инея. Ими управлялъ негръ, черное лицо котораго пестрѣло отъ холода, и изъ его большихъ черныхъ глазъ невольно струились слезы. Не смотря на то, онъ весело улыбался, вспоминая о близости своей родины и предстоящихъ удовольствіяхъ сочельника въ теплой комнатѣ. Въ довольно помѣстительныхъ саняхъ сидѣли только двѣ osoby: мужчина среднихъ лѣтъ и молодая девушка.

Оба были такъ закутаны въ шубы и разную теплую одежду, что можно было видѣть только черные глаза дѣвушки и прекрасное, выразительное лицо мужчины, черты котораго обнаруживали умъ, веселый нравъ и добродушіе.

Путешественники эти были: судья Мармадуке Темплъ и дочь его Елисавета, которую отецъ везъ обратно на родину послѣ четырехъ лѣтъ, проведенныхъ ею въ одномъ изъ пансіоновъ Нью-Йорка.

Гора, на которую подымались сани, окаймлена была громадными красными елями, верхушки которыхъ подымались болѣе чѣмъ на 180 футовъ. Кругомъ царствовало глубочайшее спокойствіе: только тихо колыхались и шумѣли вершины деревьевъ, волнуемая вѣтромъ, отъ котораго путешественники

защищались густымъ лѣсомъ. Сани безпрепятственно подвигались, какъ вдругъ послышался громкій, продолжительный вой какъ будто стаи собакъ, повторяемый эхомъ по верхамъ лѣсистыхъ горъ. Судья тотчасъ же приказалъ негру разнуздать лошадей и остановиться.

— Не ѣзди дальше, Али, сказалъ онъ: — тамъ старый Гекторъ, котораго лай я узнаю изъ десяти тысячъ собакъ. Кожаный-Чулокъ, вѣроятно, на охоте, и я вижу въ нѣсколькихъ саженяхъ впереди насъ свѣжіе слѣды оленя. Лиза, если ты не боишься выстрѣла, я общаю тебѣ для сочельника великолѣпное жаркое.

Негръ сдержалъ лошадь, а Мармадуке Темплъ вышелъ изъ саней, снявъ предварительно шубу. Поспѣшно отыскалъ онъ свое великолѣпное двустольное ружье, осмотрѣлъ курки и только-что хотѣлъ идти, какъ въ кустахъ послышался легкій шорохъ приближающагося оленя, и вскорѣ затѣмъ статное животное въ нѣсколькихъ шагахъ отъ проѣзжающихъ стало переходить черезъ дорогу. Ричардъ Темплъ съ увѣренностію опытнаго охотника поднялъ ружье и выстрѣлил. Животное, казалось, невредимо бѣжало далѣе; Темплъ вторично выстрѣлил по немъ, но и этотъ выстрѣлъ едва ли былъ удачнѣе. Елизавета думала, что олень ушелъ, какъ этотъ вдругъ снова явился и спокойно продолжалъ дорогу. Въ это время въ воздухѣ раздался громкій и звучный выстрѣлъ; олень сдѣлалъ сильный прыжокъ и когда выстрѣлъ повторился, то упалъ на землю и нѣсколько времени катался по снѣгу. Громкое: bravo! раздалось изъ устъ невидимаго стрѣлка и изъ-за елей показались двое мужчинъ, наблюдавшихъ, вѣроятно, за оленемъ.

— Ага, Натти! вскричалъ Темплъ, приближаясь къ убитому животному: — еслибъ я зналъ, что вы такъ близко устроили свою засаду, то приберегъ бы свои заряды; но все же нельзя ручаться, что ни одна изъ моихъ пуль не попала въ него.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ тотъ, съ спокойнымъ смѣхомъ: — вы истратили зарядъ только для того, чтобы погрѣть свой носъ въ холодный вечеръ. Какъ могли вы надѣяться убить взрослога оленя изъ такого ружья какъ ваше; стрѣляйте-ка лучше фазановъ и лебедей, которыхъ довольно у вашего дома; для нихъ оно годится; но если вамъ захочется медвѣжьяго окорока или настоящаго оленя, то я вамъ совѣтовалъ бы употреблять лучше длинное ружье, если не хотите истратить болѣе пороху, чѣмъ можете.

— Нѣтъ, Натти, ружье стрѣляетъ хорошо, и отъ него досталось уже не одному оленю, отвѣчалъ Темплъ, съ самодовольной улыбкой. Конечно, одинъ стволъ былъ заряженъ мелкой, а другой крупной дробью, но вѣдь въ оленѣ два выстрѣла: одинъ въ сердце, а другой въ шею, и очень можетъ быть, Натти, что одинъ мой.

— Ну, все равно, кто его ни застрѣлил, дѣло въ томъ, кто его уничтожить, отвѣтилъ раздраженный охотникъ, и, вынувъ ножъ, перерѣзалъ оленю горло. Если въ оленѣ двѣ пули, то развѣ не два выстрѣла были сдѣланы? И развѣ неграненый стволъ могъ сдѣлать такую рану, какъ у него на шею. Вы не можете отрицать, Темплъ, что олень палъ при послѣднемъ выстрѣлѣ, а выстрѣлъ этотъ сдѣланъ былъ рукой болѣе молодой чѣмъ наша. Что касается меня, то я, хотя и бѣдный человѣкъ, могу обойтись и безъ этой дичи, но при всемъ томъ, неохотно отказался бы отъ своихъ справедливыхъ притязаній въ свободномъ государствѣ.

— Этого и не нужно, Натти: я защищаю свой выстрѣлъ только изъ-за чести. Животное можно оплатить нѣсколькими доллерами, но чѣмъ можно вознаградить за честь носить олений хвостъ на шапкѣ? Подумай только, какъ могъ бы я осмѣять двоюроднаго брата, который во всю зиму принесъ домой только куропатку да пару сѣренькихъ векшъ.

— Да, да, Темплъ; дичь теперь все становятся рѣже, чѣмъ болѣе распространяется порубка лѣса, сказалъ Натти, качая головой. Было время, когда я убивалъ изъ моей хижины тринадцать оленей, не считая молодыхъ. Чтобы имѣть медвѣжий окорокъ, стоило только не поспать ночь, и можно было навѣрно сказать, что убьешь медвѣдя изъ щелей блокгауза; да притомъ и уснуть не было возможности, потому что волки своимъ воемъ держали насторожѣ. Вотъ и Гекторъ, сказалъ Натти, дружески похлопывая по широкой спинѣ большой черной съ желтыми пятнами охотничьей собаки, съ бѣлымъ хвостомъ и лапами; посмотрите, какъ волки прорвали ему горло. Это случилось въ ту ночь, когда они хотѣли вытащить у меня дичь изъ трубы. Да, собака вѣрнѣе инаго христіанина: она никогда не забываетъ своего друга и не противится той рукѣ, которая ее кормитъ.

Въ обращеніи стараго охотника было что-то особенное, что сильно привлекло къ нему вниманіе Елизаветы, такъ что она разсматривала его наружность и одѣяніе. Онъ былъ такъ высокъ и худощавъ, что казался выше, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. На головѣ у него была теплая, хотя довольно потертая лисья шапка. Лицо его было также худощаво, какъ и вся его фигура, но черты выражали крепкое и постоянное здоровье. Его кожа получила ровный, красноватый оттѣнокъ отъ холода и вѣтра. Изъ-подъ густыхъ бровей, сквозь которыя начала уже пробиваться сѣдина, блестѣлъ все еще ясный и искристый глазъ.

Его худая шея была обнажена и доступна дождю и холоду; на томъ мѣстѣ, гдѣ застегнуто было его верхнее платье, виднѣлась узенькая полоса клѣтчатаго воротника. Остальная одежда его состояла изъ дубленой кожи оленя, еще покрытой волосами, поддерживаемой пестрымъ поясомъ. На ногахъ у него были надѣты мокасины также изъ оленьей шкуры, украшенные колючками дикобраза; камаша доходила до колѣнъ и были сшиты изъ оленьей шкуры, равно какъ и панталоны, у которыхъ они оканчивались; вслѣдствіе: этого поселенцы дали ему названіе Кожаный Чулокъ. Черезъ лѣвое плечо надѣтъ былъ ремень

изъ оленьей кожи, на которомъ висѣлъ олений рогъ, до того тонкій, что находящійся въ немъ порохъ видѣнь былъ насквозь; сбоку висѣлъ кожаный ягдташъ, изъ котораго онъ бралъ порохъ и вновь набивалъ свое длинное ружье. Пока онъ этимъ занимался, судья, заботливо осмотрѣвъ раны убитаго оленя, сказалъ;

— Я былъ бы очень радъ, Натти, еслибы могъ приписать себѣ честь и право на убитое животное. Положимъ, что отъ меня произошелъ выстрѣлъ въ шею, въ такомъ случаѣ животное мое, такъ какъ второй былъ уже бесполезенъ, — мы называемъ это актомъ суперэррогаціи.

— Называйте это какъ хотите учено, сказалъ охотникъ, держа лѣвой рукой ружье, а правой, придавивъ оловянную крышку своего ягдташа, вынулъ кусокъ кожи, пропитанной саломъ, ввернулъ въ нее пулю, и, продолжая говорить, съ силой втиснулъ ее въ стволъ. — Называйте какъ хотите, но все же не вы убили оленя, онъ палъ отъ руки болѣе молодой, чѣмъ ваша и мои.

— Какъ вы объ этомъ думаете, молодой человѣкъ? шутя сказалъ судья спутнику Натти. Кинемъ жребій, и если вы проиграете, то деньги принадлежать вамъ. Что вы на это скажете, пріятель?

— Я вамъ скажу на это, что оленя убилъ я, гордо сказалъ молодой человѣкъ, облокотясь на ружье, столь же длинное какъ и у Натти.

— Итакъ, вы стоите двое противъ одного, значить, перевѣсъ на вашей сторонѣ; мнѣ приходится faire bonne mine au mauvais jeu, и надѣяться, что вы продадите мнѣ, оленя. Было бы очень оригинально, еслибы я не сумѣлъ воспользоваться его смертію.

— Мнѣ нечего тутъ продавать, отвѣчалъ Кожаный-Чулочъ, въ которомъ мы узнали нашего стараго друга, Соколинаго Глаза, — потому что часто случалось мнѣ видѣть, какъ еще прыгали животныя, раненыя въ шею. Я не изъ тѣхъ людей, которыя любятъ оттянуть то, на что другіе имѣютъ полное право.

— Натти, сегодня вы упрямо держитесь своихъ правъ, сказалъ судья Темплъ, въ веселомъ расположеніи духа. Какъ вы думаете, молодой человѣкъ, достаточно дать за оленя три доллера?

— Прежде чѣмъ я отвѣчу на это, надо разрѣшить настоящій вопросъ о правѣ, такъ чтобъ всѣ были довольны, отвѣтилъ молодой челѣкъ скромно, но съ выраженіемъ, далеко несоотвѣтствовавшимъ его наружности. Какимъ количествомъ крупной дроби заряжено было ваше ружье?

— Пятью, милостивый государь, возразилъ судья: развѣ вы находите это недостаточнымъ для убіенія оленя?

О, конечно, было бы достаточно и одной дробины, отвѣчалъ тотъ, подходя къ дереву, изъ-за котораго вышелъ; но вспомните, что вы выстрѣлили по этому направленію, и въ этомъ деревѣ находятся четыре пули.

Судья освидѣтельствовалъ на елкѣ свѣжіе слѣды, покачалъ головою, и отвѣчалъ:

— Вы приводите доказательства противъ себя самого, молодой человѣкъ. Гдѣ же пятая пуля?

— Здѣсь, сказалъ молодой человѣкъ, откинувъ плащъ и показывая на сюртукѣ отверстіе, откуда струились капли крови.

— Боже! съ ужасомъ вскричалъ судья: — я терялъ здѣсь время, когда ближній мой страдалъ отъ моей руки, не издавъ даже жалобы. Садитесь скорѣе въ сани, молодой человѣкъ; мы находимся недалеко отъ нашей деревни, гдѣ можемъ получить медицинскія пособія; все необходимое будетъ доставлено на мой счетъ. Вы должны остаться у меня до совершеннаго выздоровленія, и даже долѣе, если вамъ понравится.

— Благодарю васъ за доброе намѣреніе, но я не могу имъ воспользоваться: у меня есть другъ, который будетъ сильно беспокоиться, если я не возвращусь, да притомъ и рана легкая — кость не повреждена; все же я думаю, что вы согласитесь на мое право на оленя.

— Согласитесь! сказалъ взволнованный судья: я вамъ навсегда даю право стрѣлять во всѣхъ моихъ владѣніяхъ и лѣсахъ, если это вамъ вздумается; доселѣ никому не дано было такого права, кромѣ Кожанаго-Чулка, который, вѣроятно, съ удовольствіемъ раздѣлитъ его съ вами. Но я откупаю у васъ оленя, и взамѣнъ возьмите вотъ это.

Старый охотникъ стоялъ спокойно, пока судья высказывалъ это, потомъ проворчалъ про себя:

— Многіе утверждаютъ, что право Натти стрѣлять на этихъ горахъ гораздо древнѣе права Темпля запрещать ему это.

Не обращая вниманія на слова Натти, молодой человѣкъ вѣжливо поклонился судѣ и сказалъ ему учтиво, но съ твердостью:

— Извините меня, судья Темплъ, но мнѣ нужна эта дичина.

— Но за эту сумму вы можете купить любого оленя, сказалъ ему судья. Возьмите, пожалуйста, вѣдь это сто долларовъ.

Молодой человѣкъ, казалось, колебался минуту; но вдругъ лицо его покрылось краской, и онъ вторично съ низкимъ поклономъ отвергъ предложеніе. Въ этотъ моментъ Елисавета встала, откинула вуаль и настоятельно сказала:

— Конечно, вы не обидите такъ моего отца, отяготивъ его совѣсть сознаниемъ, что онъ оставилъ въ лѣсу безъ помощи человѣка, котораго ранилъ. Прошу васъ, поѣдьте съ нами и согласитесь посовѣтоваться съ докторомъ.

Юноша все еще колебался; но въ это время судья подошелъ къ нему, съ нѣжнымъ усиліемъ толкалъ

его и заставлял войти в сани.

— Вы не найдете помощи ближе чем в Темпльтон, так как жилище Натти на расстоянии часа езды. Натти успокоить вашего друга, а завтра я сам отвезу вас на родину, если вы будете на этом настаивать.

— Да, мой милый, сказал Кожаный Чулок, стоявший все это время задумчиво, облокотясь на ружье это будет в сущности самое лучшее, если ты пойдешь с ними, так как рука моя уже не годится, как в старое время, для того, чтобы выстрелить пулю. Да, тридцать один год тому назад, во время войны, я целых семьдесят английских миль шел по дикой пустыне с пулей в бедре, и только уже потом твердой рукой выстрелил ее карманным ножом. Старый Чингахок подробно помнит это дело. Я встретил его с толпой Делаваров, преследовавших шайку Ирокезов, и при этом оставил краснокожему память, которую он, впрочем, унес с собой в могилу. Я схватил его сзади, и посадил ему в обнаженную кожу три пули так близко, что все три можно было покрыть долларом. Да, да, судья, я должен был прибегнуть к оленьему заряду, так как потерял форму для пули, но ружье было так верно, что заряд не рассыпался так, как из этих двухствольных штук, с которыми вовсе не сподручно ходить на охоту.

Пока Кожаный Чулок болтал таким образом, молодой человек влез в сани, а негр положил оленя к прочей поклаже. Судья приглашал есть также и Натти.

— Нэт, нэт, сказал тот, качая головой; у меня есть дома дело в сочельник. Позжайте с молодым и пусть доктор осмотрит его руку; да если вы случайно встретите на дороге или у озера старого Джона, то не забудьте взять его с собой. Он имеет больше понятия об излечении ружейных ран, чем все доктора на свете.

— Натти! прервал молодой охотник, не говорите дома ничего о выстреле, и как только пуля будет вынута, я принесу вам на сочельник четверть оленя.

— Тише! сказал Кожаный Чулок, знаменательно подняв палец и тихо окидывая глазами ветви красной ели и опушку леса. Скоро, однако, он остановился, поднял курок, стал на колени в снегу протянул левую руку к ружью и направил его к стволу дерева. Сидевшие в санях внимательно следили за движениями его, и таким образом скоро увидели предмет, в который целился Натти. На маленькой, сухой ветке высокой красной ели, возвышавшейся на 70 футов, сидел дикий фазан. Испуганная лаем собак, птица прижалась к стволу, и только вытянула голову и шею, чтобы взглянуть на своего преследователя. Как только курок Кожаного Чулка был направлен на фазана, он выстрелил, и птица с такою силою упала с дерева, что совсем зарылась в снег.

— Куш, Гектор! закричал Кожаный Чулок собак, хотевшей подбегать к дереву.

Собака тотчас послушалась, и Натти снова зарядил ружье с заботливостью, доведенной до высшей степени. Окончив это, он достал убитого фазана, и показал прочим, что отстрелил ему голову.

— Ну, теперь ты можешь оставить свою дичину, мой милый: эта курица будет лакомым куском старику для сочельника. Посмотрите-ка, судья, разве вы можете достать вашим ружьем на такое расстояние, не испортив ни одного пера.

Старый лесник смеялся своим обыкновенным, тихим смехом; потом, взбросив свое ружье на плечо, кивнул обществу в знак прощания, и быстрыми шагами пошел в лес. Скоро он и его собака исчезли за высокими деревьями, между тем как сани поднимались на гору.

До этого времени, судья Темпл был слишком изумлен, чтобы мог ближе рассмотреть своего спутника, но теперь он заметил, что это был юноша лет 23, статный и красивый; глубоко погруженный в мысли, молча сидел он против него.

— Я думаю, молодой человек, заметил судья, обращаясь к незнакомцу, что испуг мой заставил меня забыть ваше имя, если оно уже было произнесено, однако лицо ваше мне кажется до того знакомым, что я думаю, что видел вас уже где-нибудь раньше.

— Я здесь всего только три месяца, а вы, кажется, это время были в отлучении, отвечал молодой человек так холодно, что у судьи прошла всякая охота продолжать разговор. Он молча отвернулся и несколько времени спокойно наблюдал его.

Лошади в это время достигли вершины горы, и чувствовали инстинктивно, что скоро конец их путешествию. Бодро закусив удила и забросив головы, быстро понеслись они по ровной, снежной поверхности, и скоро достигли места, где дорога была довольно крута и извилина вела в долину.

— Теперь, Лиза, сказал судья, пробуждаясь от задумчивости, теперь ты можешь видеть свою родину. Там место покоя на всю твою жизнь, и на вашу, молодой человек, если вы захотите остаться.

Тем, к кому относились эти слова, обратились в ту сторону, и глазам их представился величественный вид. Под ними лежала обширная равнина, покрытая снегом и окруженная лесистыми горами. Там и сям через заски виднелись открытые места, которые хотя были невелики и острообразны, но доказывали обитаемость свою тем, что над верхушками деревьев виднелся дым. С восточной стороны развивалась обширная плоскость, на которой не было ни одного растения, и только

шероховатая поверхность и дымившіяся изъ нея испаренія показывали, что это было озеро, подъ своимъ зимнимъ покровомъ. Узкій ручеекъ протекалъ по упомянутому мѣсту, и теченіе его на нѣсколько миль можно было узнать только по елямъ и пихтамъ, окаймлявшимъ берега. На крутомъ берегу озера лежала деревня Темпльтонъ, состоявшая изъ 50 деревянныхъ домовъ, раскрашенныхъ пестрыми красками. Домъ судьи возвышался надъ всѣми, и хотя былъ построенъ въ оригинальномъ стилѣ, но все-таки импонировалъ своею величиною. Онъ былъ возведенъ, изъ камня, и тѣмъ отличался отъ другихъ зданій.

Пока всѣ смотрѣли на долину съ напряженнымъ вниманіемъ, они слышали веселое бряцаніе саней, которыя, казалось, быстро приближались къ нимъ. Такъ какъ вся дорога была покрыта кустарниками, то сани можно было разглядѣть лишь тогда, когда упряжки совершенно сблизились другъ съ другомъ. Съ перваго же взгляда судья узналъ находившееся въ саняхъ общество. Оно состояло изъ четырехъ мужчинъ, изъ коихъ одинъ правилъ четырьмя превосходными конями, и гналъ ихъ по скату съ увѣренностью и безъ боязни. Это былъ шерифъ графства, Ричардъ Джонъ, двоюродный братъ судьи. Въ саняхъ сидѣлъ господинъ Грандъ проповѣдникъ околodka, Лекуа, первый купецъ Темпльтона, и маіоръ Гартманъ, нѣмецъ по происхожденію; всѣ трое были друзьями дома.

Ричардъ Джонъ остановилъ лошадей, и обои сани стояли другъ противъ друга, такъ что сидѣвшіе въ нихъ могли обмѣняться поклонами. Когда это кончилось, то Ричардъ снова повернулъ лошадей, по направленію къ деревнѣ. Какъ разъ подъ мѣстомъ, гдѣ стояли сани, была каменоломня и потому надо было много осторожности повернуть ихъ такъ, чтобы они не скатились въ пропасть. Негръ предложилъ отпрячь переднихъ лошадей, и это мнѣніе сильно поддерживалъ судья. Но Ричардъ, бывшій весьма самонадѣяннымъ, отвергъ это съ пренебреженіемъ.

— Зачѣмъ отпрягать, кузень, сказалъ онъ съ не удовольствіемъ, — лошади такъ смиренны, какъ овцы; сѣрыхъ, какъ ты знаешь, я выѣздилъ самъ, а вороныя такъ близки къ кнуту, что ими можно управлять. Спроси господина Лекуа, есть ли тутъ хотя малѣйшая опасность.

Французъ былъ слишкомъ вѣжливъ, чтобы разочаровать Ричарда въ его увѣренномъ ожиданіи, хотя, когда тотъ повернулъ къ каменоломнѣ, самъ съ ужасомъ посмотрѣлъ на эту бездну.

Нѣмецъ оставался совершенно спокойнымъ, но внимательно наблюдалъ за каждымъ движеніемъ. Грандъ уперся о стѣнки саней, чтобы быть готовымъ выскочить.

Ричардъ, между тѣмъ, притиснулъ лошадей къ снѣжной плотинѣ, окаймлявшей каменоломню. Лошади замѣтили, что чѣмъ далѣе онѣ подвигались, тѣмъ погружались все глубже; упрямо противились онѣ идти дальше, и отступали на заднихъ лошадей, не смотря на крики и кнутъ своего вожатаго; дышловыя тоже попятилась назадъ, сани вышли изъ колеи, и покрытые снѣгомъ колья оставались единственнымъ препятствіемъ паденія ихъ въ пропасть. Сани безъ труда перекинулись чрезъ эту слабую преграду, и, прежде чѣмъ Ричардъ могъ сообразить опасность, уже половина ихъ висѣла надъ пропастью, глубиной въ 100 футовъ. Французъ первый замѣтилъ опасность, и въ ужасѣ вскрикнулъ:

— Ахъ, мосе Ричардъ, что вы дѣлаете. Боже мой. Боже мой!

— Чортъ возьми, неужели вы хотите опрокинуть насъ въ пропасть, закричалъ нѣмецъ, выглянувшій изъ саней съ необыкновенною живостью.

— Милѣйшій господинъ Джонъ, сказалъ пасторъ, прошу васъ, будьте осторожнѣе.

— Впередъ, упрямыя черти! вскричалъ Ричардъ, увѣрившись наконецъ въ опасности угрожавшаго ему положенія и толкая нетерпѣливо ногами: — впередъ, проклятыя животныя.

— Боже, мы всѣ погибли! вскричалъ судья. Елизавета пронзительно вскрикнула и цвѣтъ лица негра, сидящаго въ другихъ саняхъ, сдѣлался грязно-сѣрымъ. Въ этотъ ужасный моментъ, когда сани Ричарда уже перевернулись, молодой охотникъ наскочилъ на упрямыхъ сѣрыхъ, которые отъ кнута совершенно одичали и все болѣе пятились назадъ, чтобы покончить съ страшнымъ мученіемъ. Молодой человекъ сильно ударилъ ихъ по головѣ; онѣ быстро бросились въ сторону, и попали на прежнюю дорогу. Сани, спасенныя отъ ужаснаго положенія, перевернулись, выкинувъ, безъ особыхъ приключеній, всѣхъ сидящихъ въ нихъ. Ричардъ полуоборотомъ полетѣлъ по воздуху, и не достигъ всего на 20 шаговъ снѣжной плотины, которой лошади такъ боялись. Онъ держался крѣпко за возжи, и такимъ образомъ имѣлъ видъ якоря; французъ, готовый выскочить, полетѣлъ головою въ снѣгъ, и ноги его, вытянутыя кверху, представляли собою птичье пугало. Маіоръ Гартманъ, не терявшій ни на минуту присутствія духа, первый поднялся на ноги, и сказалъ;

— Чортъ возьми, Ричардъ, у васъ совсѣмъ особая манера выпроваживать изъ саней гостей вашихъ.

Грандъ упалъ на колѣни, не потерпѣвъ никакого вреда, и заботливо осматривалъ своихъ спутниковъ. Первое время Ричардъ совершенно смѣшался; но, видя что никто не потерпѣлъ вреда, снова принялъ свой самодовольный видъ.

— Ну, что же, мы отдѣлались довольно счастливо, сказалъ онъ, гордо осматриваясь. Да, да, съ моей стороны было благою мыслью не бросать возжей, не то это проклятыя черти давно бы покатались съ горы. А что, Дукке, развѣ я не выказалъ храбрости; еще минута и все пропало; я зналъ, какъ лучше удержать бестій, ударъ въ правую сторону и дерганье возжами привело все въ настоящій порядокъ.

— Да, нечего сказать, много сдѣлали твои удары и дерганье, сказалъ судья, чистосердечно смѣясь. Вы всѣ лежали бы въ безднѣ раздавленными вмѣстѣ съ вашими лошадьми, безъ храброй помощи этого

юноши. Гдѣ же господинъ Лекуа?

— Ah! mon Dieu monsieur, я еще живъ, отозвался тотъ задыхающимся голосомъ. Подите сюда, мосье Агамемнонь, и помогите мнѣ подняться на ноги.

Али подскочилъ и помогъ французу встать на ноги. Мосье Лекуа выразилъ свое неудовольствіе, но, убѣдившись, что совершенно невредимъ, снова пришелъ въ веселое расположеніе духа. Послѣ насмѣшекъ надъ неловкостью Диккъ-Джонса, въ который этотъ однако не сознался, всѣ сѣли снова въ сани, и безъ дальнѣйшихъ приключеній продолжали дорогу къ дому Ричарда.

У дверей дома ихъ встрѣтили слуги, между которыми особенно выдавались, по своему званію и наружности: дворецкій и довѣренный Ричарда Джонса, Веньяминъ Пенгильянь, старый, упрямый, но весьма добросердечный дѣтина, и ключница, дѣвица Птибонъ. Съ собачьей своры Ричарда раздавался страшный шумъ, въ которомъ слышались всевозможные голоса, начиная съ волчьего воя до тьяканья барсука. Ричардъ отвѣчалъ удачнымъ передразниваньемъ на это громкое привѣтствіе. Собаки, сконфуженныя превосходствомъ его, возобновили свой шумъ; только красивый бульдогъ съ мѣднымъ ошейникомъ оставался спокоенъ. Во время шума своихъ собратій, онъ величественно подошелъ къ Ричарду, и повернулся къ Елизаветѣ, которая поласкала его. Благородное животное узнало ее, несмотря на ея многолѣтнее отсутствіе, и выказывало свою радость. Когда она удалилась, животное наблюдало за ней, потомъ вошло въ свою конуру, какъ будто сознавая, что въ домѣ теперь есть кладъ, который должно охранять.

Общество въ это время отправилось въ освѣщенную залу, переодѣлось и расположилось весьма уютно. Всѣ казались веселыми и довольными, только раненый молодой человекъ стоялъ у окна, облокотясь на ружье, и, казалось, строгимъ взглядомъ осматривалъ присутствующихъ. Судья, вспомнивъ, что надо оказать ему помощь, послалъ за докторомъ, который явился чрезъ нѣсколько минутъ и приготовился осмотрѣть рану.

Безъ особенныхъ требованій, незнакомецъ открылъ плечо, и показалъ рану, сдѣланную дробью. Вечерній холодъ приостановилъ кровь; докторъ въ этомъ мѣстѣ сдѣлалъ надрѣзъ, обнаружилъ дробину, вынулъ ее, и только-что собирался сдѣлать перевязку, какъ дверь въ залу отворилась, и въ комнату вошелъ старый Чингахгокъ, Большой Змѣй, котораго теперь жители деревни звали Джонъ Могиканъ. Много лѣтъ пронеслось надъ нимъ, и онъ былъ уже старикомъ, но черные глаза его блестяли, какъ огонь, и туловище его было такъ же крѣпко и прямо, какъ въ дни молодости. Замѣтивъ, что присутствующіе обратили на него вниманіе, онъ спустилъ съ плечъ плащъ, покрывавшій верхнюю часть его тѣла, подошелъ къ молодому охотнику, осмотрѣлъ его рану, и кинулъ взоръ на судью, который былъ изумленъ странными приемами индѣйца, но все же протянулъ ему руку и сказалъ:

— Добро пожаловать, Джонъ, не хочешь ли ты принять на себя леченіе своего друга?

— Блѣднолицые не любятъ крови, отвѣтилъ Чингахгокъ по-англійски, но все же молодой орелъ былъ раненъ рукой, которая не должна дѣлать ничего дурнаго.

— Могиканъ, старый Джонъ Могиканъ, не думай, что я съ намѣреніемъ пролилъ человѣческую кровь.

— Часто злой духъ поселяется въ лучшихъ сердцахъ

— Но съ какой стати сдѣлаю я вредъ молодому человѣку, котораго прежде никогда не зналъ и не видалъ, Джонъ; стыдитесь приписывать мнѣ такой грѣхъ.

— Уши мои открыты, и я слышу слова моего брата: онъ невиненъ и не хотѣлъ сдѣлать ничего дурнаго.

Старый индѣецъ взялъ корзинку, въ которой были разныя травы, и искусно сдѣлалъ перевязку молодому человѣку.

— Я не хочу васъ болѣе беспокоить, сказалъ молодой человекъ, надѣвая платье. Теперь намъ остается только рѣшить наши права на оленя, господинъ судья.

— Я соглашаюсь, что онъ принадлежитъ вамъ; но останьтесь у насъ до завтра, тогда мы рѣшимъ это дѣло къ удовлетворенію обѣихъ сторонъ и приведемъ его въ ясность.

— Оно должно рѣшиться сегодня, отвѣтилъ юноша, такъ какъ я уже сказалъ вамъ, что мнѣ нужна дичина, и я не хочу остаться у васъ на ночь.

— Но онъ будетъ вашъ рѣшительно весь, исключая спины, перебилъ Джонъ своего брата.

— Вы какъ разъ оставляете ту часть животнаго, которою я могу пользоваться. Мнѣ нужна спина, и я долженъ имѣть ее.

— Долженъ? повторилъ Ричардъ: долгъ есть крѣпкій грѣхъ, крѣпче даже внутренностей оленя.

— Да, долженъ, сказалъ молодой человекъ, гордо откинувъ голову, если только человѣкъ долженъ пользоваться тѣмъ, что онъ убилъ.

— Законъ за васъ, сказалъ судья Темплъ, съ видомъ обиды, перемѣшанной съ изумленіемъ. Позаботься, Веньяминъ, чтобы всего оленя положили въ сани молодаго человека, в отвезли въ хижину Кожанаго Чулка. Но вѣдь у васъ же есть имя, молодой человекъ? и я васъ опять увижу, чтобы загладить вредъ, причиненный вамъ мною.

— Меня зовут Оливеръ Эдвардсъ, и меня легко найти; я живу по соседству, и мнѣ не зачѣмъ прятаться, такъ какъ я не сдѣлалъ никому зла.

— Но вѣдь вредъ произошелъ отъ насъ, сказала Елизавета, и вы обидите отца моего, если отвергнете его помощь. Намъ бы всѣмъ было очень пріятно видѣть васъ завтра.

Молодой человѣкъ покраснѣлъ, низко поклонился, и отвѣтилъ:

— Хорошо, я завтра навѣщу судью Темпля, и въ знакъ дружбы воспользуюсь предложенными санями.

— Дружбы? повторилъ Мармадуке: я не имѣлъ намѣренія обидѣть васъ, и вы ни на минуту не должны были подозрѣвать это.

Незнакомецъ съ минуту стоялъ неподвижно и озабоченно, потомъ дико и живо осмотрѣлъ комнату своими темными глазами, поклонился и вышелъ изъ нея съ миной, устранявшей всякую попытку удержать его.

— Странно, сказалъ Мармадуке, такъ молодъ и такъ несговорчивъ; вѣроятно, завтра, когда онъ придетъ сюда, съ нимъ легче будетъ сговорить.

Елизавета, къ которой обращены были эти слова, ничего не отвѣчала, повернулась и прошла чрезъ заль въ столовую, куда послѣдовало и все общество, исключая Чингахгока, который, накинувъ плащъ; отправился въ свою хижину.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

На слѣдующее утро погода измѣнилась; небо покрылось облаками, и поднявшійся южный вѣтеръ служилъ несомнѣннымъ признакомъ наступающей оттепели. Елизавета проснулась, когда на восточныхъ горахъ явились уже солнечные лучи, набросила на себя шубу и отправилась на чистый воздухъ, дабы удовлетворить своему любопытству осмотромъ окрестностей. Когда она вышла изъ воротъ, то встрѣтила своего дядю, шерифа Ричарда Джона, который тотчасъ присоединился къ ней для сопровожденія ея въ предпринятой прогулкѣ.

Разговаривая о разныхъ предметахъ, они довольно удалились отъ дома, и пришли на пустое мѣсто за деревней, гдѣ снѣжное поле пересѣкалось мрачнымъ сосновымъ лѣсомъ. Шумъ вѣтра, проносившагося по верхушкамъ деревъ, покрывалъ шумъ ихъ шаговъ, между тѣмъ какъ вѣтви закрывали ихъ самихъ. Скрытые такимъ образомъ, они приблизились къ мѣсту, гдѣ молодой охотникъ Эдвардсъ, Кожаный-Чулокъ и Чингахгокъ заняты были серьезнымъ разговоромъ. Первый говорилъ съ большимъ жаромъ, между тѣмъ какъ Натти и его другъ вслушивались болѣе чѣмъ съ обыкновеннымъ вниманіемъ.

— Дядюшка, пойдете дальше, сказала Елизавета Мы не имѣемъ никакого права подслушивать тайны этихъ людей.

— Никакого права, Лиза? возразилъ Ричардъ. Ты кажется, забыла, что моя обязанность, какъ шерифа, состоитъ въ томъ, чтобы заботиться о спокойствіи округа и наблюдать за исполненіемъ законовъ. Подойдемъ же ближе и послушаемъ, что говорятъ эти люди.

Шерифъ не обратилъ вниманія на сопротивленіе племянницы, и поставилъ на своемъ. Они такъ близко подошли къ тремъ пріятелямъ, что ясно могли разобрать все, что говорилъ молодой охотникъ и другіе.

— Мы должны, такъ или иначе, получить птицу, сказалъ Кожаный-Чулокъ. Прежде, мой милый, индѣйки не были такъ рѣдки въ этомъ округѣ; теперь же, если хочешь имѣть такую, то надо идти почти до виргинской почвы. Жирный индюкъ славная вещь, хотя я съ своей стороны предпочитаю всему бобровый хвостъ и медвѣжій окорокъ. Но вкусы различны. Я заплатилъ сегодня французскому торговцу за порохъ все, до послѣдняго шиллинга, а такъ какъ и у васъ ничего нѣтъ, то мы можемъ сдѣлать по немъ только одинъ выстрѣлъ. Я знаю, Билли Кирби тоже здѣсь, и надѣется, что индюкъ не уйдетъ отъ него. У Чингахгока вѣрный глазъ; но моя рука иногда дрожитъ, когда предстоитъ только одинъ выстрѣлъ и случается что-нибудь необыкновенное. Когда я послѣднюю осень охотился за медвѣдями, то еще справлялся съ ихъ медвѣжатами, какъ ни были они свирѣпы; одного за другимъ убивалъ я изъ моей засады за деревьями, но это совсѣмъ другое дѣло, Оливеръ.

— Вотъ это и мое ружье — единственная сокровища, которыя я имѣю, съ горечью сказалъ молодой человѣкъ, вынимая изъ кармана шиллингъ. Я теперь совершенный лѣсникъ и долженъ охотой обезпечивать свое существованіе. Итакъ, Натти, употребимъ на птицу и послѣдній шиллингъ; отъ вашей руки долженъ быть успѣхъ.

— Я лучше бы желалъ, чтобы это исполнилъ Чингахгокъ, ибо, если вы этимъ такъ дорожите, то я увѣренъ, что промахнусь.

— Вотъ мой шиллингъ, Чингахгокъ! Возьми мое ружье и стрѣляй въ жирнаго индюка, который привязанъ къ пню.

— Господинъ Оливеръ охотно бы желалъ имѣть птицу, а я знаю, что когда тороплюсь, то ничего не могу исполнить.

Индѣецъ сдѣлалъ отрицательный жестъ.

— Когда Чингахгокъ былъ молодъ, возразилъ онъ, то пуля его летѣла такъ же прямо, какъ лучи его глазъ, и воины Мингосовъ страшились его ружья. Стрѣлялъ ли онъ когда-либо два раза? Онъ убивалъ орла, парящаго надъ облаками, а перья его служили украшеніемъ для женщинъ. Теперь рука его дрожить, какъ дрожить олень при воѣ волковъ. Чингахгокъ не можетъ стрѣлять.

Въ это время Елизавета подвинулась впередъ, и вошла въ небольшой кругъ кустарниковъ, окружавшихъ трехъ охотниковъ. Появленіе ея такъ поразило юношу, что онъ хотѣлъ сначала удалиться; но потомъ, собравшись съ духомъ, поклонился и снова оперся на ружье. Натти и Чингахгокъ были не менѣе удивлены этимъ внезапнымъ появленіемъ.

— Я сейчасъ слышала, что до сихъ поръ еще сохранилось старое рождественское удовольствіе убивать индѣекъ, и очень хотѣла бы испытать на птицѣ и мое счастье. Кто изъ васъ хочетъ взять эти деньги и рискнуть для меня выстрѣломъ? Вы, Натти, ветеранъ нашихъ лѣсовъ, конечно, не будете такъ неучтивы, чтобы отказать дамѣ въ выстрѣлѣ изъ вашего ружья?

При этихъ словахъ она всунула долларъ старому охотнику. Кожаный-Чулокъ положилъ деньги въ мѣшокъ для дробы, и, взбросивъ потомъ ружье на плечо, отъ души, тихо засмѣялся и сказалъ:

— Если только Билли Кирби не воспользуется птицейъ раньше меня, то сегодня вы увидите такую индѣйку, которая едвали когда-нибудь подана была на столъ судьи. Итакъ пойдѣте, дѣти, ибо если мы будемъ долго ждать, то лучшая птица отправится къ чорту.

— Но я имѣю передъ вами преимущество, Натти, и долженъ сперва попробовать свое собственное счастье, сказала Оливеръ.

— Дѣйствуйте по вашему усмотрѣнію, сказала Елизавета. Вы оба охотники счастья, а Натти мой рыцарь, глазу и рукѣ котораго я вѣрю послѣдствія. Идите впередъ, Кожаный-Чулокъ, мы слѣдуемъ за вами.

Натти, который, казалось, находилъ удовольствіе въ откровенности дѣвушки, возобновилъ свой довольный смѣхъ съ свойственнымъ ему выраженіемъ веселости, и большими шагами направился къ мѣсту, гдѣ должна была происходить стрѣльба. За нимъ слѣдовали и остальные, а равно и Елизавета, опирающаяся на руку дяди.

Рождественское удовольствіе стрѣлять по индѣйкѣ принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ, которыя рѣдко забываются переселенцами. Владѣлецъ птицы былъ свободный негръ, доставлявшій при этомъ случаѣ и другихъ животныхъ, которыя должны были быть убиты.

Устройство праздника было очень просто и легко понятно. Птица шнуркомъ привязывалась къ обручку большой сосны, которая со стороны стрѣльбища плоско отрубалась топоромъ, чтобы служить цѣлью. Пространство между пнемъ и мѣстомъ стрѣльбы имѣло сто отмѣренныхъ локтей. Негръ назначалъ цѣну за каждую птицу и опредѣлялъ условія; когда это было сдѣлано, то законъ ставилъ ненарушимымъ правиломъ допускать къ стрѣльбѣ каждаго свободного охотника.

На площади находилось около 30 молодыхъ людей, снабженныхъ ружьями, и всѣ ученики деревни. Мальчики, заложивъ руки въ карманы, толкались между охотниками и слушали ихъ хвастовство, рѣшившись превзойти всѣ великія дѣянія героевъ.

Главный ораторъ былъ упомянутый Кожанымъ-Чулкомъ Билли Кирби, пустой и буйный молодой человекъ, котораго работа, если онъ когда-либо ею занимался, состояла въ очищеніи деревни и выкапываніи корней. Шумливаго и добродушнаго нрава, онъ былъ въ состояніи по цѣлымъ недѣлямъ толкаться изъ кабака въ кабакъ, когда онъ думалъ, что кліенты его могутъ обсчитать его на шиллингъ; но если съ нимъ сходились, то онъ, взявъ топоръ и корзину, направлялся скорыми шагами къ лѣсу; здѣсь онъ опредѣлялъ свой округъ, обозначая его на окружающихъ деревьяхъ и прикладываясь весьма часто къ своей манеркѣ; потомъ раздумывая отправлялся на назначенное ему мѣсто, снимая съ себя излишнее платье, разглядывая испытующимъ взоромъ деревья, вершины коихъ доходили до облаковъ. Для пробы своей силы онъ избиралъ обыкновенно самое лучшее дерево и приближался къ нему, напѣвая хладнокровно пѣсню; потомъ увѣреннымъ топоромъ дѣлалъ на корѣ зарубку и измѣрялъ разстояніе; затѣмъ наступала знаменательная минута для лѣса, который цвѣлъ и зеленѣлъ сотни лѣтъ. Наконецъ раздавался трескъ, когда дерево ломалось на мѣстѣ удара, потомъ шумъ вѣтвей на сосѣднихъ деревьяхъ и паденіе на землю, походившее на землетрясеніе. Съ этой минуты непрерывно раздавался стукъ топора и паденіе деревьевъ, подобно отдаленной канонадѣ, и въ глубину пробивался свѣтъ со скоростію зимняго утра.

Кирби могъ продолжать работу дни, недѣли и мѣсяцы съ усердіемъ и послѣдовательностію, доходящими до невѣроятныхъ предѣловъ. Часто въ лѣтній вечеръ слышали въ Темпльтонѣ, какъ онъ призывалъ своего вола по окончаніи работы, голосомъ стентора, и эхо повторяло его зовъ, который замиралъ въ горахъ, окружающихъ озеро. Когда онъ оканчивалъ съ необыкновенной силой и скоростію уборку дровъ, то собиралъ свои рабочіе инструменты, зажигалъ вѣтви, и удалялся изъ горящаго лѣса, какъ завоеватель города, увѣнчавшій свою побѣду горящимъ факеломъ. Долго послѣ того можно было встрѣтить Кирби шатающагося по кабакамъ и развѣзжающаго на крестьянскихъ лошадяхъ. Онъ бралъ на себя роль глашатая при пѣтушихъ бояхъ, и часто былъ героемъ народныхъ удовольствій.

Между порубщикомъ и Кожанымъ-Чулкомъ давно существовало соперничество въ употребленіи ружья. Натти могъ похвастать давней опытностію, но говорили, что и Билли не отставалъ отъ него; и теперь первый разъ они должны были состязаться публично.

Билли только-что сошелся въ цѣнѣ избранной птицы, какъ подошли Натти и спутники его. Призь, назначенный за выстрѣль, состоялъ изъ шиллинга (четыре гроша или 18 крейцеровъ). Индюка привязали къ цѣли, но туловище его было все покрыто снѣгомъ, и виднѣлась только красная голова и длинная шея. Если птица повредилась подъ снѣгомъ, то оставалась собственностію ея владѣльца, но если хотя одно перо падало изъ видной части, то она доставалась, какъ призь, охотнику.

Негръ, сидѣвшій въ довольно опасномъ сосѣдствѣ около птицы, только-что успѣлъ назначить условія, какъ приблизилась Елисавета съ дядей, и стрѣльба началась.

— Прочь съ дороги! крикнулъ Билли окружающимъ мальчикамъ, выступая на боевое мѣсто. — Прочь, чертенята! не то прострѣлю васъ насквозь. Ну, Бротъ, простиись съ твоей индѣйкой.

— Остановись! воскликнулъ Оливеръ Эдвардсъ, я тоже участникъ, и вотъ мой шиллингъ, Бротъ.

— Ого! сказалъ Билли молодому человѣку, у васъ такъ много денегъ, что вы платите за выстрѣль, который вамъ никогда не удастся.

— Не ваше дѣло заботиться, сколько у меня въ карманѣ, гордо отвѣтилъ молодой человѣкъ: я хочу стрѣлять, Бротъ, и вотъ вамъ за то деньги.

— Ну, ну, не горячитесь такъ, молодой человѣкъ, сказалъ Билли, осматривая свой кремень: у васъ, какъ я слышалъ, повреждено лѣвое плечо, и Бротъ можетъ доставить вамъ выстрѣль за полцѣны. Не думайте, что легко попасть въ птицу, если только вамъ это удастся, потому что я всѣми силами буду препятствовать этому.

— Не очень-то важничайте, Билли Кирби, сказалъ Кожаный-Чуллокъ, облокотясь на стволъ своего ружья. Вамъ предстоитъ только одинъ выстрѣль, и если вы промахнетесь, то за вами послѣдуетъ привычный глазъ. Хотя моя стрѣльба не такъ увѣрена какъ прежде, но 100 локтей не большое разстояніе для длиннаго ружья.

— Вотъ какъ, старый Кожанный Чулокъ тоже поднялся за нами, легкомысленно вскрикнулъ Билли Кирби. Вѣдь я имѣю преимущество, старина, и скоро увидимъ, кто будетъ ѣсть это сочное жаркое.

Пока порубщикъ поднималъ оружіе, хозяинъ индѣйки старался отвлечь его вниманіе и рѣзко вскрикнулъ:

— Билли Кирби, послушай чествомъ, отойди-ка подальше, я не хочу дать себя въ обманъ! Дайте мѣсто, мальчишки! Шельма индѣйка, качай же головой, развѣ ты не видишь, что въ тебя цѣляютъ?

Всѣ эти восклицанія негра были совершенно напрасны, потому что не такъ-то легко было раздражить нервы порубщика. Билли прицѣлился съ большой осторожностью; нѣкоторое время господствовала тишина, но курокъ щелкнулъ, и раздался выстрѣль. Голова индѣйки повисла на сторону, и нѣсколько времени она махала крыльями, но потомъ удобно помѣстилась и живо стала смотрѣть кругомъ. Негръ прервалъ молчаніе, и съ восторгомъ расхохотался, катаясь отъ удовольствія по снѣгу.

— Славный индюкъ! воскликнулъ онъ подпрыгивая, дайте-ка еще мнѣ шиллингъ, если хотите сдѣлать другой выстрѣль.

— Нѣтъ, теперь моя очередь, сказалъ Оливеръ, я заплатилъ деньги. Посторонитесь и дайте мѣсто.

— Любезный другъ, у васъ дрожитъ рука, сказалъ Натти, — не стрѣляйте лучше, а если хотите уже непременно, то стрѣляйте скорѣе, пока ваша невѣрная рука не потеряла цѣли.

— Послушайте чествомъ, сказалъ хозяинъ индѣйки: вы не имѣете права давать совѣты Натти Бумпо. Оставьте его стрѣлять, и дайте ему мѣсто.

Юношѣ очистили мѣсто; онъ живо выстрѣлилъ, но индѣйка и не шевельнулась, пуля не попала даже и въ цѣль.

Радость Брота при вторичной неудачѣ исчезла окончательно, когда Эдвардсъ удалился пораженный, а Натти Бумпо взошелъ на мѣсто стрѣльбы. Лицо его сдѣлалось голубовато-коричневымъ, и руки его пересилили врожденное отвращеніе къ холоду.

Старый лѣсникъ приготовился: выставилъ правую ногу, лѣвой рукой взялся за стволъ, и направилъ его на птицу. Всѣ глаза были обращены къ цѣли; но въ моментъ, когда думали услышать выстрѣль, услышали только стукъ кремня.

— Осѣчка, осѣчка! съ торжествомъ вскричалъ негръ, и радостно подбѣжалъ къ птицѣ. Натти Бумпо осѣкся! Натти Бумпо не попалъ въ индюка!

— Глупости, сказалъ съ раздраженіемъ старый лѣсникъ: убирайся съ дороги, Бротъ. Какъ можешь ты быть такимъ сумасшедшимъ, чтобы считать осѣчку выстрѣломъ? Пусти, я покажу Билли Кирби, какъ надо бить рождественскаго индюка.

— Нѣтъ, закричалъ негръ, Бротъ поступаетъ честно; всѣ знаютъ, что осѣчка считается выстрѣломъ. Спроси Монса Джонса и молодую даму. — Да, да, Кожаный-Чуллокъ, — вмѣшался Кирби, — негръ правъ: если ты хочешь еще стрѣлять, то долженъ заплатить шиллингъ. Я еще разъ хочу испытать свое счастье; возьми шиллингъ, Бротъ; первый выстрѣль мой.

— Вы вѣрно лучше меня знаете лѣсные законы? иронически замѣтил Натти. Вы приѣхали въ страну съ колонистами, а я былъ здѣсь при старой войнѣ, въ мокалинахъ и съ ружьемъ черезъ плечо. Конечно, вы должны знать лучше меня, не правда ли? Вздоръ, никто не убѣдитъ меня, что осѣчка есть выстрѣль.

— Спросите Джонса, онъ все знаетъ, сказалъ негръ.

Ричардъ вышелъ, и рѣшилъ споръ въ пользу негра и въ ущербъ Натти. Всѣ остались довольны, исключая Кожанаго-Чулка.

— Мнѣ кажется, что не мѣшаетъ спросить мнѣніе дѣвицы Елисаветы, сказалъ онъ. Если она скажетъ, что я проигралъ, то я успокоюсь.

— Мое мнѣніе, добрѣйшій Натти, что вы на этотъ разъ въ убыткѣ, сказала дѣвушка. Но если хотите попытаться, то я заплачу шиллингъ, если только Бротъ не уступитъ мнѣ индейку за долларъ.

Негръ отрицательно покачалъ головой, и Билли Кирби приготовился стрѣлять, тогда какъ Натти неохотно уходилъ изъ кружка.

— Съ тѣхъ поръ, какъ купцы и лавочники поселились здѣсь, нельзя достать и порядочнаго кремня, недовольно ворчалъ лѣсникъ. Но все равно, я вложу другой кремень; мнѣ кажется, что у Билли невѣрненькіе глаза.

Порубщикъ, кажется, понялъ теперь, что слава его готова рушиться, и потому не пренебрегалъ никакими средствами для счастливаго исхода. Онъ нѣсколько разъ цѣлился. Кругомъ царствовало молчаніе; даже Бротъ не произнесъ ни слова, пока Билли не выстрѣлилъ. Онъ опять промахнулся, и радостный крикъ негра, похожій на военный крикъ индійцевъ, раздался по лѣсу. Онъ громко смѣялся, кидался на землю, и опять вскакивалъ и показывал, на сколько могъ, шумную радость, достойную индійца.

Билли Кирби, употребившій при этомъ всю свою ловкость, не чувствовалъ впрочемъ особаго негодованія при своемъ промахѣ. Онъ заботливо осмотрѣлъ птицу, и удостовѣрялся, трогая ея перья; но когда всѣ возстали противъ него, то онъ послушался возгласа чернаго: предоставьте свободную игру негру. Неохотно повернулся онъ къ Броту и грубо сказалъ:

— Держись, старая лягушка! Гдѣ же найдется человѣкъ, который во 100 локтяхъ попадетъ въ голову индѣйки. Я былъ глупъ, что пытался это сдѣлать; но тебѣ нечего шумѣть, какъ валяющаяся сосна. Зажмика ротъ, да назови мнѣ охотника, который бы поступилъ лучше меня.

— Ну, Билли Кирби, сказалъ Кожаный Чулокъ, я постараюсь показать вамъ человѣка, который въ прежнее время стрѣлялъ лучше. Если вамъ угодно, то дайте дорогу.

Кирби неохотно отошелъ, а Натти всталъ на мѣсто. Хотя онъ дѣлалъ гораздо болѣе важные выстрѣлы по дичи и непріятелямъ, тѣмъ не менѣе никогда не старался такъ, какъ теперь. Нѣсколько разъ подымалъ онъ ружье, потомъ вычислялъ разстояніе, и наконецъ, когда птица, встревоженная спокойствіемъ, повернула голову, чтобы видѣть непріятеля, — выстрѣлилъ.

Впечатлѣніе, произведенное выстрѣломъ, мѣшало видѣть послѣдствія. Но Елисавета, замѣтивъ, что Кожаный-Чулокъ опустилъ ружье и улыбнулся, догадалась, въ чемъ дѣло. Онъ, однако, началъ снова заряжать ружье, между тѣмъ какъ мальчики, подбѣжавъ къ дереву, подняли вверхъ мертвую индѣйку, голова которой держалась только на волоскѣ.

— Принесите птицу, и положите ее къ ногамъ дамы, сказалъ онъ: я стрѣлялъ для нея, и птица принадлежитъ ей.

— Я испытала свое счастье для того, чтобы насладиться ловкостію Кожанаго-Чулка, сказала она, обернувшись къ молодому охотнику. Прошу васъ принять эту птицу въ награду за поврежденіе, которое мѣшало вамъ самимъ выиграть призъ.

Молодой человѣкъ низко поклонился, взявъ птицу, лежавшую у ногъ Елисаветы; но выраженіе лица его, когда онъ принялъ подарокъ, было такъ оригинально, что можно было думать, онъ охотнѣе бы сдѣлалъ противное. Елисавета дала деньги негру, какъ награду за убытокъ, и сказала дядѣ, что желаетъ возвратиться домой.

Въ этотъ моментъ на площадь явился судья Темплъ, поклонился своей дочери и брату, подошелъ къ Эдвардсу, который стоялъ вдали отъ шума, облокотясь на свое ружье и разсматривая птицу, лежащую у его ногъ. Возлѣ него были Кожаный-Чулокъ и Чингахгокъ.

— Господинъ Эдвардсъ, сказалъ судья, я нанесъ вамъ большой вредъ, и обязанъ чѣмъ-нибудь исправить несчастную неосторожность. Мнѣ нуженъ теперь человѣкъ, умѣющій писать, и я желалъ бы, чтобы вамъ понравилось въ моемъ домѣ. Окажите мнѣ помощь, хотя на несколько мѣсяцевъ, и труды ваши будутъ вознаграждены по заслугамъ.

Съ видимымъ неудовольствіемъ выслушалъ юноша это предложеніе; но, собравшись съ духомъ, отвѣчалъ:

— Я бы съ большимъ удовольствіемъ принялъ ваше предложеніе честно заработать себѣ хлѣбъ, если бы у меня не было теперь болѣе важныхъ обязанностей. Позвольте мнѣ заняться охотой.

— Вы хватаетесь за невѣрное ремесло, молодой человѣкъ, отвѣтилъ судья, и я прошу васъ быть въ моемъ домѣ хотя до тѣхъ поръ, пока совершенно излечится ваша рука.

Судья говорил много любезностей, которыя Эдвардсъ слушалъ съ тяжелой, душевной борьбой. Онъ, кажется, уже рѣшался принять предложеніе судьи, но на лицѣ его снова показалось выраженіе необъяснимаго отвращенія.

Индіецъ съ большимъ участіемъ, усиливавшимся съ каждой минутой, слушалъ слова судьи. Наконецъ, подойдя къ разговаривавшимъ, сказалъ имъ съ достоинствомъ:

— Слушай своего отца, юноша, — слова его стары; молодой орелъ и великій начальникъ могутъ безопасно жить и спать вмѣстѣ. Мингосы и Делавары враги, а вы ихъ потомки. Учись ждать, сынъ мой; ты Делаваръ, а индіецъ терпѣливъ.

Слова эти, кажется, имѣли большое вліяніе на нерѣшительнаго юношу. Послѣ долгаго сопротивленія, онъ наконецъ рѣшился принять предложеніе судьи, съ условіемъ—прервать его, когда ему вздумается.

Этимъ кончились переговоры, къ неудовольствію судьи, который рѣшительно не могъ объяснить себѣ отвращенія молодаго человѣка къ его личности в домѣ. Онъ задумчиво шелъ съ братомъ и дочерью домой, и разговоръ ихъ касался неизвѣстнаго молодаго человека.

Трое пріятелей отправились мимо деревни; достигнувъ озера, по замерзшей поверхности подошли они къ подошвѣ скалы, у которой стояла ихъ хижина. Юноша первый прервалъ молчаніе.

— Кто бы подумалъ мѣсяцъ тому назадъ, что я рѣшусь служить судѣ и быть, такъ сказать, домочадцемъ моего страшнѣйшаго врага. Рабство это не можетъ долго продолжаться, потому что я стряхну его съ себя, какъ пыль съ моихъ сапоговъ.

— Развѣ онъ Мингосъ, что ты зовешь его врагомъ? спросилъ Чингахгокъ.

— Я не вѣрю этому дѣлу, Змѣя, сказалъ Кожаный-Чуллокъ; я слышалъ, что у насъ будутъ новые законы, по которымъ будутъ новыя дороги въ горы. Мѣстность такъ измѣнилась, что насилу узнаешь острова и теченія; сказать по правдѣ, я не слишкомъ вѣрю этому краснорѣчію, потому что, сколько я ни слышалъ этихъ бѣлыхъ ораторовъ, они всегда какъ то имѣли виды на индійскія земли.

— Ну, я подвергнусь своей участи, и забуду кто я, сказалъ юноша; не напоминай мнѣ, что я потомокъ начальника Делаваровъ, который былъ владѣтелемъ этихъ горъ, прекрасныхъ долинъ и водъ, по которымъ ты плаваешь. — Да, я буду его вассаломъ и слугой; развѣ это не недостойное рабство, старикъ?

— Старикъ! торжественно повторилъ индіецъ. Да Чингахгокъ старъ, рука его — рука бабы, томагавкъ его — деревянный топоръ; чертополохъ и вѣтви — враги его. Пора отправиться къ предкамъ, Большой Змѣй Делаваровъ, дни его разсчитаны, и онъ хочетъ умереть.

— Довольно, пріятель, сказалъ юноша, — не говори больше, слова твои такъ тяжело ложатся на сердце.

Чингахгокъ замолчалъ, и пріятели вошли въ избу, снявъ предварительно запоръ, защищавшій ихъ имущество.

На другой день Эдвардсъ занялся дѣломъ у судьи, и почти три мѣсяца прошли безъ особенныхъ приключеній. Днемъ онъ прилежно работалъ, а ночи часто проводилъ въ хижинѣ Кожанаго-Чулка. Сношенія трехъ охотниковъ были таинственны и радушно поддерживались, хотя Чингахгокъ рѣдко, а Натти даже никогда не ходилъ въ господскій домъ. Эдвардсъ пользовался всякой минутой, чтобы навѣстить свое жилище, откуда возвращался очень поздно, иногда даже съ восходомъ солнца. Тѣ, кто зналъ эти посѣщенія, дѣлали разныя предположенія, не давая этого замѣтить, только Ричардъ высказывалъ иногда вполголоса свои замѣчанія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Съ наступленіемъ весны огромныя снѣжныя массы, покрывавшія деревню, стали постепенно таять, и, вмѣсто гладкой снѣговой коры, улицы покрылись почти непроходимой грязью. Младшіе члены семейства изъ господскаго дома, къ которымъ можно было причислить и Луизу Грандтъ, дочь пастора, не остались равнодушными къ этой перемѣнѣ. Они могли наслаждаться всѣми удовольствіями зимы, пока снѣгъ покрывалъ улицы, и не только предпринимали поѣздки на горы и долины, но находили различныя поводы къ удовольствію и на замерзшей поверхности озера. При этихъ поѣздкахъ въ окрестности, какъ дамы, такъ и кавалеры, употребляли верховыхъ лошадей, и первыя часто сопровождались однимъ или и нѣсколькими кавалерами семейства. Молодой Эдвардсъ ежедневно все болѣе входилъ въ свое положеніе, и нерѣдко принималъ участіе въ прогулкахъ съ беззаботностію и чистосердечіемъ, изгонявшимъ на минуту изъ его души всѣ страшныя воспоминанія. Привычка и юношеское легковѣріе, казалось, одерживали верхъ надъ тайнымъ источникомъ его безпокойства, хотя минутами снова являлось это отвращеніе къ судѣ Темплю, которое въ первые дни знакомства выказалось въ ихъ разговорѣ.

Въ концѣ марта, Ричардъ Джонсъ уговорилъ Елисавету и подругу ея, Луизу Грандтъ, сопровождать ихъ на холмъ, который, по сказаніямъ, оригинально нависъ надъ озеромъ.

— Дорогой мы пройдемъ мимо сахарныхъ тростниковъ Билли Кирби, и можемъ полюбоваться на нихъ, прибавилъ онъ. Въ цѣломъ околоткѣ никто не умѣетъ варить сахаръ, какъ этотъ Кирби.

— Да, Билли хорошей порубщикъ, замѣтилъ Веньяминъ Петильянь, или Пумпъ, какъ его называли сокращенно, державшій въ рукахъ поводья лошади, на которую сѣлся судья. — Онъ хороший порубщикъ и превосходно владѣть топоромъ. Недавно я видѣлъ сахаръ съ его фабрики, о которомъ и старая пріятельница, дѣвица Петибонна, говоритъ, что онъ вкусень, какъ лучшій сиропъ. А вѣдь вы знаете, господинъ Джонсъ, что дѣвица Ремаркабль имѣетъ въ своемъ рту, похожемъ на орѣшныя щипцы, особенное чутье для сладостей.

На этотъ ѣдкій намекъ мировой судья громко засмѣялся, и Пумпъ изо всѣхъ силъ вторилъ ему въ этомъ. Когда потомъ всѣ сѣли на лошадей, то кавалькада въ лучшемъ порядкѣ двинулась по деревнѣ. Дорогой встрѣтили они Левуа, и, оставивъ за собой дома, общество поѣхало по дорогѣ, ведущей къ лѣсу.

Ричардъ Джонсъ всячески старался занимать общество, пока наконецъ не достигли на вершинѣ горы вырубленнаго лѣса, гдѣ ели и сосны совершенно исчезли, уступили мѣсто рошѣ изъ сахарнаго клена съ его прямыми стволами и размашистыми вѣтвями, покрывавшими всю землю. Возлѣ каждаго древеснаго корня пробуравливалась дыра, въ которую входила трубочка изъ кожевеннаго дерева. Передъ ней стояло грубо выдѣланное изъ липы корыто для принятія сока, который вытекалъ посредствомъ этого безыскусственнаго и роскошнаго устройства.

Сахароваръ Билли Кирби занимался недалеко отъ лошадей. Равнодушно повернулъ онъ голову на громкій призывъ мирового судьи, и съ удивительнымъ хладнокровіемъ разсматривалъ приближающееся общество. Потомъ кивнулъ каждому добродушно и искренно, какъ будто это были равные ему, и даже передъ дамами онъ не снялъ шляпы.

— Какъ поживаете, господинъ мировой судья? спросилъ порубщикъ. Что новаго въ деревнѣ?

— Ничего особеннаго, Билли; Но что это значить? Гдѣ же твои четыре котла, корыто и желѣзный охладительный котель? Развѣ ты такъ небрежно дѣлаешь сахаръ? Я всегда думалъ, что ты лучшій сахароваръ въ околоткѣ.

— Это такъ и есть, господинъ судья, и я во всемъ округѣ никому не уступлю въ вырубкѣ лѣса, сахаровареніи, производствѣ кирпичей и поташа и тому подобнаго, не смотря на то, что топоромъ я владѣю лучше всего.

— Да вы, кажется, мастеръ на все, Билли? сказалъ Левуа.

— Да, да, сказалъ Билли, съ видимой простотой: если вы хотите чѣмъ-нибудь торговать, то круглый годъ найдете у меня такой хорошей сахаръ, какого не найдете нигдѣ. Хотите завести торговлю?

— Я даю вамъ десять су за фунтъ, Билли.

— Господинъ Левуа предлагаетъ вамъ десять пенсовъ за фунтъ сахара, сказалъ Эдвардъ порубщику не понявшему француза.

Пристально, большими глазами смотрѣлъ тотъ на говорившихъ, не произнося ни слова.

— О, десять пенни, повторилъ французъ. Билли снова осмотрѣлся, и, кажется, былъ того мнѣнія, что надъ нимъ смѣются. Потомъ, взявъ ложку, которая лежала въ сторонѣ отъ котла, началъ старательно мѣшать жидкость, наполнивъ ее сокомъ, поднялъ и снова вылилъ сокъ въ котель; ложку же покачалъ въ воздухъ, какъ бы желая остудить остатки, и предложилъ ее господину Левуа, сказавъ:

— Попробуйте-ка, мосье, и вы сами скажете, что это стоитъ больше того, что вы предлагаете; одинъ сиропъ стоитъ уже этого.

Услужливый французъ тотчасъ наполнилъ ротъ расплавленной жидкостью; но, схватившись за грудь, бросилъ на дамъ жалостный взглядъ. Билли рассказывалъ потомъ, что ноги француза такъ быстро затрепетали какъ палки, которыя бьютъ по барабану; выплюнувъ онъ началъ издавать по-французски проклятія; но кто желалъ смѣяться надъ Билли Кирби, тотъ долженъ былъ быть посмѣтливѣе.

Наивная мина, съ которой порубщикъ снова мѣшалъ свою жидкость въ котлѣ, увѣрила зрителей въ его хитромъ намѣреніи, и они отъ души засмѣялись. Но французъ злобно пришпорилъ лошадь, и какъ можно скорее отъѣхалъ дальше.

Изъ сахарнаго лѣску общество поѣхало по тропинкѣ, и дорогой Елисавета просила своего отца рассказать ей о его первомъ посѣщеніи этихъ лѣсовъ, о которомъ она еще ничего не слыхала. Между тѣмъ, какъ она говорила, молодой Эдвардъ подѣхалъ ближе къ судѣ и смотрѣлъ на него съ такимъ выраженіемъ своихъ темныхъ глазъ, какъ будто хотѣлъ проникнуть въ его сокровеннѣйшія мысли.

— Ты была еще ребенкомъ, дочь моя, когда я оставилъ тебя и твою мать, чтобы обозрѣть эти необитаемыя горы, сказалъ Мармадукъ. Даже теперь страна эта кажется тебѣ дикой и пустынной, но если бы видѣла ты ее тогда, какъ я въ первый разъ посѣтилъ эти горы! Я взлѣхалъ на вершину холма, который съ тѣхъ поръ и называю горою видовъ, потому что видъ, представившійся моимъ глазамъ, является какъ картина сновидѣнія. Почти всѣ верхнія деревья были опалены, такъ что во всѣ стороны можно было наслаждаться свободнымъ видомъ. Я взлѣзъ на высокое буквое дерево, листья котораго совершенно опали, и въ продолженіе часа свободно наслаждался безмолвною пустынею. Ни съ которой стороны не было выхода изъ этого безконечнаго лѣса, исключая со стороны озера, прилегающаго къ нему подобно зеркалу. Поверхность его была покрыта тысячами дикихъ перелетныхъ птицъ, и, сѣдя на буковой вѣтви, я видѣлъ какъ къ источнику подходила медвѣдица съ своими медвѣжатами, чтобы утолить жажду. По лѣсу

кое-гдѣ пробѣгалъ олень, но даже съ моей возвышенной точки зрѣнія нигдѣ не было видно слѣда человѣка. Тогда не было еще ни порубокъ, ни хижинъ, глазъ не различалъ ничего, кромѣ горъ и горъ, да холмовъ, покрытыхъ разросшимися кустарниками, прерываемыми коѣ-гдѣ высокими деревьями. Даже Сускегана была окаймлена высокимъ и густымъ лѣсомъ.

— И ты былъ совершенно одинъ? нѣжно спросила Елисавета, и такъ провель и ночь?

— Нѣтъ, дочь моя, налюбовавшись около часа дикимъ, но великолѣпнымъ видомъ, и принявъ рѣшеніе основать тутъ колонію, я сошелъ съ дерева и спустился съ горы. Я оставилъ лошадь мою на травѣ, а самъ между тѣмъ сошелъ къ мѣсту, гдѣ ты видишь дома и житницы Темпльтона. Поднявшійся вѣтеръ расчистилъ дорогу до самага озера, и мнѣ предстояло мало препятствій. Скучно закусивъ подъ деревомъ, я увидѣлъ на восточной сторонѣ озера облако дыма; это были первые человѣческіе слѣды, открытые мною въ этой пустынѣ, и я тотчасъ отправился по направленію огня. У подошвы горы увидѣлъ я грубой постройки блокгаузъ; замѣтно было, что онъ обитаемъ, но нельзя было открыть слѣдовъ владѣльца.

— Это не была ли хижина Кожанаго-Чулка? — поспѣшно спросилъ молодой Эдвардъ.

— Да, именно, это была она, но сначала я принялъ ее за индѣйское жилище, рѣшился ждать владѣльца и ждалъ недолго. Скоро явился Натти, шатаясь подъ тяжестью убитаго имъ оленя. Тутъ мы въ первый разъ познакомились. Прежде я никогда не слыхалъ, чтобы въ лѣсахъ обитали такіе люди. Онъ отвязалъ свой челнокъ изъ коры и перевезъ меня на ту сторону, гдѣ была привязана моя лошадь. Указавъ мнѣ лучшее пастбище, онъ отвезъ меня опять въ свою хижину, гдѣ и провель я ночь.

— Какъ же поступалъ онъ, какъ хозяинъ? — спросилъ Эдвардъ.

— Ну, конечно, радушно и просто, до самой ночи. Но когда я сказалъ ему мое имя и цѣль моего посѣщенія, то довѣріе его окончательно исчезло, ибо онъ считалъ нарушеніемъ своихъ правъ переселеніе колонистовъ. По крайней мѣрѣ онъ выказывалъ большое нерасположеніе къ моему предположенію, и хотя я не понималъ всѣхъ его возраженій, но казалось, что все относилось до помѣхи его охотѣ. Не смотря на это, онъ предложилъ мнѣ медвѣжью кожу и обращался хотя холодно, но гостепріимно. Наутро я простился съ нимъ.

— А что, онъ ничего не говорилъ о правахъ индѣйцевъ? Кожаный-Чулкъ до сихъ поръ оспариваетъ права владѣнія бѣлыхъ въ этой странѣ.

— Да, кажется, онъ говорилъ объ этомъ, но такъ какъ я не понималъ его мнѣнія, то и забылъ. Однако, вѣдь послѣ послѣдней войны притязанія индѣйцевъ исчезли окончательно. Да если и не это, такъ у меня есть патентъ отъ королевскаго губернатора, подтвержденный нашими законами, такъ что никто не смѣетъ оспаривать мои права.

— Безъ сомнѣнія, притязанія ваши на эту страну — законны и справедливы, холодно сказалъ юноша, прервавъ разговоръ и отъѣхавъ немного далѣе.

Путешественники, достигнувъ цѣли, насладились великолѣпнымъ видомъ, и общество поѣхало обратно. Всѣ спѣшили достигнуть деревни, не смотря на дурныя дороги, заставлявшія ѣхать шагомъ и сдерживать лошадей.

Ричардъ и Леуа были предводителями кавалькады. За ними ѣхала Елисавета съ отцомъ, а Эдвардъ присоединился къ Луизѣ Грандъ, нуждавшейся въ помощи въ верховой ѣздѣ. Когда проѣзжали они по открытой возвышенности, то Темплъ замѣтилъ, что приближается буря. Она затмила уже одну сторону озера, и пріятная теплота исчезла подъ вліяніемъ рѣзкаго сѣвернаго вѣтра. Лучъ солнца не проникалъ въ страшный необозримый лѣсъ, и тишина, предвѣстница бури, дѣлала воздухъ удушливымъ и вреднымъ. Вдругъ раздались страшные звуки голоса Эдвардса, сильно подѣйствовавшіе на слушателей и охладившіе кровь ихъ.

— Дерево! дерево! — вскричалъ онъ: — Кнутъ и шпоры, если вамъ дорога жизнь!

— Дерево! дерево! повторилъ Ричардъ, пришпоривъ своего коня, который испуганный бросился впередъ.

— Дерево! дерево! визжалъ французъ, наклоняясь къ шеѣ лошади, закрывъ глаза и пришпоривъ коня, онъ быстро послѣдовалъ за мировымъ судьей.

Елисавета остановила лошадь и, не подозрѣвая грозящей опасности, глядѣла вокругъ, прислушиваясь къ звукамъ, прервавшимъ спокойствіе лѣса. Но въ эту минуту отецъ схватилъ ее лошадь за уздцы, вскричавъ:

— Боже, спаси дитя мое!

Сильная рука его потянула за собою послушнаго коня.

Всѣ нагнулись къ сѣдламъ, когда послышался шумъ вѣтвей, похожій на бурю. Затѣмъ раздался раскатъ грома и сотрясеніе, сообщенное и землѣ. Самое старое дерево лѣса упало чрезъ дорогу.

Судья, увидавъ, что дочь его и люди, ѣхавшіе впереди, избѣжали опасности, оглянулся, чтобы увѣриться въ участи другихъ. Молодой Эдвардъ былъ съ другой стороны дерева и подавался назадъ, дергая лѣвой рукой лошадь, а правой держалъ лошадь миссъ Грандъ, голова которой совершенно поникла на грудь. Оба коня дрожали отъ страха и сильно ржали.

— Не пострадали ли вы? заботливо спросилъ судья.

— Благодаря Бога, нѣтъ, — отвѣтили юноша. Въ эту минуту Луиза покачнулася на сѣдлѣ, и еслибъ не Эдвардсъ, то упала бы съ лошади, но скоро она пришла въ себя, и прогулка продолжалась.

— Внезапное паденіе дерева есть самое ужасное несчастье нашихъ лѣсовъ, такъ какъ предвидѣть его нѣтъ возможности, — сказалъ Темплъ, успокоясь отъ страха. — Оно происходитъ безъ малѣйшаго шума, потому-то и нѣтъ средствъ остерегься.

— Причину легко изслѣдовать, — замѣтилъ Ричардъ Джонсъ: — дерево старо, отъ холода сдѣлалось некрѣпко, и когда тяжесть его перевѣситъ, то оно должно упасть.

— Совершенно справедливо, замѣтилъ Мармадукъ, но хотя мы и знаемъ причину, но все же нельзя обойти весь лѣсъ и измѣрить корни и тяжесть сосенъ. Не смотря на это, паденіе деревъ есть рѣдкое явленіе, такъ какъ вѣтеръ, проникающій въ засѣки, очищаетъ эти руины.

Этимъ кончился разговоръ, и лошадей погнали скорѣе, но все-таки были застигнуты вьюгой далеко отъ жилища и какъ бѣлымъ платкомъ покрывались падающими снѣжными хлопьями. Поднялся сильный сѣверный вѣтеръ, и слѣды весны окончательно исчезли до восхода солнца. Все вокругъ — озеро и горы, покрылось ослѣпительнымъ снѣжнымъ покровомъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Съ этого времени до конца апрѣля погода была переменчива, — то весна, казалось, совсѣмъ установилась, то опять дулъ свирѣпый вѣтеръ и угрожалъ возвращеніемъ зимы, но все же снѣгъ таялъ, и на поляхъ начинали уже работать плугомъ; между тѣмъ съ сахарныхъ заводовъ подымался дымъ. Ледяная поверхность Остзего сдѣлалась рыхлой, и потянулись большія стаи дикихъ гусей, съ крикомъ направлявшихся къ сѣверу. Наконецъ, и озеро, окончательно растаяло, и послѣднія льдины поплыли къ Сускеганѣ, со скоростію, соотвѣтствовавшей измѣненію всего ландшафта и способствовавшей совершенному исчезновенію зимы.

На другой день Елисавету разбудили крики лебедей, и она подошла къ окну на веселый зовъ Ричарда.

— Вставайте, вставайте, сударыня. Лебеди летятъ черезъ озеро, и небо покрыто голубями. Вставайте скорѣе: Веньяминъ приготовилъ уже платье, чтобы послѣ завтрака отправиться въ горы на голубиную охоту.

Елисавета и Луиза Грандтъ вскорѣ послѣ этого любезнаго приглашенія вошли въ гостиную. Двери были открыты, и тихій, ароматный воздухъ весенняго утра вривался въ комнату; мужчины въ охотничьихъ костюмахъ нетерпѣливо ждали завтрака.

— Посмотри, Елисавета! посмотри, Мармадукъ! южныя голубятни открылись, — сказалъ Ричардъ. — Стаи съ каждой минутой становятся гуще и бесконечно умножаются. Тутъ ихъ столько, что можно цѣлый мѣсяцъ прокормить армію, а перьевъ хватить на постели всего нашего округа. Торопись же, Лизочка, я горю нетерпѣніемъ задать имъ перцу.

Мармадукъ и Эдвардсъ тоже раздѣляли это желаніе. Дамы живо приготовили завтракъ, а потомъ мужчины отправились въ поле.

Голуби носились въ воздухѣ; вся деревня была въ движеніи; можно было видѣть всѣ роды огнестрѣльнаго оружія, начиная съ шести-футоваго ружья на утокъ до верховыхъ пистолетовъ; мальчики вооружились даже самострѣлами.

Оживленіе въ деревнѣ направило полетъ птицъ въ горы, около которыхъ собрались онѣ такими густыми массами, что невозможно было не удивляться скорости ихъ полета и множеству ихъ. Въ пространствѣ между горъ, около Сускеганы, собрались охотники, и скоро началась атака.

Между охотниками показалась высокая и худая фигура Кожанаго-Чулка, съ ружьемъ въ рукахъ; за нимъ слѣдовала его собака, обнюхивая убитыхъ птицъ падавшихъ на землю; но послѣ она сѣла у ногъ своего господина, какъ будто раздѣляла его отвращеніе къ такому развлеченію.

Какъ только стая голубей пролетала пространство, на равнинѣ раздавался залпъ, и тѣ, которыя избѣгали его, подвергались одиночнымъ выстрѣламъ въ горахъ, такъ что смерть вездѣ встрѣчала бѣдныхъ птицъ. Даже стрѣлы и метательное оружіе годились для этой массы, которая летѣла такъ низко, что можно было сбивать ее палками. Между тѣмъ, Ричардъ Джонъ, осмѣливавшій охотниковъ въ ихъ обыкновенныхъ средствахъ уничтоженія, дѣлалъ съ помощью Веньямина приготовленія къ роковому нападенію. Въ Темпльтонѣ была пушка, заряжаемая фунтовою пулею. Ричардъ очистилъ ее отъ ржавчины, поставилъ на колеса, и такимъ образомъ сдѣлалъ годною къ употребленію. Съ помощью лошади привезли ее на мѣсто, удобное для стрѣльбы, и Веньяминъ самъ зарядилъ ее утиной дробью. Какъ только узнали, что она готова, толпы мальчиковъ радостно приблизились къ мѣсту. Отверстіе было направлено вверхъ, и Ричардъ, держа щипцами раскаленный уголь, сѣлъ на пень и ожидалъ старыхъ голубей, достойныхъ его вниманія.

Птицъ было такое множество, что непрерывный шумъ оружія и крикъ мальчиковъ производили только то дѣйствіе, что раздѣляли ихъ на маленькія кучки. Онѣ летѣли по долинѣ, и никто не старался собирать лежащихъ тамъ жертвъ.

Кожаний-Чулокъ оставался молчаливымъ зрителемъ, но какъ скоро увидѣлъ пушку, то не могъ совладать съ своими чувствами.

— Вотъ вамъ выгода отъ колонистовъ, сказалъ онъ. Тридцать лѣтъ видѣлъ я полеть этихъ голубей, неповрежденныхъ и нетронутыхъ, пока не явились вы, съ вашими взглядами. Я всегда съ удовольствіемъ видѣлъ ихъ появленіе, они составляли мое общество; они такъ же беззаботны, какъ мѣдьяница. И вотъ я съ состраданіемъ долженъ видѣть эти ужасныя вещи, доставляющія удовольствіе только деревенскимъ мальчишкамъ. Но Богъ не можетъ терпѣть, когда губятъ его созданія, и за это будетъ воздано вамъ возмездіе. Даже самъ Оливеръ такъ же жестокъ, какъ и другіе: убиваетъ эти невинныя созданія, какъ будто онѣ мингосы!

Между охотниками былъ и Билли Кирби; онъ безпрестанно заряжалъ свой мушкетъ и стрѣлялъ не цѣлясь, такъ что голуби падали ему на голову. Онъ услыхалъ слова Натти и не оставилъ ихъ безъ отвѣта.

— Что вы тамъ ворчите, Кожаний-Чулокъ, о смерти нѣсколькихъ голубей; если бы, какъ мнѣ, истребили они вашу крупчатку, то вы не сочувствовали бы этимъ чертенятамъ. Ура! ура! мальчишки, хорошенько! Да это лучше, чѣмъ стрѣлять въ голову индюка.

— Да, Билли Кирби, для васъ и подобныхъ вамъ, не имѣющихъ понятія о выстрѣлѣ, отвѣтилъ Натти съ раздраженіемъ. Это просто ужасно цѣлить такъ въ кучу, и ни одинъ человекъ, могущій стрѣлять въ одиночку, не сдѣлаетъ этого. Если мнѣ нужна птица, то я иду въ лѣсъ, и найдя то, что мнѣ надо, застрѣлю птицу, не касаясь другой, хотя бы ихъ были тамъ сотни. Вы, Билли, конечно, не можете этого сдѣлать, даже если бы и хотѣли.

— Ну, старая изсохшая соломинка, что ты еще тамъ рассуждаешь, сказалъ разсерженный порубщикъ. Послѣ послѣдняго выстрѣла въ индѣйку, ты что-то чертовски разважничался. Если вы такъ особенно важничаете однимъ выстрѣломъ, то вотъ стрѣляйте въ голубя, который летитъ одинъ.

Въ самомъ дѣлѣ, стрѣльба на всемъ пространствѣ отогнала одного голубя, и испуганный выстрѣлами онъ приближался къ нимъ, летя то направо, то налево, и разрѣзая воздухъ со скоростію молніи. Не смотря на все свое хвостовство, порубщикъ увидѣлъ птицу уже слишкомъ поздно, чтобы убить ее налету, и тогда уже прицѣлился, когда она была надъ его головой. Голубь невинно быстро полетѣлъ далѣе.

При этомъ вызовѣ Натти опустилъ ружье и ждалъ минуты, чтобы испуганная птица опустилась къ озеру. Какъ только она снова поднялась, то онъ выстрѣлилъ. Отъ ловкости или счастливаго случая, только голубь съ раздробленнымъ крыломъ упалъ въ озеро. Собака бросилась за нимъ, и еще живымъ принесла къ охотнику.

Съ быстротою молніи разнесся слухъ о ловкости Кожанаго-Чулка, и всѣ охотники шли къ нему, чтобы удостовѣриться въ этомъ.

— Какъ? — спросилъ изумленный Эдвардъ, — вы однимъ выстрѣломъ убили голубя?

— Но развѣ мнѣ это не часто удавалось въ прежнее время? — отвѣтилъ Кожаний-Чулокъ. Только для одной птицы я и пришелъ сюда, и такъ какъ я убилъ ее, то могу возвратиться назадъ. Вашъ образъ дѣйствій не въ моемъ духѣ, Все должно приносить пользу, а нечего стрѣлять для своего удовольствія.

— Да, ты правъ, Кожаний-Чулокъ, сказалъ Мармадукъ, и я думаю, что пора окончить опустошеніе.

— Окончите прежде свою вырубку лѣса, отвѣчала Кожаний-Чулокъ. Лѣса, какъ и голуби, Божіе созданіе, надо пользоваться ими, а не уничтожать. Но все равно, я пойду домой съ моимъ жаркимъ, потому что не хочу трогать эта невинныя творенія, покрывающія все пространство и смотрящія на меня такъ жалобно, какъ будто имъ не достааетъ только языка, чтобы выразить свои мысли.

Послѣ этихъ словъ онъ вскинулъ на плечо ружье, и, чтобы не задѣть раненыхъ птицъ, лежащихъ на дорогѣ, осторожно пошелъ домой, сопровождаемый своей собакой. Достигнувъ кустарниковъ, окаймляющихъ озеро, онъ скрылся изъ глазъ смотрѣвшей на него толпы.

Жесткія слова Натти произвели глубокое впечатлѣніе на судью, но окончательно пропали для Ричарда; напротивъ, онъ воспользовался собраніемъ охотниковъ, для того, чтобы привести къ исполненію свой планъ опустошенія. Мушкетеры въ военномъ порядкѣ должны были помѣститься около пушки и ждать сигнала для выстрѣла.

— Стерегите, мальчишки! вскричалъ Пумпъ, игравшій при этомъ роль адъютанта Ричарда, — и когда Джонсъ дастъ сигналъ, стрѣляйте ниже, если хотите, чтобы перестрѣлка шла хорошо.

— Какъ! вскричалъ Билли, — стрѣлять низко, да ты попадешь въ колья, а не въ голубей, старый дуракъ.

— Что ты понимаешь, дерзкій негодяй, — вспльчиво сказалъ тотъ. — Развѣ я не провелъ пять лѣтъ на фрегатѣ; развѣ вы не низко стрѣляли, чтобы попасть въ непріятеля. Наблюдайте же и исполняйте приказаніе!

Громкій смѣхъ былъ остановленъ Ричардомъ, приказавшимъ слѣдовать его указаніямъ. Можетъ быть, милліоны голубей пролетали утромъ, но это было ни что въ сравненіи со стаей, летѣвшей теперь. Она простиралась надъ горами какъ голубая, сгущенная масса, и глазъ не видалъ ея конца. Всѣ, не исключая Мармадука, забыли при ея появленіи предостереженія Кожанаго-Чулка, и даже судья поднялъ свое ружье.

— Пали! вскричалъ мировой судья, прикасаясь углемъ къ заряду.

Звукъ, съ которымъ соединился звукъ ружей, раздался въ воздухѣ, и передняя стая поднялась выше, а остальные последовали за нею, такъ что дымъ изъ пушки не успѣлъ достигъ ее, какъ огромная масса уже перелетѣла направленный на нее выстрѣлъ.

Трескъ оружія раздался и замеръ въ горахъ, и въ воздухѣ носились послѣдніе отголоски, пока огромная масса испуганныхъ птицъ собралась въ кругъ и направилась къ вершинамъ сосенъ. Никто не смѣлъ проникнуть въ эту тѣснину, какъ вдругъ нѣсколько вожатыхъ пернатого общества перелетѣли чрезъ долину, и тысячи послѣдовали ихъ примѣру, оставляя своимъ преслѣдователямъ восточную часть ущелій.

— Побѣда! побѣда! радостно вскричалъ Ричардъ: мы прогнали враговъ съ поля битвы.

— Совсѣмъ нѣтъ, Ричардъ, сказалъ судья: поле покрыто ими, и вездѣ ты видишь головы бьющихся, полуживыхъ птицъ. Пора уже кончить это удовольствіе.

— Конечно удовольствіе, да еще какое великолѣпное — сказалъ Ричардъ. Нѣсколько тысячъ этихъ голубыхъ созданий убито сегодня, такъ что каждая баба можетъ сдѣлать голубиный паштетъ.

— Хорошо, оттого-то и надо прекратить это, сказалъ Темплъ. Слышите, я буду платить шесть пенсовъ за каждую сотню голубей. Примитесь же живо за дѣло, и несите ихъ ко мнѣ въ домъ.

Обѣщаніе судьи имѣло желанный успѣхъ, потому что мальчишки съ усердіемъ начали рвать головы у раненыхъ птицъ, оканчивая такимъ образомъ ихъ страданія. Цѣлыя повозки были наполнены ими, и Ричардъ долго послѣ этого хвасталъ своимъ геройствомъ въ содѣйствіи пушки; Венъяминъ же увѣрялъ, что они убили голубей больше, чѣмъ Роднеу французовъ, во время извѣстной морской битвы.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Время проходило быстро: дни были теплые и пріятные, и даже по ночамъ уже не было морозовъ. На берегу озера раздавался меланхолическій голосъ лысухи; деревья распустились; трясогузка, общительный рѣполовъ и маленькій, чирикающій чирикъ оживляли лѣсъ и поля; а морской орель, паря надъ водами Остзего, съ врожденной ему прожорливостію караулилъ свою добычу.

Рыбы Остзего славились далеко въ окружности, и лишь только ледъ сошелъ съ поверхности, какъ отъ береговъ отплыло множество маленькихъ лодочекъ, и рыболовы разбрасывали повсюду свои удочки, чтобы приманить рыбу. Но жадное нетерпѣніе колонистовъ не долго могло держать этотъ долгій, хотя и вѣрный промыселъ удочкой, и они скоро прибѣгли къ своему разорительному способу. Какъ только настало время, когда законъ позволялъ ловить рыбъ сѣтями, мировой судья изъявилъ намѣреніе доставить себѣ такое удовольствіе въ ближайшую темную ночь.

— Ты тоже должна присутствовать при этомъ, Лиза, и миссъ Луиза Грандтъ и Эдвардъ, и я покажу вамъ, что значить удить. Удочки тутъ ничего не значать, решительно ничего! Дайте мнѣ только 60-ти саженную сѣть и нѣсколько веселыхъ мальчиковъ да Венъямина, и я ручаюсь, что мы наловимъ ихъ тысячами.

Все послѣобѣденное время Ричардъ занимался приготовленіями для своего предпріятія. Какъ только зашло солнце, и тѣнь отъ новаго мѣсяца упала на землю, рыбаки на лодкахъ отправились къ восточному берегу озера, отстоявшаго около половины англійской мили отъ деревни. Мармадукъ, Елисавета, ея подруга Луиза Грандтъ и Эдвардъ отправились туда же пѣшкомъ.

Вечеръ былъ теплый и казался восхитительнымъ послѣ только-что исчезнувшей свирѣпой и долгой зимы.

— Посмотрите! вскричалъ Эдвардъ, между тѣмъ какъ они тащились по берегу, — посмотрите, они зажигаютъ огонь!

— Да, и онъ такъ свѣтло горитъ, что можно различать всѣ предметы, замѣтила Елисавета.

Видъ огня заставилъ идущихъ удвоить шаги, потому что даже дамы любопытствовали увидѣть удивительную рыбную ловлю. Скоро они такъ близко подошли къ рыболовамъ, что если хотѣли, то могли подслушать ихъ разговоры.

Вся группа, не исключая даже Ричарда и Венъямина, собралась вокругъ огня. Первый сидѣлъ на гниломъ пне, между тѣмъ какъ второй стоялъ въ бездействіи около него. Сцена однако измѣнилась, когда подошелъ судья съ своими спутниками. Джонъ далъ нужныя указанія, и рыбаки были посланы, чтобы спустить на воду находящуюся сзади лодку и укрѣпить сѣти къ маленькой платформѣ на кормѣ.

Ночь сделалась такъ темна, что все, что не было освѣщено огнемъ, было покрыто мракомъ и не только представлялось въ неопредѣленныхъ формахъ, но по большей части было совершенно невидимо. На незначительномъ разстояніи вода блестѣла отъ пламени, отбрасывавшаго красноватые лучи, но на сто шаговъ отъ берега все было покрыто совершеннымъ мракомъ.

Венъяминъ Пумпъ бросилъ сѣть, и Ричардъ передалъ ему право быть штурманомъ. Билли Кирби и еще одинъ молодой человекъ, менѣе сильный, правили веслами. Остальные были приставлены у буксира. Ричардъ далъ знакъ къ отплытію, какъ только все было приведено въ порядокъ.

Елисавета наблюдала за движеніемъ лодки, скоро исчезнувшей въ темнотѣ, и только наостривъ

слухъ могла она различать это движеніе. Всѣ стояли смиренно, чтобы не испугать рыбы, которая, вмѣсто береговъ, могла уйти въ глубину.

Изрѣдка слышался голосъ Венямина, отдававшего повелительнымъ голосомъ разныя приказанія, чтобы сѣть была закинута искуснѣе. Потомъ услышала громкое плесканье воды и сильный голосъ дворецкаго, возвѣщающаго, что челнокъ находится на возвратномъ пути. Ричардъ поспѣшилъ развести на берегу огонь, и закричалъ своимъ людямъ, чтобы они гребли прямо на него.

— Вмѣсто падающихъ сѣтей различали теперь скорые удары весель и шумъ вытаскиваемаго невода, и вскорѣ лодка показалась въ освѣщенномъ кругѣ и пристала къ берегу. Множество дѣятельныхъ рукъ схватили оба конца невода и начали усердно тащить. Ричардъ, между тѣмъ, стоялъ въ центрѣ, и раздавалъ приказанія.

— Я вижу уже сѣти! вскричалъ Ричардъ: притяните концы къ землѣ, чтобы она не выскользнула.

— Довольно! закричалъ Веняминъ.

— Впередъ! впередъ! горячился Билли, употреблявшій при работѣ всю свою силу.

— Притягивайте жердь! кричалъ дворецкій на одномъ концѣ, а Кирби вторилъ на другомъ.

Сѣти притянули съ силой, и зрители увидали теперь глубокой полукругъ, образованный низомъ сѣти, обремененной свинцомъ. Такъ какъ онъ скоро уменьшился и показался самый мѣшокъ, то скоро по плеску воды можно было догадаться о безпокойствѣ пойманныхъ.

— Тащите! радостно вскричалъ Ричардъ. Я вижу, какъ скачутъ рыбы, чтобы опять вырваться на волю. Тащите! уловъ стоитъ этого.

Когда сѣть быстро проходила чрезъ руки работниковъ, то въ петляхъ ея видѣли запутавшимися разнаго рода рыбъ, и недалеко отъ берега мутилось и шевелилось все отъ движенія обезпокоенныхъ животныхъ. На поверхности воды сотнями показывались ихъ бѣлые бока и какъ серебро блестяли при свѣтѣ огня; потомъ рыбы опускались на дно, гдѣ напрасно старались освободиться, и скоро опять всплывали кверху.

— Bravo! закричалъ Ричардъ: еще немного усилія, и уловъ вытащенъ.

— Да, да, веселѣе только, молодцы! закричалъ Веняминъ: я вижу тамъ большую лаксфорель, которой могутъ быть сыты до двадцати человѣкъ.

— Тащите! тащите, молодцы! горячился Билли Кирби: тутъ есть всѣхъ родовъ рыбы, и я увѣренъ, что мы вытащимъ сѣтями до тысячи окуней.

Съ большою осторожностью сѣти были вытащены на берегъ, и огромное количество рыбъ бросили въ ямы, гдѣ тѣ и уснули. Всѣ были довольны огромнымъ уловомъ, и даже Луиза и Елисавета восхищались превосходными рыбами, вытасканными со дна озера. Ричардъ приказалъ однимъ отдѣлять рыбы, а другимъ начать второй ловъ подъ надзоромъ Венямина.

Между тѣмъ, съ востока появлялся едва замѣтный свѣтъ, двигавшійся по берегу, какъ бы несомый человѣкомъ; пламя увеличивалось до величины человѣческой головы и ярко свѣтило, какъ огненный шаръ. Чрезъ нѣсколько времени свѣтъ потерялъ опредѣленную форму и, быстро приближаясь, превратился въ пламя, постоянно увеличивавшееся. Наконецъ, можно было различить, что огонь горѣлъ въ челнокѣ, управляемомъ нѣсколькими людьми.

— Это вы, Натти? вскричалъ мировой судья, — подъѣзжайте, пріятель, я дамъ вамъ для вашего стола рыбу, которая сдѣлаетъ честь и королевскому столу.

Лодка скоро приблизилась, и красноватый отблескъ огня освѣтилъ лицо Кожанаго-Чулка. Онъ стоялъ въ легкой лодкѣ и управлялъ длинной вилой, держа ее за палку и опуская ее въ воду, то однимъ, то другимъ концомъ. На другомъ концѣ сидѣлъ Чингахгокъ и ловко правилъ рулемъ.

— Подъѣзжайте, Кожаный-Чулокъ, и наполняйте вашу лодку окунями, ихъ тутъ такъ много, что вамъ не надо будетъ употреблять вашу вилу.

— Нѣтъ, судья, отвѣтилъ Кожаный-Чулокъ; я никогда не ѣмъ отъ такого роскошнаго улова, даже еслибъ мнѣ подарили за это лучшее ружье. Но если ваша дочь захочетъ видѣть, какъ я ловлю форель, то я съ удовольствіемъ возьму ее въ лодку.

Елисавета, которой очень нравилось это предложеніе, спросила у отца позволенія и, получивъ его, отправилась въ лодку, сопровождаемая Эдвардомъ. Лодку оттолкнули отъ берега, и она легко поплыла по водѣ. Кожаный-Чулокъ указывалъ куда грести, и всѣ соблюдали молчаніе, необходимое для удочнаго лова.

На мѣстѣ, гдѣ былъ челнокъ, озеро было мелко, и Елисавета видѣла множество плавающихъ рыбъ. Она ждала, что Кожаный-Чулокъ опуститъ свою вилу; но Натти медлил: онъ имѣлъ свои привычки и особенную манеру. Стоя на носу ладьи, онъ, казалось, видѣлъ дальше, чѣмъ его спутники, и поворачивался во всѣ стороны, какъ бы желая проникнуть въ глубь. Наконецъ, казалось, что послѣдствія должны были вознаграждать его наблюденія. Оттолкнувъ ладью, онъ сказалъ шопотомъ:

— Иди далѣе въ озеро, Чингахгокъ. Я вижу тамъ рыбу, которая плыветъ такъ близко, что вила моя можетъ достать ее.

Чингахгокъ сдѣлалъ рукою знакъ согласія, и ладья очутилась въ области окуней, на глубинѣ 20 футовъ. Въ огонь подложили щепокъ, и онъ освѣтилъ всю окружность до самаго дна. Елисавета увидѣла

большую плавающую рыбу.

— Тише, тише! шепнуть Натти. Это чудная рыба, но еще далеко от моей вилы. Палка только 14 футовъ длины, а рыба добрыхъ 18 отъ поверхности. Все-таки я попробую достать эту десяти-фунтовую рыбу.

Говоря это, Кожаный-Чулокъ поднялъ гарпунъ и направилъ его. Елисавета увидѣла конецъ вилы, тихо опущенный въ воду, потомъ Натти совсѣмъ наклонился, и вся вила исчезла въ глубинѣ. Легко можно было замѣтить длинные темные лучи опущеннаго орудія и происходящія отъ этого на поверхности круги. Но когда онъ снова вынулъ гарпунъ, то только тогда Елисавета замѣтила успѣхъ его дѣйствія. Огромная рыба висѣла на крюкѣ и была сброшена въ лодку.

— А что, Змѣя, намъ хватить этого молодца? смѣясь сказала Натти, поднимая добычу и освѣщая ее огнемъ. На сегодня довольно съ насъ.

— Хорошо, отвѣтилъ Чингахгокъ. Другіе рыбаки, между тѣмъ, закинувъ сѣти, приблизились къ ладѣ Кожанаго-Чулка.

— Отъѣзжайте, Натти, сказалъ Веньяминъ: огонь вашъ пугаетъ рыбу, дайте мѣсто нашему неводу.

Чингахгокъ тотчасъ направилъ ладью къ мѣсту, откуда они могли наблюдать за движеніемъ рыбъ, чтобы не мѣшать другимъ.

— Гребите къ вѣхамъ! командовалъ Пумпъ, и вы, молодцы, правьте къ правому боку!

— Я требую вѣжливости, Пумпъ, сказалъ разсерженный Билли, переставая грести. Если вы хотите понукать, то скажите это, и я уйду съ удовольствіемъ, но не позволю командовать надъ собою, какъ надъ бессмысленнымъ животнымъ.

— Молчите, Билли, сказала Веньяминъ, если вы хотите управлять лодкой, то спрашиваю васъ, намѣрены ли вы грести нѣсколько сажень? Глупъ я буду, если возьму съ собою такого моржа, какъ вы.

Порубщикъ тотчасъ схватилъ весло, какъ бы желая послушаться Веньямина, но вмѣсто того, чтобы грести по указанному направленію, такъ толкнулъ лодку, что Пумпъ, стоявшій впереди, упалъ за бортъ. При общемъ смѣхѣ, несчастный дворецкій барахтался нѣсколько времени въ водѣ, но потомъ исчезъ, и зрители ужаснулись.

— Старый дьяволъ не умѣетъ плавать! вскричалъ Кирби, и, скинувъ платье, скакнулъ въ воду,

— Гребите! сказала Эдвардсъ, свѣтъ покажетъ его намъ, и я отыщу его.

— Спасите его! со страхомъ кричала Елисавета.

Сильная гребля Чингахгока подвинула лодку къ мѣсту, гдѣ упалъ дворецкій, и громкій крикъ Натти возвѣстилъ, что онъ видитъ тѣло.

— Держите лодку, пока я нырну, сказалъ Эдвардсъ.

— Тише, тише, говорилъ Натти, я достану его вилой, безъ того, чтобы кто-нибудь подвергалъ свою жизнь опасности.

Тѣло Веньямина лежало на днѣ, и руки судорожно обхватили стволъ морскаго растенія; лицо и руки его были блѣдны, какъ у мертвеца. Натти живо взялся за дѣло; зубцами вилы схватилъ голову несчастнаго, вцѣпился въ волосы и въ воротникъ платья. Скоро вытащили тѣло и увидѣли мертво-блѣдное лицо. Нѣсколько минутъ держалъ его Натти надъ поверхностью воды. Въ это время глаза его тихо открылись, и онъ сталъ глядѣть такъ, какъ будто находился въ незнакомой мѣстности. Приблизилась другая лодка, и Веньямина перевезли на берегъ, куда вынесъ его на рукахъ Билли Кирби.

Веньяминъ сидѣлъ неподвижно, закусивъ губы и въ сжатыхъ кулакахъ держа остатки растенія, за которое уцѣпился во время опасности. Глаза его были открыты и страшно вращались вокругъ; онъ тяжело дышалъ. Судья влилъ ему въ ротъ стаканъ рому, который и привелъ его въ чувство.

— Кирби, сказалъ онъ, вы самый неловкій и злой болванъ, какого я когда либо видѣлъ, а вы, Натти, дайте мнѣ руку и считайте меня своимъ лучшимъ другомъ. Вы мнѣ оказали большую услугу, хотя и не нѣжно драли за волосы. Но я не буду мстить вамъ, такъ какъ все дѣлалось для моей пользы.

Мармадукъ предупредилъ отвѣтъ, отправивъ Веньямина въ деревню, и велѣлъ вытащить на берегъ сѣти, чтобы рыбы остались невредимы.

Добыча была раздѣлена, и Билли, помѣстясь на травѣ, у огня, остался караулить сѣть и рыбу до слѣдующаго утра. Остальные и Елисавета, вышедъ изъ ладьи Натти, сѣли въ лодку, чтобы отправиться въ деревню. Чингахгокъ и Кожаный-Чулокъ гребли къ восточной сторонѣ горъ, и скоро на всемъ пространствѣ воцарилось невозмутимое спокойствіе и совершенная темнота.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Нѣсколько дней прошло въ различныхъ занятіяхъ, которыя судья Темплъ долженъ былъ окончить съ своимъ двоюроднымъ братомъ и законовѣдомъ деревни, адвокатомъ фонъ-деръ-Шооль. Кромѣ ихъ троихъ никто не зналъ ничего о предметѣ этой таинственной работы. Даже Эдвардсъ, къ своему удивленію, былъ освобожденъ отъ своей обыкновенной обязанности писаря.

Въ одно прекрасное, тихое весеннее утро, судья и Ричардъ Джонсъ сѣли наконецъ снова на

лошадей, чтобы предпринять поѣздку, и у дома встрѣтили Елисавету и Луизу, собиравшихся на прогулку.

— Куда намѣрены вы идти? спросилъ судья дѣвушекъ.

— Мы пойдѣмъ въ горы, папа, — весело отвѣтила Елисавета.

— Ну, такъ не заходите далеко въ лѣсъ. Это бываетъ иногда опасно, не смотря на то, что проходить и безнаказанно. Будь же осторожна, Лиза.

Послѣ этихъ словъ оба уѣхали, а Елисавета подозвала къ себѣ бульдога, который долженъ былъ провожать ее въ прогулкѣ и быть ихъ защитникомъ. Дѣвушки отправились съ этимъ проводникомъ, и едва только скрылись въ ближайшемъ лѣсу, какъ Эдвардъ быстро вышелъ изъ дому и направился къ берегу озера. Молодой человѣкъ вошелъ въ легкій челнокъ, взявъ весло и сильною рукою направилъ судно по озеру, къ хижинѣ Кожанаго-Чулка.

Скоро приблизился онъ къ противоположному берегу, вынулъ изъ воды весло, пустилъ челнъ плыть къ берегу, оглядѣлся кругомъ, потомъ свиснулъ въ свистокъ, звукъ котораго эхо повторило далеко по утесамъ. При этомъ звукѣ собака Натти вышла изъ своей конуры и издала жалобный, продолжительный вой, метаясь какъ бѣшеная туда и сюда, привязанная ремнемъ изъ оленьей кожи.

— Молчи, Гекторъ! сказалъ Эдвардъ, издавъ вторичный звукъ своимъ свисткомъ.

Но напрасно прислушивался онъ къ отвѣту; потомъ, втащивъ лодку на берегъ, приблизился онъ къ хижинѣ. Все вокругъ этого уединеннаго мѣста было такъ спокойно, какъ будто нога человѣческая никогда не вступала въ пустыню. Эдвардъ вошелъ въ хижину, и прошло около четверти часа, прежде чѣмъ онъ снова вышелъ изъ нея. Выйдя онъ затворилъ дверь и заперъ ее засовомъ, но въ то время, какъ онъ дѣлалъ это, Гекторъ поднялъ морду и громко завылъ.

— Слышишь ты что-нибудь? спросилъ Эдвардъ. Это должно быть очень смѣлое или безстыдное творенье, которое подвергаетъ себя опасности быть вблизи тебя.

Онъ взлѣзъ на маленькій холмъ и увидѣлъ человѣка, принадлежащаго къ деревенской полициі, нелюбимаго и неуважаемаго, по имени Гирамъ Долитль.

— Чего хочеть здѣсь этотъ человѣкъ? ворчалъ про себя Эдвардъ. Ему здѣсь нечего дѣлать, и одно любопытство могло привести его сюда; однако, онъ ничего не узнаеть, потому что замокъ у двери крѣпокъ, а собаки чутки.

Не забывая болѣе объ этомъ, молодой человѣкъ сошелъ опять къ берегу, сѣлъ въ лодку и поплылъ, надѣясь встрѣтить своихъ друзей, Кожанаго-Чулка и Чингахгока. Вскорѣ замѣтилъ онъ челнокъ своего пріятеля, а чрезъ нѣсколько минутъ достигъ мѣста, гдѣ тотъ занимался рыбной ловлей. Онъ остановился и прикрѣпилъ свою лодку къ судну товарища.

Оба старика дружески встрѣтили Оливера, не вынимая впрочемъ изъ воды удочекъ и нимало не прерывая своего занятія. Оливеръ также, не говоря ни слова, надѣлъ на удочку приманку и спустилъ ее въ озеро.

— Заѣзжали вы мимоходомъ въ хижину? молодой человѣкъ, спросилъ наконецъ Натти.

— Да, и все нашель въ порядкѣ, только Долитль рыскаетъ по лѣсу.

— Объ этомъ человѣкѣ нельзя сказать много хорошаго, заключилъ Натти, вынимая пойманную рыбу, и надѣвая на крючекъ новую приманку. Онъ охотно пришелъ бы въ нашу хижину, и даже однажды прямо сказалъ мнѣ это. Я, однако, порядочно отпотчивалъ дуралея.

— Я боюсь, что онъ скорѣе плутъ, чѣмъ дуракъ, и надѣлаеть наконецъ намъ хлопотъ своимъ безстыднымъ любопытствомъ, замѣтилъ Эдвардъ.

— Я застрѣлю его, если онъ слишкомъ часто будетъ таскаться около моей хижины, сказалъ Натти коротко и сурово.

— Нѣтъ, Натти, вы не должны этого дѣлать, если не хотите имѣть непріятностей. Это, старый пріятель, будетъ дурной день и плохой знакъ для всѣхъ насъ.

Разговоръ прекратился, и на минуту снова наступило глубокое молчаніе, во время котораго всѣ, казалось, были заняты ловлей. Эдвардъ наконецъ снова заговорилъ:

— Какъ хорошо, блестяще и тихо это озеро, сказалъ онъ. Натти, видѣли вы его еще когда-нибудь такимъ гладкимъ какъ зеркало?

— Я много лѣтъ знаю Остзего, юноша, и знаю также, что во всей странѣ нѣтъ болѣе чистой воды и лучшаго мѣста для рыбы, возразилъ Кожаный-Чулкъ. Да, долгое время только я одинъ владѣлъ имъ, и это было прекрасное время. Дичи было сколько душѣ угодно. Намъ никто не мѣшалъ, развѣ только когда приходилъ плутъ мингось или хищный французъ. Ахъ, какое это было пріятное мѣсто! не правда ли, Змѣя?

— Земля принадлежала моему народу, и мы съ общаго согласія отдали ее брату моему, Дымовой-Трубѣ возразилъ индеецъ.

— Да, это было славное время, братъ! радостно вскричалъ Натти. И теперь оно было бы еще такимъ, же, еслибъ не поселеніе Мармадука Темпля и извороты законовъ.

— Да, я могу себѣ представить, какое удовольствіе было рыскать по чуднымъ лѣсамъ и восхитительной водяной равнинѣ, не встрѣчая нигдѣ человѣческой души, сказалъ Эдвардъ.

Старый охотникъ ничего не отвѣчалъ, но, наклонившись къ водѣ, съ сдержаннымъ дыханіемъ и съ

большимъ вниманіемъ вслушивался въ даль, какъ бы внимая отдаленнымъ звукамъ. Наконецъ, поднявъ снова голову, онъ сказалъ:

— Еслибъ я не собственноручно привязалъ собакъ новымъ ремнемъ, то готовъ бы побойться, что это старый Гекторъ лаетъ въ горахъ.

— Этого быть не можетъ! отвѣтили Эдвардсъ. Нѣтъ еще часу, какъ я видѣлъ его въ конурѣ. Между тѣмъ и Чингахгокъ прислушивался къ отдаленнымъ звукамъ. Не смотря на то, что молодой человѣкъ слушалъ напряженно, онъ различалъ только ревъ скота на восточныхъ горахъ. Онъ посмотрѣлъ на старика, приложившаго къ уху руку, чтобы лучше слышать, а Чингахгокъ поднялъ руку какъ бы для того, чтобы водворить молчаніе. Наконецъ Эдвардсъ началъ смѣяться надъ слушающими, которымъ, какъ онъ думал, послышались воображаемые звуки.

— Смѣйся, сколько тебѣ угодно, сказалъ Кожаный-Чулокъ, но собаки отвязаны и гоняются за животными. Въ этомъ я уже не ошибусь. За это я отвѣчаю бобровой шкурой, не по охотничьему закону, недавно объявленному судьей, а потому, что звѣри теперь худы и собаки напрасно будутъ гоняться. Неужели вы все еще ничего не слышите?

Эдвардсъ встрепенулся, когда раздался слишкомъ ясный звукъ, умѣрившійся одно время цѣпью горъ но потомъ опять громко слышавшійся со скалы, мимо которой мчались собаки.

Наконецъ раздался глухой, продолжительный лай изъ засѣки у озера. Этотъ звукъ измѣнялся съ необыкновенной быстротой. Пока глаза молодаго человѣка были устремлены на озеро, вниманіе его возбудилось шумомъ, раздавшимся въ ольховыхъ кустахъ. Въ этотъ моментъ показался красный олень и однимъ прыжкомъ вскочилъ въ озеро. Охотники бросились за нимъ въ воду.

— Я зналъ это! вскричалъ Натти, увидавъ оленя преслѣдуемаго собаками. Животное, вѣроятно, бѣжало мимо хижины, а собаки не выдержали и сорвались. Но я долженъ удержать ихъ, не то онъ сыграютъ со мною славную штуку. Сюда! ко мнѣ, негодяи! иди сюда, старый Гекторъ! не то будешь меня помнить!

Собаки узнали голосъ своего господина, и, сдѣлавъ въ водѣ полукругъ, онъ противъ воли должны были бросить охоту, которую не смѣли продолжать. Возвратясь на берегъ, онъ начали лаять и выть.

Испуганный олень между тѣмъ проплылъ далеко въ озеро, прежде чѣмъ увидѣлъ новую опасность. Но при звукѣ голоса Натти, онъ остановился, и какъ казалось желалъ отмстить собакамъ, потомъ одумался и поплылъ поперекъ озера, намѣреваясь достигъ восточнаго берега.

Когда олень быстро проплылъ мимо рыболововъ, поднявъ высоко голову, и своей статной и красивой мордой разрѣзая воду, то Кожаный-Чулокъ началъ беспокоиться въ лодкѣ.

— Какое благородное животное! вскрикнулъ онъ: какіе красивые рога! Все платье можно повѣсить на нихъ. Знаете, вѣдь іюнь послѣдній ихъ мѣсяць, и мясо должно быть очень хорошо.

Говоря такимъ образомъ, Натти инстинктивно привязалъ къ веслу веревку, служившую ему якоремъ откинулъ бакенъ и вскрикнулъ:

— Впередъ! Змѣя, олень долженъ погибнуть; зачѣмъ онъ такъ глупъ, что искушаетъ насъ.

Чингахгокъ отвязалъ веревку, удерживавшую лодку Эдвардса, и челнокъ какъ стрѣла полетѣлъ по озеру.

— Остановитесь! кричалъ Эдвардсъ, подумайте о законахъ; вы въ виду деревни, и я знаю, что судья рѣшилъ наказывать всѣхъ безъ исключенія, кто не вовремя будетъ стрѣлять дичь.

Предостереженіе было уже поздно, челнокъ далеко ушелъ отъ лодки, и охотники слишкомъ ревностно гнались за добычей, чтобы слышать его голосъ.

Олень находился отъ своихъ преслѣдователей на разстояніи 50 локтей; сильно прорѣзывая воду, синѣлъ онъ отъ страха и усталости; между тѣмъ, какъ легкій челнокъ, гонимый волнами, колыхался на водѣ Кожаный-Чулокъ зарядилъ ружье, но, казалось, не рѣшался, убить ли ему жертву или дать ей уйти.

— Что, Змѣя, да или нѣтъ? нерѣшительно спросилъ онъ. Нѣтъ, я лучше не сдѣлаю этого, это слишкомъ выгодно для меня: животное искало спасенія въ водѣ, такъ пусть же и служить жертвой озеру. Отдохните, Чингахгокъ, но все же наблюдайте, какое направленіе примет олень. Очень легко поймать его, не смотря на то, что онъ будетъ вертѣться какъ змѣя.

Индіецъ смѣялся надъ нерѣшительностію своего друга и гналъ лодку, чѣмъ доказывалъ болѣе ловкости, нежели силы. Оба старика говорили по-делаварски, какъ дѣлали они это всегда, какъ были одни, и Чингахгокъ вскричалъ:

— Олень поворачиваетъ голову: приготовь твое копье. Натти никогда не выходилъ изъ дому, не взявъ съ собою всѣхъ орудій, могущихъ быть ему полезными при его занятіяхъ. Онъ никогда не разставался съ ружьемъ, даже отправляясь на рыбную ловлю, и наполнял лодку различными снарядами. Предосторожность эта обратилась въ привычку, такъ какъ онъ очень часто переходилъ за границы своего округа. Нѣсколько лѣтъ до начала нашего разказа, охотникъ вышелъ изъ хижины, чтобы нѣсколько дней охотиться въ горахъ, но возвратился, побывавъ у озера Онтарио. Двѣсти и триста миль не составляли для него большаго путешествія, и хотя старость немного ослабила его силы, но все же онъ могъ пройти ихъ. Кожаный-Чулокъ послѣдовалъ совѣту Чингахгока и готовился пронзить оленя въ шею.

— Держи лѣвъѣ, Змѣя, сказалъ онъ, — и онъ не уйдетъ отъ насъ!

Съ этими словами онъ поднялъ копье и съ быстротою молніи бросилъ его въ животное; но олень повернулся, орудіе, пролетѣвъ мимо, коснувшись только роговъ, упало въ воду, не причинивъ вреда.

— Стой! вскричалъ Натти, когда лодка подошла къ мѣсту, гдѣ упало копье: — стой, Змѣя!

Древко снова показалось на поверхности, и онъ ухватился за него, пока индѣецъ поворачивалъ лодку. Эта маленькая остановка дала оленю возможность опередить ихъ, и Эдвардсъ приблизился къ мѣсту дѣйствія.

— Оставьте, Натти, сказалъ онъ охотнику. Подумайте, что теперь не время, и вы заплатите штрафъ.

Въ эту минуту челнокъ приблизился къ мѣсту, гдѣ олень боролся съ теченіемъ, то показываясь на поверхности, то снова исчезая.

— Ура! вскричалъ Эдвардсъ, у котораго при этомъ исчезло все благоразуміе. Ура! не теряйте его изъ виду, Чингахгокъ, немного правѣе, и я закину ему веревку на рога.

Темные глаза индѣйца горѣли дикимъ огнемъ, и невозмутимое спокойствіе, съ какимъ онъ управлялъ судномъ, превратилось теперь въ живую дѣятельность. Съ юношескимъ рвеніемъ гналъ онъ лодку за оленемъ, который былъ обязанъ своимъ спасеніемъ неожиданному повороту. Эти измѣняющіяся движенія на небольшомъ пространствѣ давали Эдвардсу возможность быть вблизи своихъ спутниковъ, которые по прямому направленію давно перегнали бы его. Дичь и охотники нѣсколько разъ проскользали мимо его, такъ что онъ могъ достать ихъ весломъ.

Не будучи болѣе въ состояніи продолжать такимъ образомъ, олень быстро повернулся и хотѣлъ ближайшимъ путемъ выйти на берегъ, не смотря на бывшихъ тамъ собакъ.

Казалось, для Эдвардса было лучше всего дожидаться удобной минуты; уже рѣшившись на это, онъ усѣлся на дно лодки, какъ увидѣлъ, что олень шель прямо на него. Онъ тотчасъ сдѣлалъ петлю изъ бичевы своего челнока и такъ ловко набросилъ на оленя что узелъ какъ разъ попалъ на кончикъ рога.

Въ первый моментъ животное потянуло за собой лодку но съ быстротой стрѣлы подлетѣлъ челнокъ, и Натти врѣзалъ животному ножъ въ шею такъ глубоко, что вода покраснѣла отъ крови. Олень издохъ послѣ короткой борьбы, и они соединили свои лодки, связавъ ихъ вмѣстѣ. Потомъ Кожаный-Чулокъ, вытащивъ изъ воды оленя, положилъ его въ челнокъ и, осмотрѣвъ его, сказалъ съ своимъ обыкновеннымъ, спокойнымъ смѣхомъ:

— Я не слишкомъ забочусь о законахъ судьи Темпля; такое зрѣлище молодитъ кровь мою. Уже много лѣтъ не ловилъ я въ водѣ оленя; вотъ такъ превосходная дичина, Эдвардсъ. И я знаю кого-то, кто, не смотря на всѣ законы, съ удовольствіемъ поѣстъ этого жаркого.

Радость выражалась даже на темномъ лицѣ индѣйца, сдѣлавшагося смиреннымъ отъ старости и бездѣйствія. Его, какъ казалось, болѣе радовали воспоминанія объ охотахъ его молодости, чѣмъ ожиданіе участія въ добычѣ. Но все же онъ осмотрѣлъ животное, и сказалъ коротко и утвердительно на своемъ нарѣчій:

— Хорошо.

— Но, при всемъ томъ, сказалъ Эдвардсъ, когда прошелъ первый пылъ, и онъ успокоился, — я боюсь что мы всѣ трое нарушили законъ. Оставимъ себѣ пока животное, такъ какъ никого нѣтъ, кто могъ бы насъ выдать. Но какъ оборвались собаки? Я видѣлъ ихъ привязанными, проѣзжая мимо хижины.

— На бѣдныхъ животныхъ сильно подѣйствоваль оленій духъ, отвѣтилъ Натти. Посмотрите, вѣдь ремни все еще висятъ у нихъ на шеѣ. Гребі къ берегу, я хочу хорошенько взглянуть на все.

Но когда лѣсничій вышелъ на берегъ и ближе осмотрѣлъ ремни, то лицо его измѣнилось, и онъ задумчиво покачалъ головой.

— Нѣтъ, здѣсь былъ въ ходу ножъ: этотъ ремень не перерванъ или откушенъ, и я боюсь, что въ этомъ вина не Гектора.

— Развѣ разрѣзана кожа? спросилъ Эдвардсъ.

— Я не могу вѣрно опредѣлить это, но вижу, что она не искусана и не разорвана.

— Неужели мошенникъ Долитль осмѣлился сдѣлать это?

— Да, да, онъ суется туда, гдѣ нѣтъ опасности, отвѣтилъ Натти. Онъ любопытенъ, но хорошо бы сдѣлать, если бы не подходилъ къ моему жилищу.

Чингахгокъ между тѣмъ сказалъ, осмотрѣвъ ремень:

— Разрѣзъ ножа: острый клинокъ и длинная рукоятка. Сдѣлавшій это боялся собакъ.

— Почему ты это видишь? спросилъ Эдвардсъ. Какъ можешь ты говорить такъ увѣренно?

— Слушай, отвѣтилъ старый воинъ: ножъ былъ острый, потому что разрѣзъ гладокъ; рукоятка длинна, потому что человѣческая рука не можетъ достать отъ одного разрѣза до другаго. Но что это былъ трусъ доказываетъ то, что человѣкъ храбрый разрѣзалъ бы ремень у шеи собаки.

— Клянусь, что Змѣя вѣрно попалъ! вскрикнулъ Натти. Негодяй Долитль взлѣзъ на скалу позади конурь, и ножемъ, привязаннымъ къ длинной палкѣ, разрѣзалъ ремень.

— Что же могло побудить его къ этому? спросилъ Эдвардсъ.

— Что же, какъ не его любопытство! отвѣтилъ Натти.

— Да, это правда, замѣтили молодой человекъ. Дайте мнѣ челнокъ, я поѣду, и, можетъ, еще успѣю во-время, чтобъ показать ему его дѣло

Предложеніе было принято, и не прошло пяти минутъ, какъ легкій челнокъ скользилъ по зеркальной поверхности озера. Скоро онъ исчезъ за мысомъ и направился къ берегу. Чингахгокъ тихо слѣдовалъ въ лодкѣ, а Натти, держа собакъ и съ ружьемъ на плечѣ, направился къ хижинѣ сухимъ путемъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Между тѣмъ какъ на озерѣ происходила описанная нами травля, Елисавета и Луиза гуляли по холму; пройдя въ незначительномъ разстояніи отъ хижины Натти Бумпо, разговаривая, онѣ весело достигли вершины горы, и, покинувъ широкую дорогу, искали тѣни деревь на ближнихъ тропинкахъ. День становился жаркій, и свѣжая прохлада незамѣтно увлекала разговаривавшихъ дѣвушекъ все глубже въ лѣсъ. Изрѣдка представлялись глазамъ ихъ вырубленное пространство и чистая кристалообразная поверхность. Нигдѣ не было видно ни души, и только изрѣдка раздававшійся по долинамъ стукъ гремящихъ телегъ и удары желѣзодѣлательныхъ молотовъ доказывали, что страна не совсѣмъ необитаема. Вдругъ Елисавета вздрогнула и сказала.

— Слышите, Луиза! это, кажется, крикъ ребенка! нѣтъ ли здѣсь по близости просѣки, или не заблудилось ли гдѣ дитя?

— Иногда это случается. Но мы пойдемъ на крикъ. Быть можетъ, путешественникъ томится въ горахъ.

Побуждаемая этою мыслию, дѣвушки быстрыми и нетерпѣливыми шагами направились на звуки, которые, казалось, глухо и печально раздавались изъ чащи лѣса. Неоднократно казалось Елисаветѣ, что она уже видитъ страдальца, какъ вдругъ Луиза схватила ея руку и сказала, указывая назадъ:

— Посмотрите на вашу собаку!

До сихъ поръ вѣрный Браво ни на минуту не отставалъ отъ Елисаветы, но онъ лишился своей дѣятельности отъ старости и бездѣйствія, и тихо слѣдовалъ за ней, вмѣсто того, чтобы бѣжать; когда же путешественники останавливались, чтобы любоваться видомъ или сядились на землю, то онъ ложился спать. Оглянувшись по зову Луизы, Елисавета увидѣла, что собака совершенно переродилась: глаза ея были неподвижно устремлены на отдаленный предметъ, она держала голову низко, и ошетишила шерсть, какъ бы отъ страха или злости; послѣднее было болѣе вѣрно, ибо она издавала рычанія и необыкновенно скалила зубы, такъ что дѣвушки могли бы испугаться ея, еслибъ не знали ея тихаго нрава.

— Bravo, Bravo, успокойся, сказала Елисавета: что ты видишь, мой старый, вѣрный песъ?

При звукѣ голоса Елисаветы злость собаки, вмѣсто того, чтобы уменьшиться, видимо увеличилась. Она вскакивала, бросалась къ ногамъ своей госпожи, громко выла и выказывала свое раздраженіе ворчливымъ и отрывочнымъ лаемъ.

— Что чуетъ она? спросила Елисавета. Такъ какъ отвѣта на эти слова не было, то дѣвушка обернулась и увидѣла Луизу съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ и дрожащими руками, показывающую вверхъ. Быстрый взглядъ Елисаветы устремился по указанному направленію, и глазамъ ея представился гордый видъ и огненные глаза пантеры, злобно устремленные на нее.

— Убѣжимъ! вскрикнула Елисавета, хватая Луизу за руку. Но въ эту минуту съ той сдѣлалось дурно, и она безъ чувствъ повалилась на землю.

Благородное сердце Елисаветы не допускало ее оставить подругу въ такомъ отчаянномъ положеніи. Она упала на колѣни передъ недвижимой Луизой, старалась привести ее въ чувство, разстегивая крѣпко стягивавшее ее платьѣ, и своимъ голосомъ ободряя собаку, — единственнаго своего защитника.

Храбрѣе, Bravo! добрый другъ! кричала она. Между тѣмъ молодая пантера перескочила съ низкаго дерева на вѣтви стараго бука, гдѣ сидѣла ея мать. Неопытное животное приближалось къ собакѣ съ игривостью кошки и особенной дикостью своей породы. То садилась она на заднія лапы и, какъ шаловливый котенокъ, рвала передними куски древесной коры; то била себя хвостомъ, разрывая землю, какъ бы желая игриво передразнить злость своей матери.

Собака стояла, не пугаясь опасности, и слѣдила за всѣми движеніями пантеры и молодаго животнаго, приближавшагося къ собакѣ при всякомъ скачкѣ. Вой трехъ животныхъ былъ ужасенъ. Но наконецъ молодое животное перевернулось и упало навзничъ около бульдога. Испуганный крикъ объяснилъ ужасное зрѣлище. Нельзя было и думать о борьбѣ. Bravo схватилъ молодую пантеру зубами и потащилъ къ дереву съ такой силой, что задушилъ ее. Храбрость Bravo возвратила мужество Елисаветѣ; но она опять помертвѣла, когда увидѣла старую пантеру, которая однимъ скачкомъ на разстояніи 20 футовъ отъ буковаго дерева сѣла на спину бульдогу.

Невозможно описать страшной борьбы, сопровождавшейся громкимъ, ужаснымъ лаемъ и воемъ. Елисавета, все еще на колѣняхъ, пристально смотрѣла на бой и, казалось, забыла, что жизнь ея въ опасности. Старая пантера, сильнымъ, легкимъ скачкомъ очутившись на собакѣ, смѣло смотрѣла въ глаза своему врагу и храбро стояла при всякомъ новомъ поворотѣ. Не смотря на множество ранъ, нанесенныхъ

когтями, Браво подбрасывал как перо раздраженного врага и защищался зубами и поднятыми передними лапами. Он встал на задние лапы и начал бой с открытой пастью и безстрашными глазами. Но старость и спокойная жизнь не подготовили его к такому состязанию. Бульдог выказывал однако во всем, не исключая храбрости, свои прежние качества.

Сильный скачек спас локкое и злое животное от собаки, которая с отчаяния пыталась поразить его, но оно в один момент опять съело ему на спину. Собрав последние силы, Браво сбросил пантеру и злобно вцепился в нее зубами. Елисавета видела, как из-под ошейника струилась кровь, и поняла, что вёрный пес не долго выдержит. Он упал на землю и увлек за собой звёря, в бокь котораго вцепился зубами. Напрасно старалась пантера вырваться, пока наконец вёрный Браво не издох; и она наконец освободилась. Елисавета увидела себя оставленною на произволь хищнаго звёря.

Утверждают, что в образъ Божиёмъ лежитъ что-то, что вселяетъ страхъ въ сердца низшихъ животныхъ. Ударъ былъ сдержанъ въ этотъ моментъ как бы угрожающей силой. Глаза чудовища и глаза стоящей на колёняхъ дёвушки встрётлись въ тотъ моментъ, когда животное смотрёло на убитое свое дётище. Но зрёлище это возбудило злость матери: глаза ея запылали огнемъ, она протянула свои когти и злобно била хвостомъ о землю.

Елисавета, будучи не въ состояннн встать, ни бороться, обратилась къ Богу, а закрытые глаза были устремлены на врага. Смертная блёдность покрыла ея лицо; казалось, наступилъ ужасный конецъ, и она уже смиренно покорилась жестокой судьбё, какъ вдругъ ей послышался легкнй шелестъ листьёвъ.

— Тише, тише! шепнулъ голосъ. Нагнитесь немного, шляпа закрываетъ мнё голову животнаго.

Скорёе невольно, чёмъ по приказанню, Елисавета наклонила голову; затёмъ раздался звукъ выстрёла, свистъ пули и вой озлобленнаго звёря. Поднявъ голову, Елисавета увидёла, что животное падая увлекало за собой сучья и вётви. Около ея очутился Кожаный-Чулокъ, кричавшнй своимъ собакамъ:

— Сюда, Гекторъ! сюда! вёдь это животное живуче, и если оно вскочитъ, то тебё будетъ плохо.

Натти спокойно стоялъ около Елисаветы, не страшась скачковъ и ужаснаго вида пантеры. Зарядивъ вторично ружье, онъ приблизился, прицѣлился въ ухо животнаго и этимъ выстрѣломъ совершенно поразилъ его.

Не смотря на силу и мужество, выказанныя Елисаветой во время борьбы, смерть животнаго казалась ей возстаніемъ ея изъ гроба. Еслибъ она была одна, то, конечно, приняла бы мѣры къ спасенію, но съ безчувственной пріятельницей побѣгъ былъ невозможенъ. Какъ ни былъ ужасенъ видъ разъяренной пантеры, но пристальный взглядъ Елисаветы былъ покоенъ. Долго послѣ этого часто видѣла она во снѣ злобное животное, нарушавшее ея покой.

Мы предоставляемъ судить читателю о пробужденіи Луизы и благодарности дѣвушекъ. Кожаный-Чулокъ слушалъ изъявленія благодарности Елисаветы съ добродушіемъ, но и беззаботностію, показывавшею, какъ мало цѣнилъ онъ оказанную услугу.

— Хорошо, хорошо, оставьте это, сказалъ онъ: если хотите, то мы поговоримъ объ этомъ въ другой разъ; пойдите-ка на большую дорогу; вы довольно натерпѣлись страха и вѣроятно желаете скорѣе возвратиться домой.

Съ этими словами онъ вывелъ дѣвушекъ на большую дорогу и здѣсь расстался съ ними. При видѣ деревни, онъ почувствовали себя сильными, и могли однѣ продолжать путь.

Молча шли они рядомъ, полный признательности къ Провидѣнію за свое чудесное спасеніе. Видъ разъяренной пантеры и разорваннаго ея дѣтища могъ испугать и пожилую женщину.

— Интересно знать, убилъ ли бы я животное однимъ выстрѣломъ, цѣля не въ голову, а въ глазъ? говорилъ между тѣмъ Кожаный-Чулокъ. — Эти бестіи живучи: выстрѣлъ былъ великолѣпный, если подумаешь, что я видѣлъ только голову и кусочекъ хвоста. А! кто тамъ идетъ по лѣсу?

— Какъ ваше здоровье, Натти? спросилъ Долитль, живо выходя изъ кустовъ. Въ такой теплый день вы ходите на охоту? Смотрите, не преступите закона.

— Закона? спросилъ Натти. Какое дѣло до закона человѣку, живущему 40 лѣтъ въ пустынѣ.

— Какъ кажется, небольшое, отвѣтилъ Долитль. Но вѣдь вы иногда продаете дичину, а вамъ вѣроятно извѣстно, что всякій убившій оленя между январемъ и августомъ платитъ 12 долларовъ штрафа. Судья строго наблюдаетъ за исполненіемъ законовъ.

— Да, да, я вѣрю этому, коротко отвѣтилъ Натти.

— Законъ вѣдь не допускаетъ исключеній, продолжалъ Гирамъ; но ваши собаки, какъ мнѣ кажется, нашли сегодня утромъ слѣды оленя. Это обстоятельство можетъ надѣлать вамъ хлопотъ.

— Очень возможно, беззаботно отвѣтилъ Натти: но скажите мнѣ, какая часть штрафа дается доносчику?

— Какая часть? повторилъ Гирамъ, чувствовавшій себя не совсѣмъ ловко, подъ испытующимъ взглядомъ Натти. — Половина, какъ мнѣ кажется. Однако, у васъ на рукавѣ кровь? Вѣдь вы ничего не убили сегодня утромъ?

— О да, отвѣтилъ утвердительно Натти: я сдѣлалъ великолѣпный выстрѣлъ.

— Гм! гм! гдѣ же дичь? Я думаю, это славное жаркое, потому что собаки ваши не погонятся за дурнымъ.

— Мои собаки погонятся за всѣмъ, что я имъ укажу, отвѣтилъ, чистосердечно смѣясь, Натти. Они схватятъ и васъ, если я имъ велю. Сюда, Гекторъ! сюда!

— Я слышалъ, что собаки ваши не сварливы, сказалъ этотъ, отступая, когда собаки обнюхивали его ноги. Но гдѣ же дичь?

Натти, снявъ ружье и указывая имъ въ кусты, сказалъ:

— Вотъ лежитъ одна. Что вы думаете о жаркомъ?

— Какъ! вскричалъ Долитль, — вѣдь это Bravo, старый бульдогъ судьи. Послушайте, неужели вы убили собаку?

— Откройте немного глаза, отвѣтилъ Кожаный-Чулокъ, вынимая свой лѣсной ножъ и точка его о свои кожаные панталоны. Развѣ шея эта показываетъ, что я пробовалъ на ней ножъ свой?

— Нѣтъ, нѣтъ, она слишкомъ страшно разорвана: ножомъ этого не сдѣлать. Но отчего же это произошло?

— Вотъ отъ той пантеры; обернитесь-ка немного.

— Что! пантера! вскрикнулъ Гирамъ, съ необъяснимой быстротою повернувшись отъ испуга. Здѣсь есть пантеры?

— Успокойтесь, смѣясь сказалъ Натти; хотя тамъ и лежатъ двѣ, но одну удушила храбрая собака, а съ другой справился мой звѣробой. Не безпокойтесь, она болѣе не кусается.

— Но гдѣ жь олень? сказалъ онъ, смущенно глядя вокругъ.

— Какой олень?

— Развѣ вы не убили оленя? Вѣдь мы уже раньше говорили объ этомъ.

— Развѣ не запрещено стрѣлять дичь? или есть законъ, въ которомъ исключается пантера?

— Нѣтъ, напротивъ за истребленіе ихъ назначается награда. Однако, Кожаный-Чулокъ: развѣ

собаки ваши дресированы на пантеру?

— Вѣдь я уже разъ сказалъ вамъ, что на все! Сюда, Гекторъ, сюда!

— Такъ, теперь я вспомнилъ; но все же я долженъ сказать, что у васъ рѣдкія собаки.

Натти между тѣмъ сѣлъ на траву, положилъ къ себѣ на колѣни голову убитаго животнаго, и съ необыкновенною скоростью отрѣзалъ ему оба уха.

— Осмотрите-ка ихъ, сказалъ онъ Гираму, съ любопытствомъ наблюдавшему всѣ его движенія. Вы никогда не видѣли скальпъ пантеры? Такъ какъ вы судебное лицо, то должны мнѣ дать свидѣтельство на полученіе награды.

— Награды? заботливо повторилъ Гирамъ; хорошо, я дамъ вамъ свидѣтельство. Пойдемте въ вашу хижину; я надѣюсь, что у васъ найдется тамъ библія или другая священная книга.

— О, нѣтъ, у меня нѣтъ книгъ,—хладнокровно отвѣтилъ Натти.

— Но это не мѣшаетъ: все же вы можете присягнуть. Сойдемъ же внизъ.

— Осторожнѣе, осторожнѣе, — отвѣтилъ Натти, спрятавъ уши пантеры и взбросивъ на плечо ружье.

— Зачѣмъ же присяга въ дѣлѣ, которое вы сами видѣли? Или вы не замѣтили, какъ я отрѣзывалъ уши? Если присяга требуется, то я дамъ ее судѣ, а не вамъ.

— Ну, положимъ, все же мнѣ надо бумагу и перо чтобъ написать постановленіе. Мы все это найдемъ у васъ.

— Упаси Боже! лукаво отвѣтилъ Натти, смѣясь въ лицо своему спутнику. Что мнѣ дѣлать съ этимъ ученымъ хламомъ? Нѣтъ, вы можете написать мнѣ свидѣтельство у себя дома, между тѣмъ какъ я отнесу уши судѣ. Что это за ремень у ошейника собаки?

— Пожалуй, еще животное задавится имъ. Нѣтъ ли у васъ съ собою ножа, господинъ Долитль?

Гирамъ при этомъ досталъ ножъ, и Натти обрѣзалъ имъ ремень у самой шеи собакъ.

— Хорошая сталь, хладнокровно сказалъ онъ. Вѣроятно, уже много подобныхъ кожъ перерѣзала она.

— Не хотите ли вы этимъ сказать, что я перерѣзалъ ремень у вашихъ собакъ? неосторожно вскричалъ Гирамъ, сознавая свою вину.

— Перерѣзали ремень? Упаси Боже! Я самъ дѣлаю всегда это прежде, чѣмъ оставить хижину.

Нескрытое удивленіе, съ какимъ Долитль принялъ это, открыло все честному лѣсническому, и его до тѣхъ поръ спокойная сдержанность обратилась теперь въ злость.

— Берегитесь, господинъ Долитль! сказалъ Натти, опуская на землю ружье. Я не знаю, что нужно вамъ въ хижинѣ такого бѣдняка, какъ я; но знайте, что пока я могу предотвратить это, вы не переступите ея порога. Если будете продолжать шататься вокругъ нея, какъ въ послѣднее время, то я такъ укажу вамъ дорогу, что вамъ это не понравится.

— А я скажу вамъ, что знаю, какъ вы нарушали законъ, сказалъ онъ, быстро убѣгая. Я полицейскій чиновникъ и дамъ вамъ это почувствовать менѣ чѣмъ, черезъ 24 часа.

— Очень я забочусь о васъ и о вашемъ законѣ съ пренебреженіемъ отвѣтилъ Натти. Убирайся-ка лучше, прежде чѣмъ чортъ приведетъ меня достойно наградить тебя. Берегись, чтобъ я не принялъ тебя за сову и не убилъ въ одинъ прекрасный день, когда ты покажешь въ лѣсъ твои выпученные глаза.

Справедливая злость честнаго лѣсника была такъ повелительна, что Гирамъ убѣжалъ, чтобъ не довести до высшей степени злобы Натти. Онъ скоро исчезъ изъ виду слѣдившаго за нимъ, и Кожаный-Чулокъ возвратился въ свою хижину, найдя все въ глубочайшемъ спокойствіи. Когда онъ постучалъ, то Эдвардъ вышелъ и сказалъ ему, что все въ порядкѣ.

— Хотя пытались открыть замокъ, но безстыдникъ долженъ былъ отказаться отъ этого, потому что кольца были для него слишкомъ крѣпки.

— Я знаю теперь мошенника, отвѣтилъ Натти; надѣюсь, что онъ не рискнетъ близко подойти къ моему ружью; впрочемъ...

Послѣднія слова не были разслышаны, такъ какъ Кожаный-Чулокъ, войдя въ хижину, шибко хлопнулъ за собою дверь.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Пока происходило описанное нами выше, судья и Ричардъ Джонсъ продолжали свой путь верхомъ.

— Я выманилъ тебя въ поле, началъ разговоръ Ричардъ Джонсъ, чтобы сообщить тебѣ предметъ, который, какъ мнѣ кажется; имѣетъ большую важность.

— Что такое?

— Выслушай меня. Ты знаешь, что въ твоемъ округѣ находится охотникъ, по имени Натти Бумпо, живущій много лѣтъ вмѣстѣ съ могиканомъ Чингахгокомъ.

— Такъ что же дальше?

— Съ нѣкоторыхъ поръ, къ нимъ присоединился молодой человѣкъ, который, какъ слышно, происходитъ отъ индійскаго племени, и долженъ быть сынъ французскаго агента и дикарки.

— Кто это сказал? спросил Темплъ съ большимъ участіемъ, чѣмъ прежде.

— Весь свѣтъ говоритъ это, а также и мой здравый смыслъ. Но все равно, молодой человѣкъ обладаетъ способностями, какъ кажется, получилъ хорошее воспитаніе, ведетъ себя порядочно и всегда находился въ сносномъ обществѣ. Можешь ли ты мнѣ сказать, что свело его съ Натти Бумпо и индійцемъ?

— Нѣтъ, не знаю, Ричардъ, но мнѣ любопытно было бы узнать это, оживленно отвѣтилъ судья. Развѣ ты знаешь что-нибудь объ этой тайнѣ? Или хочешь, можетъ быть, сообщить нелѣпыя догадки, которыя...

— Совсѣмъ не нелѣпыя догадки, гордо отвѣтилъ Ричардъ. У меня есть факты, факты неопровержимые. Ты знаешь, что въ горахъ есть рудники?

— Я заключилъ это по разнымъ признакамъ, не входя, конечно, въ подробности.

— Ты слышалъ объ этомъ и видѣлъ рудниковыя пробы, — чего же больше? Я долженъ предупредить тебя, что туземцы давно уже пользовались золотомъ и серебромъ, — а кто же можетъ лучше знать рудники, какъ не коренные обитатели деревни? Я имѣю вѣрное основаніе думать, что Чингахгокъ и Кожаный-Чулокъ знаютъ о существованіи въ горахъ рудниковъ.

— Скажи мнѣ твои основанія.

— Я видѣлъ своими глазами, какъ оба старика съ лопатами всходили на гору и опять сходили внизъ; а другіе видѣли, какъ они ночью тайно тащили въ свою хижину различные предметы. Я думаю, такой фактъ довольно важень?

Судья ничего не отвѣчалъ, но глаза его, казалось, вызывали Ричарда на дальнѣйшее объясненіе.

— Что другое могли они тащить домой, какъ не руду? — продолжалъ шерифъ. — Это была руда. Ну, спрашиваю тебя, кто этотъ Оливеръ Эдвардсъ, котораго ты помѣстилъ у себя въ домѣ съ Рождества?

Мармадукъ пожалъ плечами, и ничего не отвѣтилъ.

— Мы знаемъ уже, что онъ полуиндѣецъ, — говорилъ Ричардъ, — потому что Чингахгокъ открыто называетъ его родственникомъ. Помнишь ли, что около мѣсяца до появленія этого молодаго человѣка, Натти на нѣсколько дней отлучался изъ дому? Когда онъ возвратился, что произошло ночью, то тащилъ за собою сани, съ большою осторожностью вынулъ изъ нихъ что-то и тщательно спряталъ подъ медвѣжьей шкурой. Спрашиваю тебя, что могло быть у него въ саняхъ?

— Ну, вѣроятно, дичина, потому что, какъ ты говоришь, онъ отлучался на нѣсколько дней.

— Совсѣмъ нѣтъ, ибо въ это самое время онъ отдалъ въ деревню поправлять свое ружье. Нѣтъ, онъ привезъ съ собой тайну, потому что съ этого времени ни одна живая душа не смѣетъ приблизиться къ его хижинѣ. Спустя четырнадцать дней явился и этотъ Эдвардсъ. Цѣлые дни проводили они въ лѣсу и какъ бы на охотѣ, но въ сущности дѣлали розыски. Зимой они не могли копать; но молодой человѣкъ воспользовался счастливымъ случаемъ, чтобъ устроиться поприличнѣе, и такимъ образомъ отвлекъ всякое подозреніе, а между тѣмъ половину времени проводилъ въ хижинѣ Кожанаго-Чулка, чтобъ... ну какъ ты думаешь, что они тамъ дѣлаютъ? Они плавятъ. Да, да, они плавилъ руду и будутъ чрезъ то богаты, между тѣмъ какъ мы, — мы обѣднѣемъ. Мармадукъ задумчиво покачалъ головою.

— Всѣ эти свѣдѣнія ты получилъ чрезъ наблюденія, или другіе сообщили тебѣ ихъ? — спросилъ онъ.

— Большую часть я узналъ чрезъ собственное наблюденіе, увидѣвъ сани, хотя они и были тотчасъ же изрублены и сожжены. Остальное я узналъ отъ Долитля, человѣка весьма надежнаго.

— Мнѣ не совсѣмъ такъ кажется, — сказалъ судья, — Вообще, Ричардъ, ты вѣрно ошибаешься, иначе молодой человѣкъ не былъ бы такъ бѣденъ, когда пришелъ къ намъ.

— Бѣдность-то именно и побудила его къ копанію.

— Нѣтъ, нѣтъ, Оливеръ получилъ слишкомъ хорошее образованіе, чтобъ заниматься такимъ таинственнымъ дѣломъ.

— Да развѣ могъ бы необразованный человѣкъ плавить металлъ? Именно воспитаніе-то его и говорить противъ него.

— Но Елисавета сказывала мнѣ, что прежде, чѣмъ вступить въ нашъ домъ, онъ отдалъ послѣдній шиллингъ.

— Совершенно вѣрно, потому что на бывшія деньги онъ купилъ инструменты. Ни одинъ человѣкъ не истратитъ послѣдняго гроша на выстрѣлъ за индѣйку, если не знаетъ, гдѣ онъ можетъ достать больше денегъ.

— Неужели это правда, что я такъ долго ошибался? — воскликнулъ судья. — Справедливо, что его обращеніе со мной было иногда дерзко, но я всегда думалъ, что это происходитъ отъ оскорбленія, которое причинилъ ему мой выстрѣлъ. При всемъ томъ, Ричардъ, ты пробудилъ во мнѣ подозрѣніе, и я долженъ разъяснить дѣло. Куда ведешь ты меня теперь?

— Гирамъ сказалъ мнѣ, гдѣ копаютъ предатели, и я хочу свести тебя къ этому мѣсту.

— А гдѣ же оно?

— Теперь уже недалеко. Иди за мною. Оба всадника проворно поскакали и чрезъ нѣсколько минутъ достигли цѣли своего путешествія. Мѣсто это находилось передъ горой, лежавшей противъ хижины Натти, и потому приходилось прямо противъ нея. Въ одной скалѣ находился родъ природной пещеры, при входѣ

въ которую лежала куча земли, вѣроятно, выкопанной изъ внутренности. Всадники сошли съ лошадей, вошли въ пещеру и убѣдились, что она должна быть создана руками человѣка, ибо на стѣнахъ были еще замѣтны свѣжіе слѣды желѣзнаго инструмента. Вся она составляла пространство около 20 футовъ ширины и 40 футовъ глубины. Передъ ней выступала терраса, похожая на насыпь, образовавшаяся частію отъ природы, частію же отъ земли, неосторожно выброшенной во время работы. Гора образовала здѣсь такой крутой обрывъ, что скалистыя тропинки были трудны и даже опасны. Все было дико, не обдѣлано и еще не окончено, что доказывали и инструменты, найденные Ричардомъ въ кустахъ.

— Доволенъ ли ты и увѣрился ли теперь? спросилъ Ричардъ съ торжествомъ своего брата.

— Да; по крайней мѣрѣ я вижу теперь, что здѣсь происходитъ что-то таинственное и необыкновенное, отвѣтилъ судья. Но все же я не вижу еще слѣда руды.

— Вѣдь не хочешь же ты найти золото и серебро на поверхности земли, какъ кремни. Нѣтъ, кладь любить, чтобы его искали, и я найду его раньше, чѣмъ ты думаешь.

Судья тщательно осмотрѣлъ мѣстность и ея окрестности, чтобы узнать ее во всякое время, и оба снова сѣли на лошадей. Достигнувъ проѣзжей дороги, они разстались: Ричардъ, чтобы найти до 24 хорошихъ надежныхъ людей, которые должны были служить помощниками правосудія, а Мармадукъ возвратился домой, дабы обдумать полученные извѣстія.

— Это дѣло скрываетъ въ себѣ больше, чѣмъ кажется сначала, — ворчалъ онъ про себя, проѣзжая по лѣсу. Все же это скоро откроется. Я велю позвать Натти, и нѣсколько прямыхъ вопросовъ выманять правду у этого стараго простачка.

Въ это время онъ выѣхалъ на поляну, и увидѣлъ въ нѣкоторомъ разстояніи Елисавету и Луизу, сходящихъ съ горы. Онъ подѣхалъ къ нимъ, сошелъ съ лошади и услышалъ живой разговоръ объ опасности, которой Елисавета недавно избѣжала съ помощію Кожанаго-Чулка.

Придя домой, онъ вошелъ съ дочерью въ свою комнату и заставилъ ее еще разъ подробно повторить ходъ происшествія.

— Вотъ помощь въ нуждѣ! — воскликнулъ онъ, когда Елисавета окончила свой разговоръ. — Да, я говорю это передъ небомъ, которое видимо стояло за тебя. Итакъ, ты не хотѣла оставить твою подругу, моя добрая дѣвушка?

— Нѣтъ, нѣтъ, надѣюсь, что я твердо выдержала, отвѣчала Елисавета. Но сомнѣваюсь, чтобы побѣгъ помогъ мнѣ, даже еслибъ у меня достало мужества рѣшиться на это средство къ спасенію. Но объ этомъ я вовсе и не думала.

— О чемъ же думала ты, дитя мое, въ этотъ ужасный моментъ?

— О пантерахъ! Объ ужасныхъ, дикихъ, кровожадныхъ животныхъ! дрожа вскричала Елисавета. Кромѣ пантеры я ни о чемъ не думала, ничего не видѣла. Я пробовала молиться, но была слишкомъ испугана и слишкомъ ясно видѣла опасность.

— Надо благодарить небо и храбраго Кожанаго-Чулка за твое спасеніе. Никогда не думалъ я, чтобы такія животныя водились еще въ нашихъ лѣсахъ; но когда онѣ голодны, то обыкновенно далеко удаляются отъ берлогъ. Слова судьи прерваны были громкимъ стукомъ въ дверь, и въ комнату вошелъ Веньяминъ Пумпъ.

— Внизу Гирамъ Долитль, — сказала дворецкій. — Онъ не хочетъ уйти, чтобы возвратиться въ болѣе удобное время, и я долженъ былъ идти наверхъ, доложить о немъ.

— У него вѣрно есть важное дѣло, отвѣтилъ судья: вѣроятно, жалоба къ ближайшему засѣданію.

— Да, да, онъ такъ и говоритъ! воскликнулъ Веньяминъ. Онъ хочетъ жаловаться на стараго Кожанаго-Чулка, — которому, между тѣмъ, онъ и въ подметки не годится.

— На Кожанаго-Чулка? спросила Елисавета, быстро приближаясь къ Пумпу.

— Успокойся, милое дитя, — сказала судья: — я уже позабочусь, чтобы твоему спасителю не было сдѣлано зла. Введите господина Долитля, Веньяминъ.

Долитль вошелъ, и Елисавета пристально осмотрѣла его. Онъ поклонился судѣ и его дочери и, немного пригладивъ свои торчащія волосы, сказалъ:

— Какъ кажется, миссъ Темплъ была въ горахъ въ опасномъ сосѣдствѣ съ пантерой.

Мармадукъ подтвердилъ это.

— Не назначается ли законная награда за истребленіе такихъ хищныхъ звѣрей? продолжалъ Гирамъ.

— Гм! гм! въ такомъ случаѣ Кожаный-Чуллокъ сдѣлалъ хорошее дѣлице. — Я постараюсь о томъ, чтобы ему дана была награда, — сказала судья.

— Я и не сомнѣваюсь въ этомъ, ибо во всей окрестности никто не сомнѣвается въ великодушіи судьи. Но знаете ли вы, что въ восточныхъ владѣніяхъ убили не во-время нѣсколько оленей?

— Нѣтъ; но, во всякомъ случаѣ, надо жаловаться на нарушителей закона, воскликнулъ судья. Я твердо рѣшился строго наказывать всякое нарушеніе этого благонамѣреннаго закона.

— Такъ-съ! ну, именно вслѣдствіе такой исторіи я и пришелъ сюда, — сказала Гирамъ. — Если я не ошибаюсь, то въ эту минуту въ хижине Натти Бумпо лежитъ убитый олень, и я явился собственно за полученіемъ полномочія на обысканіе его дома.

Мармадукъ Темплъ, хотя неохотно, долженъ былъ дать Гираву требуемое имъ, ясно сознавая при томъ, что положеніе его, какъ безпристрастнаго судьи, находится въ опасности. Гнѣвно взглянувъ на жалкаго доносчика, онъ приказалъ ему идти въ рабочую комнату и ждать тамъ подписанія полномочія. Потомъ обернулся къ своей дочери, слушавшей съ изумленіемъ доносъ на своего избавителя, и старался успокоить ее.

— Успокойся, дитя мое, — сказалъ онъ: — вѣроятно, Кожаный-Чулокъ застрѣлили оленя, но это ничего не значить. Если обыщутъ хижину и найдутъ оленя, то вѣдь ты можешь заплатить штрафъ изъ своего кармана.

При этихъ словахъ Елисавета успокоилась, а отецъ ея удалился, чтобы исполнить обѣщанное Гираву.

Какъ только Гиравъ имѣлъ въ карманѣ полномочіе, то первымъ дѣломъ его было найти достойнаго помощника, такъ какъ онъ намѣревался быть только зрителемъ при своей экспедиціи. Надо было торопиться, потому что дѣло было въ субботу, а добросовѣстный плутъ не хотѣлъ обременять душу грѣхомъ, исполнивъ свой начинъ въ воскресенье. Неожиданно замѣтилъ онъ Билли Кирби и тотчасъ потребовалъ его себѣ въ помощника, не называя, впрочемъ, имени Натти.

— Но о комъ собственно тутъ рѣчь? спросилъ Билли.

— Я не смѣю назвать его имени, пока вы, давши присягу, не исполните вашей обязанности, — лукаво сказалъ Гиравъ. — Но могу васъ увѣрить, что онъ считаетъ себя за лучшаго бойца, и потому я очень радъ имѣть васъ и дамъ вамъ хорошую награду, если вы хотите помочь мнѣ.

— Какъ? — вскричалъ Кирби, который тщеславился своей силой и ловкостью, — какъ? онъ считаетъ себя здѣсь лучшимъ бойцомъ! Мы лишимъ его этого убѣжденія. Прочитайте мнѣ сперва присягу.

Именно этого и желалъ Долитль, и потому не медлилъ обязать хитраго порубщика присягою къ исполненію дѣла. Тутъ же онъ велѣлъ позвать третьяго помощника своего, именемъ Ютана, во всемъ походившаго на него. Всѣ трое оставили домъ и ближайшей дорогой пошли къ хижинѣ Кожанаго-Чулка.

— Прежде чѣмъ идти далѣе, — сказалъ внезапно останавливаясь Билли, — я долженъ знать, куда вы меня ведете. Какъ называется человѣкъ, котораго мы ищемъ?

— Натти Бумпо, отвѣтилъ Гиравъ.

— Какъ? сказалъ Билли, громко смѣясь: — старый Кожаный-Чулокъ? Онъ думаетъ быть лучшимъ бойцомъ? Мнѣ все равно, онъ можетъ гордиться своимъ прицѣломъ и ружьемъ и имѣть на то полное право; но что касается рукопашной борьбы, то я его возьму большимъ и указательнымъ пальцами и обвяжусь имъ какъ платкомъ. Вѣдь ему уже около семи десятковъ лѣтъ, а притомъ онъ никогда особенно и не славился своей силой.

— Но онъ коваренъ, какъ всѣ охотники, и сильнѣе, чѣмъ кажется, замѣтилъ Гиравъ, и всегда съ ружьемъ при себѣ.

— Что мнѣ за дѣло до его ружья! воскликнулъ Билли. — Это беззаботный старикъ, и охота на оленей его призваніе.

— Но онъ не смѣетъ нарушать законъ, сказалъ Гиравъ, боясь, чтобы храбрый порубщикъ не оставилъ его.

— Тѣмъ не менѣе, продолжалъ Билли, такъ какъ мы зашли уже такъ далеко, то я пойду и поговорю со старикомъ. Можетъ быть, мы еще уничтожимъ вмѣстѣ сочный кусочекъ дичины.

— Я согласенъ; мнѣ будетъ пріятнѣе, если дѣло кончится миромъ. Однако, впередъ!

Скоро они достигли хижины. Не смотря на высказанное мирное направленіе, Гиравъ предпочелъ спрятаться за верхушку свалившейся сосны, которая могла скрыть его отъ ружья Натти. Кирби сейчасъ же беззаботно вскрикнулъ, что вызвало изъ конуры собакъ и привело Кожанаго-Чулка къ дверямъ дома.

— Молчи, Гекторъ! сказалъ старый охотникъ: ты думаешь, что придется убить еще много пантеръ?

— Кожаный-Чулокъ, — обратился къ нему Билли, — у меня есть до васъ дѣло.

— Чего вамъ угодно отъ меня? — спросилъ охотникъ, переходя порогъ и закрываясь рукой отъ лучей заходящаго солнца, чтобы ближе рассмотреть гостя. — Чего вамъ угодно? У меня нѣтъ лѣсу для очистки, и я скорѣе бы посадилъ шесть деревьевъ, чѣмъ вырубилъ одно. Молчи, Гекторъ, говорю тебѣ, маршъ домой!

— Старый Кожаный-Чулокъ, сказалъ Билли, къ вамъ есть письмо, и если вы не умѣете читать, такъ вонъ сзади торчитъ Гиравъ Долитль, который можетъ объяснить вамъ содержаніе. Какъ мнѣ кажется, оно состоитъ въ томъ, что вы приняли 20-е іюля за 1-е августа.

Между тѣмъ Натти отыскалъ за сосновымъ стволомъ фигуру Гиравы, и его равнодушіе обратилось въ недовѣріе и негодованіе. Онъ просунулъ голову въ дверь хижины, сказалъ шопотомъ нѣсколько словъ, и потомъ сказалъ стоящимъ на дворѣ:

— Мнѣ нечего съ вами дѣлать! Убирайтесь, пока злой духъ не привелъ меня въ искушеніе сдѣлать вамъ вредъ. Между нами нѣтъ вражды, Билли Кирби, такъ зачѣмъ ни хотите вы беспокоить старика, который васъ ничѣмъ не обидѣлъ.

Билли приблизился къ охотнику, усѣлся на кончикъ пня, съ миной знатока осмотрѣлъ носъ

Гектора, котораго онъ часто кормилъ изъ своей корзины, и наконецъ сказалъ:

— Послушайте, Натти, хотя вы и перещеголяли меня въ стрѣльбѣ, но я не сержусь на васъ за это. Говорятъ, что вы не во-время убили оленя.

— Я сегодня два раза выстрѣлилъ, и оба раза въ пантеру, отвѣтилъ Натти. Посмотрите, вотъ уши, которыя я собирался нести къ судѣ, чтобъ получить награду.

Билли взялъ уши, поигралъ ими, показывая ихъ собакамъ, и смѣялся ихъ скачкамъ и движеніямъ, когда онѣ ихъ обнюхивали.

Наконецъ, Гирамъ рѣшился выступить и прочесть свое полномочіе, заботясь дать выраженіе главному предмету, наконецъ заключилъ громко и хвастливо именемъ судьи.

— Неужели Мармадукъ подписалъ свое имя на этомъ клочкѣ бумаги? — спросилъ Натти, качая головой. — Какъ кажется, человѣкъ этотъ любить новые пути и исполненіе законовъ больше своего тѣла и крови. Но все равно, я не понимаю законовъ, господинъ Гирамъ. Что жъ должно случиться послѣ того, какъ вы прочли ваше донесеніе?

— Ну, что, это только формальность, Натти, отвѣчалъ Гирамъ съ лицемѣрнымъ радушіемъ. Пойдемте въ хижину, и покончимъ дѣло дружелюбно. Деньги для штрафа найдутся, и какъ я заключилъ изъ словъ судьи, онъ, кажется, хочетъ самъ заплатить ихъ.

Съ самага начала старый охотникъ зоркимъ глазомъ слѣдилъ за движеніями своихъ трехъ посѣтителей и занялъ такую твердую позицію, что не легко было согнать его съ мѣста. Какъ только Гирамъ сталъ приближаться, онъ приказывалъ ему рукой остановиться на извѣстномъ разстояніи.

— Я уже не разъ говорилъ вамъ, чтобъ вы не подходили близко къ моей хижинѣ, — сказалъ онъ. — Я вѣдь не беспокою никого, почему же вы не можете оставить меня? Идите прочь; скажите вашему судѣ, что онъ можетъ сохранить себѣ свою награду. Я же съ своей стороны не потерплю, чтобы его нововведенія простирались даже на мою хижину.

— Хорошо, Гирамъ! это я называю поступать честно. Онъ предоставилъ округу свои права, и за это округъ долженъ освободить его отъ штрафа. Это справедливый торгъ, и онъ мнѣ очень нравится.

— Я же требую входа въ этотъ домъ безъ помѣхи, отвѣтилъ Гирамъ съ приличнымъ ему достоинствомъ. — Я требую этого во имя закона и моего полномочія.

— Прочь! прочь, Долитль! не вводите меня въ искушеніе, сказалъ Натти, давъ еще разъ знакъ къ отступленію.

— Если вы противитесь, то это для васъ же хуже, продолжалъ Гирамъ. — Сюда, Билли и Ютанъ!

Гирамъ Долитль принялъ спокойное обращеніе Кожанаго-Чулка за уступку, и только-что поставилъ ногу на порогъ, какъ былъ схваченъ за плечи и оттащенъ на 20 шаговъ. Въ этотъ моментъ нападающіе были изумлены, но потомъ Билли громко разсмѣялся.

— Хорошо поступилъ старый Натти! радостно вскричалъ онъ. Идите сюда, Гирамъ; здѣсь есть свободное мѣсто, и вы можете рукопашнымъ боемъ окончить вашъ споръ.

— Я приказываю вамъ исполнять вашъ долгъ, Билли-Кирби! — воскликнулъ Гирамъ.

— Я не хочу вашей крови, — замѣтилъ въ свою очередь Кожаный-Чулокъ, — но она должна окрасить эту землю, прежде чѣмъ вы осмѣлитесь перешагнуть за порогъ моей двери.

До сихъ поръ Билли-Кирби держался слабой стороны, но какъ только явилось ружье, онъ тотчасъ перемѣнилъ положеніе и, выпрямляясь, подошелъ къ хижинѣ.

— Послушай, Кожаный-Чулокъ, сказалъ онъ, — я пришелъ сюда не какъ врагъ твой, и такъ же мало забочусь о пустомъ кускѣ желѣза въ твоей рукѣ, какъ я о рукояткѣ моей сѣкиры. Покажите-ка ваши законныя приказанія, Гирамъ: тогда посмотримъ, кто уступитъ — Кожаный-Чулокъ или я!

Но уже Гирана Долитля нигдѣ не было видно. Какъ только показалось ружье, то онъ и Ютанъ исчезли. Тогда, не получивъ отвѣта, порубщикъ обернулся и увидаль, какъ они скорымъ бѣгомъ направлялись къ деревнѣ.

— Вы обратили въ бѣгство простаковъ, съ надменнымъ смѣхомъ сказалъ Билли, но со мной вы не такъ скоро раздѣляетесь. Прочь оружіе, Бумпо! иначе мы не сойдемся.

Натти опустилъ поднятое ружье и сказалъ:

— Я не хочу дѣлать вамъ ничего дурнаго, Билли; но предоставляю вамъ самимъ судить: неужели хижина стараго человѣка устроена для того, чтобы быть раздавленной такими жалкими червями. Я не утаю отъ васъ оленя, и дамъ вамъ даже кожу, какъ доказательство, могущее служить вамъ противъ меня. Награда за пантеру уплатить штрафъ, и всѣ будутъ удовлетворены.

— Конечно! это понятно! вскричалъ Билли, на открытомъ лицѣ котораго исчезли всѣ слѣды неудовольствія. Если вы дадите мнѣ кожу, то законъ будетъ удовлетворенъ.

Натти вошелъ въ хижину и возвратился съ кожей, которую и отдалъ порубщику. Они разстались въ полномъ согласіи, и на возвратномъ пути Кирби смѣялся отъ души, вспоминая о прыжкахъ Гирана, бѣжавшаго съ горы.

Въ это время Гирамъ возвратился въ деревню, рассказывая объ ужасномъ обращеніи Натти, и побѣждалъ къ судѣ, чтобы снова пожаловаться на стараго охотника. Пока онъ находился въ комнатѣ

Мармадука, приближалась туда же запыхавшийся Эдвардс, и тоже хотел войти в комнату судьи, но был удержан Елисаветой, сказавшей ему, что отец занят дѣлами.

— Вы, вѣроятно, пришли к отцу на счет Кожанаго-Чулка? сказала она. — Ваш друг сдѣлался и моим другом, и я думала только о том, как бы ему получше услужить. Может, вы научите меня как это сдѣлать?

— Конечно! живо вскричал молодой человек: я могу вам все сказать, и Господь наградит ваше доброе желаніе. Натти был так неблагоприятен, что, вопреки закону, убил сегодня оленя. Но мнѣ кажется, что я тоже должен разделить с ним штраф, так как был его соучастником в охотѣ. Вашему отцу пожаловались, и онъ....

— Я все знаю, прервала его Елисавета. Он должен был исполнить закон, но мы уже переговорили с отцом, и уверяю вас, что ему ничего не будет сдѣлано дурнаго.

— Этим увереніем вы облегчили меня, отвѣтил Эдвардс. Так это правда, я могу вам вѣрить?

— Спросите моего отца, вот он идет, сказала дѣвушка.

Судья приближался, но вид его не поддерживал надежды дочери. Лоб его нахмурился, и черты лица были разстроены.

— Наши планы, Елисавета, уничтожены, сказал он послѣ короткаго молчанія, расхаживая взад и вперед по комнатѣ: упрямство Кожанаго-Чулка обрушило на его голову всю тягость законовъ, и теперь не въ моей власти помочь ему.

— Какъ? вскричала Елисавета: развѣ не за что наложить денежный штрафъ?

— Да, если бы он подчинился штрафу, то законъ удовлетворился бы уплатой, сказалъ судья, но старик осмѣлился сопротивляться исполнителю законовъ.

— Какое же наказаніе ожидает его за этотъ проступокъ? спросил дрожащимъ голосомъ Эдвардс. — Развѣ сопротивленіе нельзя извинить годами, привычкой и, наконецъ, незнаніемъ?

— Нѣтъ, это невозможно, хотя причины эти и облегчаютъ вину, отвѣчалъ судья: — наказаніе его будетъ опредѣлено присяжными.

— Но развѣ вы ничего не можете для него сдѣлать, судья Темплъ? Вѣрите мнѣ, сердце Кожанаго-Чулка загладитъ тысячу ошибокъ. Онъ знаетъ своихъ друзей и никогда не оставляетъ ихъ, даже если бы это были его собаки.

— Не сомнѣваюсь, что онъ обладаетъ добрымъ характеромъ, отвѣчалъ судья, — хотя впрочемъ я не былъ такъ счастливъ, чтобъ заслужить его уваженіе, что, впрочемъ, отъ души прощаю ему. Ему нечего бояться меня, какъ судьи, потому что недавно оказанная имъ услуга можетъ облегчить его преступленіе.

— Преступленіе! вскричалъ Эдвардс: — развѣ вы называете преступленіемъ то, что онъ отогналъ отъ своей двери подсматривающаго шпиона? Если это считается преступленіемъ, то не можетъ относиться къ Кожаному-Чулку.

— А къ кому же, молодой человекъ?

— Это вы спрашиваете меня, судья Темплъ? Спросите лучше свою совѣсть. Подойдите къ этой двери, посмотрите на долину, спокойное озеро, тѣнистыя горы и потомъ спросите свое сердце. Откуда произошло это богатство, эти долины и холмы, и почему вы владѣете ими? Я думаю, что одинъ видъ Кожанаго-Чулка и Чингахгока долженъ отбить у васъ охоту къ подобному зрѣлищу.

Судья Темплъ съ удивленіемъ слушалъ эти странныя слова молодаго человека и наконецъ сказалъ:

— Вы забываете, передъ кѣмъ вы стоите, господинъ Эдвардс. Я слышалъ, что вы имѣете притязанія на эту землю потому, что происходите отъ туземцевъ, но воспитаніе ваше не принесло вамъ пользы, если не научило васъ признавать права бѣлыхъ. Эти земли принадлежатъ мнѣ по уступкѣ ихъ прежними владѣльцами, и пусть небо судитъ о томъ, какъ я пользовался ими. Послѣ этого разговора намъ надо разстаться. Идите за мной въ мою комнату, гдѣ я уплачу вамъ должное за ваша услуги. Впрочемъ, дерзость ваша не должна мешать вашему счастью, если вы захотите послѣдовать совѣту человека, гораздо васъ старшаго лѣтами.

Мармадукъ удался, и Эдвардс долго смотрѣлъ ему въ слѣдъ, забывъ все окружающее. Наконецъ онъ пришелъ въ себя, оглядѣлъ комнату и увидѣлъ Елисавету, которая сидѣла на диванѣ, закрывъ лицо руками. Онъ подошелъ къ ней и кротко сказалъ:

— Mademoiselle Темплъ, я забылъ и себя и васъ: вы слышали рѣшеніе вашего отца. Сегодня же вечеромъ я оставлю вашъ домъ, но съ вами я хотелъ бы разстаться мирно.

Дѣвушка тихо подняла голову и съ минуту озабоченно смотрѣла на него, но потомъ встала и, подходя къ двери съ достоинствомъ, сказала:

— Я вамъ прощаю, господинъ Эдвардс; мой отецъ тоже проститъ вамъ. Вы не знаете насъ; но я надѣюсь, что придетъ время, когда вы перемените ваше мнѣніе. Тутъ есть что то непонятное для меня. Скажите Кожаному-Чулку, что онъ въ отцѣ моемъ имѣетъ не только судью, но и друга. Онъ имѣетъ полное право на нашу чистосердечную благодарность, которая не измѣнится, не смотря на ваши вспыльчивыя слова. Прощайте, господинъ Эдвардс, желаю вамъ счастья и болѣе вѣрныхъ друзей.

Юноша хотелъ отвѣчать, но Елисавета быстро удалась. Съ минуту стоялъ онъ какъ

оселомленный, потомъ вмѣсто того, чтобы идти въ комнату судьи, выбѣжалъ изъ дома и направился къ хижинѣ Кожанаго-Чулка.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Шерифъ Ричардъ Джонсъ на другой день ночью возвратился домой. Онъ открылъ фальшивыхъ монетчиковъ и входилъ въ деревню съ вооруженной силой, помощникомъ судьи и констаблемъ. Послѣдніе съ пойманными отправились въ окружную тюрьму, пока шерифъ по большой дорогѣ шель къ господскому дому.

Веньяминъ Пумпъ отворилъ дверь своему покровителю и увѣдомлялъ его о всемъ происшедшемъ въ его отсутствіе. Какъ только шерифъ узналъ всѣ новости, то сейчасъ же надѣлъ шляпу, велѣлъ дворецкому, запереть всѣ двери и ложиться спать, а самъ скорыми шагами вышелъ изъ дома, чтобы найти въ тюрьмѣ констабля и помощниковъ судьи. Онъ нашель ихъ еще неспящими, мигомъ собралъ отъ осьми до десяти человѣкъ и съ ними чрезъ деревню отправился къ берегу озера, а оттуда прямо къ хижинѣ Кожанаго-Чулка. Во время дороги шерифъ объяснилъ своимъ спутникамъ поступокъ Кожанаго-Чулка и приказалъ имъ быть храбрыми и дѣятельными при взятіи этого человѣка.

Подойдя къ хижинѣ Кожанаго-Чулка, онъ указалъ своимъ людямъ посты, гдѣ они могли быть ограждены отъ собакъ и выстрѣловъ, а самъ отправился прямо къ мѣсту, гдѣ была хижина. Достигнувъ его, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ только дымящіяся развалины, и тотчасъ позвалъ своихъ спутниковъ.

Вся группа стояла полная удивленія, какъ вдругъ изъ темноты вышла высокая фигура, попирая ногами горячую золу съ потухавшими искрами. Ричардъ тотчасъ же узналъ черты Кожанаго-Чулка, стоявшаго передъ нимъ съ открытой головой и оглядывавшаго окружающихъ его скорѣе съ озабоченностью, чѣмъ съ досадой.

— Чего хотите вы отъ безпомощнаго старика? спросилъ онъ торжественно. Вы выгнали Божіе твореніе изъ пустыни, куда переселила его воля Всевышняго, принесли всѣ безпокойства въ мѣстность, гдѣ съ незапамятныхъ временъ никто не затрогивалъ другъ друга. Мало этого, вы отняли у меня, жившаго здѣсь 40 лѣтъ, домъ и кровь, которые я предалъ пламени только для того, чтобы ваша испорченность и нововведенія не запятнали ихъ. Да, вы принудили меня зажечь это строеніе, подъ которымъ я пользовался дарами неба цѣлыхъ поль-стольтія, теперь же я долженъ грустить о пеплѣ, лежащемъ подъ моими ногами, какъ грустить человѣкъ, потерявшій самое дорогое ему въ мірѣ. Вы наполнили горькимъ чувствомъ противъ всего міра сердце человѣка, не желавшаго никому зла, и довели его до того, что онъ лучше бы желалъ быть животнымъ; и теперь, когда онъ воротился сюда, чтобы въ послѣдній разъ увидѣть свою хижину, прежде чѣмъ она превратится въ золу, вы въ полночь преслѣдуете его, какъ собаки, бѣгущія по слѣдамъ раздраженнаго, умирающаго оленя. Чего хотите вы отъ меня? Я одинъ противъ многихъ и пришелъ не сражаться, а грустить; если на это воля божія, то поступайте какъ хотите.

Старикъ послѣ этихъ словъ серьезно посмотрѣлъ на своихъ преслѣдователей. Въ это время огонь отъ его хижины бросалъ матовый свѣтъ на его почтенную личность. Констабли невольно отступили въ темноту отъ мѣста пожара и предоставляли Натти свободный путь къ побѣгу въ кусты, гдѣ преслѣдованіе было бы бесполезно. Но онъ не обратилъ на это вниманія и cadaго человѣка оглядѣлъ по очереди, какъ бы желая знать, кто первый прикоснется къ нему. Никто не обнаружилъ этого желанія, пока Ричардъ не вышелъ, извиняясь своей судейской обязанностію, и не арестовалъ стараго охотника. Другіе послѣдовали его примѣру, помѣстили Кожанаго-Чулка въ средину, и подъ предводительствомъ шерифа возвратились въ деревню; потомъ разошлись, посадивъ предварительно стараго Натти въ тюрьму.

Въ присутственный день множество народа собралось въ судѣ и между ними присяжные, судьи и адвокаты. Когда Мармадукъ-Темплъ занялъ предсѣдательское мѣсто, то присяжныхъ привели къ присягѣ, объяснили сущность жалобы, и судилище приступило къ дѣлу. Въ залѣ господствовала глубокая тишина, пока молчаніе не было прервано волненіемъ слушателей, и вскорѣ затѣмъ къ периламъ подошелъ Кожаный-Чулокъ. Затѣмъ опять наступило такое мертвое молчаніе, что слышно было тяжелое дыханіе преступника.

Одежда Натти, какъ обыкновенно, состояла изъ оленьей кожи. Ему въ первый разъ приходилось переступить за порогъ суда, и потому къ его обыкновенному чувству присоединилась немалая доля любопытства. Онъ поднялъ глаза на скамью судей, потомъ на присяжныхъ, на адвокатовъ, на массу народа, и вездѣ встрѣчалъ направленные на него взгляды.

— Снимите вашу шапку, подсудимый! сказалъ судья Темплъ.

Но приказаніе не было исполнено; можетъ быть потому, что его не слышали.

— Натаніель Бумпо, здѣсь не стоять съ покрытой головой, повторилъ судья.

При звукѣ своего имени Натти вздрогнулъ, обратился къ судейской скамьѣ, и сказалъ:

— Какъ?

Адвокатъ, по имени Липить, былъ данъ на помощь узнику. Онъ поднялся и что-то шепнулъ ему науху, послѣ чего Натти радушно кивнулъ головой и снялъ шапку.

— Господинъ обвинитель! сказалъ судья: обвиненный готовъ; изложите вашу жалобу.

Призванный господинъ Шооль началъ громко читать обвиненіе, которое въ особенности касалось оскорбленія. Натти серьезно и внимательно слушалъ, и съ такимъ вниманіемъ обратился къ читающему, что выказывалъ этимъ глубокое и искреннее участіе. Когда окончилось чтеніе, онъ выпрямился съ глубокимъ вздохомъ. Слушатели надѣялись услышать его голосъ, но Натти молчалъ, и судья опять началъ:

— Вы слышали, что говорятъ противъ васъ, Бумпо? Что можете вы возразить на это?

Кожаный-Чулокъ задумчиво опустилъ голову, но тотчасъ же поднялъ ее и засмѣялся своимъ обыкновеннымъ смѣхомъ, потомъ сказалъ:

— Да, я не могу отговариваться, что немного живо обошелся съ этимъ Долитлемъ, но чтобъ я сдѣлалъ все то, что привелъ этотъ господинъ, то это безсовѣстная ложь. Нѣтъ, нѣтъ, я уже не особенный боецъ по своей старости. Когда я находился въ Шотландіи, постойте, это, кажется, было въ первыхъ годахъ послѣдней войны...

— Господинъ Липить, — вмѣшался судья, — такъ какъ вы адвокатъ обвиняемаго, то объясните ему, что отъ него требуется. Если вы не исполните этого, то судъ назначить ему другаго защитника.

Послѣ такого приказа законовѣдъ всталъ, тихо поговорилъ съ старымъ охотникомъ и объяснилъ суду, что они ожидаютъ дальнѣйшихъ вопросовъ.

— Въ чемъ виноваты вы и въ чемъ нѣтъ, Натаніель-Бумпо? спросилъ судья.

— Я съ покойной совѣстью могу сказать, что не виноватъ, увѣренно сказалъ Натти. — Если поступаешь справедливо, то не можетъ быть и разговора о винѣ. Я скорѣе даль бы убить себя на мѣстѣ, чѣмъ позволилъ бы Гираму Долитлю перешагнуть мой порогъ.

— Хорошо, сказалъ судья, продолжайте дѣло, господинъ обвинитель, вы, секретарь, запишите показанія обвиняемаго.

Господинъ Шооль всталъ, пригласивъ за перила Гирама, который долженъ былъ подписать свое показаніе въ этомъ дѣлѣ. Затѣмъ всталъ Липить и предложилъ свидѣтелямъ вопросы.

— Господинъ Долитль, я спрашиваю васъ въ виду суда, вашей совѣсти и знанія законовъ; имѣли ли вы право врываться въ хижину этого человѣка?

— Сударь, — съ замѣшательствомъ, откашливаясь сказалъ Гирамъ, — я думаю... что... по силѣ законовъ... гласить.. предвидя... хотя и не настоящій, строгій законъ... я думаю... было законное право... но въ сущности дѣло .. Билли не хотѣлъ начать, то я думалъ, что мнѣ слѣдовало въ это вмѣшаться.

— Я еще разъ спрашиваю васъ, Гирамъ Долитль, повторилъ юристъ: этотъ старый, храбрый человѣкъ запрещалъ вамъ нѣсколько разъ входить въ его домъ или нѣтъ?

— Ну, да, сказать правду, я долженъ признаться, что онъ былъ очень негостеприименъ, но онъ долженъ былъ видѣть, что я пришелъ навѣстить его дружественно, какъ сосѣда.

— Такъ вы допускаете, что хотѣли только навѣстить Бумпо, не имѣя въ виду законовъ. замѣтите, господа присяжные, слова свидѣтеля Гирама Долитля. Онъ какъ сосѣдъ дружески пришелъ навѣстить его. Однако, отвѣчайте мнѣ на вопросъ: Бумпо воспрещалъ вамъ входить?

— Мы нѣсколько поспорили, отвѣчалъ Гирамъ: однако, я ясно прочелъ ему мое порученіе.

— Еще разъ повторяю вамъ мой вопросъ: развѣ не довольно ясно запретилъ вамъ входить въ свое жилище Бумпо?

— Да, у насъ произошелъ довольно жаркій споръ, но вѣдь у меня было порученіе; оно и теперь у меня въ карманѣ, и если судъ хочетъ принять во вниманіе, то...

— Свидѣтель, прервалъ судья Темплъ, отвѣчайте на вопросъ: былъ вамъ воспрещенъ входить или нѣтъ?

— Ну да, я могу думать...

— Я долженъ получить ясный отвѣтъ, серьезно отвѣчалъ судья.

— Ну да, онъ дѣлалъ это.

— А вы все-таки послѣ запрещенія пытались ворваться?

— Но у меня вѣдь было полномочіе.

— Продолжайте допросъ, господинъ Липить, сказалъ судья защитнику Натти.

Но этотъ, увидѣвъ, что произвелъ выгодное впечатлѣніе для защищаемаго, казалось, считалъ ненужнымъ продолжать защиту Натти.

— Нѣтъ, сударь, дальнѣйшее я предоставляю вамъ, мой долгъ оконченъ.

— Господинъ Шооль, имѣете вы еще что-либо присовокупить?

Шооль отвѣтилъ отрицательно. Тогда судья всталъ и просилъ присяжныхъ составить заключеніе о дѣлѣ. Спустя нѣсколько минутъ, судъ объявилъ Натти не виновнымъ.

— Натти освобожденъ отъ обвиненія, сказалъ судья.

— Что? спросилъ Натти.

— Въ отношеніи нападенія на Долитля, вы объявлены невиннымъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не отказываюсь, что немного грубо схватилъ его за плечо, — сказалъ Натти съ дѣтской откровенностію; — я его...

— Молчите, Натти, замѣтилъ судья: вы свободны, — тѣмъ дѣло и кончается.

При этихъ словахъ на лицѣ Натти явилось чистое выраженіе радости. Онъ надѣлъ шапку, подошелъ къ периламъ и съ чувствомъ сказалъ:

— Ну, судья Темплъ, я долженъ похвалить васъ, что законъ не поступилъ со мной такъ жестоко, какъ я опасался, и Богъ наградилъ васъ за оказанное мнѣ сегодня снисхожденіе.

Онъ хотѣлъ уйти, но жезлъ констабля воспрепятствовалъ ему. Липитъ шепнулъ ему нѣсколько словъ, и Натти возвратился къ своему мѣсту, снялъ шапку и съ страждущимъ, покорнымъ видомъ поглаживалъ свои тонкіе, сѣдые волосы.

— Господинъ обвинитель, приведите другое обвиненіе, — сказалъ судья, дѣлая видъ, что занятъ составленіемъ акта.

Шооль обвинялъ преступника въ томъ, что онъ вооруженно сопротивлялся законному полномочію при обыскѣ дома. Отъ преступника снова требовали оправданія, и Липитъ приблизился къ нему, чтобы сказать нужные отвѣты. Но нѣкоторыя выраженія Шооля такъ обидѣли чувство стараго охотника, что онъ забылъ всякую осторожность и вскричалъ:

— Это богопротивная ложь! я не хочу человѣческой крови, и даже Мингосы не упрекнутъ, чтобъ я когда-нибудь жаждалъ ея. Я дрался какъ солдатъ, который чтитъ Бога и начальника. Я стрѣлялъ въ воиновъ, бодро стоящихъ на ногахъ. Я даже не убилъ ни одного спящаго измѣнника Ирокеза; и въ пустынѣ есть Богъ, хотя многіе и сомнѣваются въ этомъ.

— Думайте о вашемъ возраженіи, сказалъ судья: васъ обвиняютъ въ поднятіи ружья противъ исполнителя законовъ; виноваты вы или нѣтъ?

Натти, высказавшись, нѣкоторое время спокойно и задумчиво отдыхалъ, облокотясь на перила; потомъ съ тихимъ смѣхомъ поднялъ голову, кивнулъ въ ту сторону, гдѣ стоялъ порубщикъ, и сказалъ:

— Неужели думаете вы, что Кирби стоялъ бы тутъ, если бы я воспользовался ружьемъ?

— Такъ вы отрицаете обвиненіе, Натти, замѣтилъ Липитъ; вы объявляете себя невиннымъ.

— Да, отвѣчалъ Натти. Билли Кирби знаетъ, что я не стрѣлялъ. Что, Билли, помните вы послѣдній выстрѣлъ въ индѣйку? Да, это былъ веселый праздникъ. Но теперь я далеко не такъ стрѣляю, какъ прежде.

— Запишите объявленіе невинности, сказалъ судья, видимо тронутый дѣтскимъ простодушіемъ стараго охотника.

Потомъ при вторичномъ обвиненіи, послѣдовала присяга свидѣтелей, затѣмъ было объявлено подозрѣніе, по которому былъ арестованъ Натти, обвиненіе, передача полномочія и присяга Билли, которая была сдѣлана по формѣ законовъ. Наконецъ прибавили, какъ Билли былъ принятъ Кожанымъ-Чулкомъ, и ясно доказали, что Натти грозилъ выстрѣлить, если онъ исполнитъ свое порученіе. Все это было подтверждено Ютаномъ; затѣмъ и порубщика потребовали къ периламъ.

Билли далъ довольно запутанное объясненіе, такъ что Шооль долженъ былъ помочь ему нѣсколькими вопросами.

— Вы требовали по закону войти въ хижину Натти, какъ видно изъ бумагъ? Можетъ быть, вы были удержаны въ исполненіи вашего порученія его угрозами и страхомъ ружья?

— Я нисколько не заботился о его ружьѣ, отвѣтилъ Билли: развѣ можетъ застрашать меня старый Кожаный-Чуллокъ?

— Однако, передъ этимъ вы сказали, будто думали, что онъ хочетъ стрѣлять въ васъ.

— Да, я думалъ это, и надѣюсь, что и съ вами было бы то же, господинъ стряпчій, если бы вы увидѣли, какъ онъ прицѣлился, и какъ при этомъ сверкали глаза его. Но я все-таки предполагалъ, что онъ хочетъ лишь запугать меня, а потому и покончилъ дѣло. Кожаный-Чуллокъ далъ мнѣ кожу, и такимъ образомъ все дѣло уладилось.

— Да, Билли, это была счастливая мысль выкинуть тебѣ кожу, сказалъ Натти. — А то легко могло бы дойти до кровопролитія, и если бы я убилъ тебя, то, вѣроятно, во всю жизнь не имѣлъ бы часа покоя.

— Продолжайте докладъ, Шооль, сказалъ Темплъ, чтобъ скорѣе кончить дѣло.

Шооль объявилъ, что докладъ конченъ, и вмѣсто его началъ говорить Липитъ, адвокатъ обвиняемаго.

— Такъ вы не испугались, Кирби? спросилъ онъ порубщика.

— Нисколько, отвѣчалъ Билли, самодовольно поглядывая на свои исполинскіе члены: я не позволю легко согнуть себя въ бараній рогъ.

— Да, да; вы, кажется, неустрашимый человѣкъ. Гдѣ вы родились?

— Въ Фертонѣ. Это гористая мѣстность, но прекрасная почва, отличные буковые и кленовые лѣса.

— Да, я слышалъ объ этомъ, отвѣтилъ Липитъ: тамъ учились вы стрѣлять?

— Да, послѣ Натти я первый стрѣлокъ въ округѣ. Я съ тѣхъ поръ призналъ его своимъ учителемъ, какъ онъ убилъ на лету голубя.

Кожаный-Чуллокъ засмѣялся и, протянувъ ему свою сухую руку, сказалъ:

— Вы еще молоды, Кирби, и не испытали того, что я; но вотъ вамъ моя рука, я не имѣю противъ васъ злобы.

Липить объ этомъ объясненіи не сказалъ ничего, но судья тотчасъ же замѣтилъ:

— Здѣсь не мѣсто для такихъ объясненій; господинъ Липить, допросите этихъ свидѣтелей, если не хотите, чтобъ я водворилъ порядокъ.

Адвокатъ обратился къ Билли и спросилъ:

— Вы тутъ же дружелюбно покончили дѣло, Билли, не правда ли?

— Натти даль мнѣ кожу; въ какіе же переговоры могъ я еще пускаться. Что касается меня, то я не считаю за грѣхъ убивать оленей въ это время года.

— И вы разстались друзьями, такъ что еслибъ васъ не заставили, то вамъ бы и въ голову не пришло представить дѣло въ судъ?

— Конечно, нѣтъ; онъ даль мнѣ кожу, и я ничего не имѣлъ противъ старика, хотя онъ немного и обругалъ господина Долитля.

— Я окончилъ, сэръ, — сказалъ Липить, обращаясь къ судѣ, и сѣлъ съ видомъ чловѣка, увѣреннаго въ успѣхъ.

Судья долженъ былъ исполнить свою обязанность, но такимъ образомъ, чтобы какъ можно болѣе сдѣлать въ пользу преступника. Однако ему пришлось привести въ ясность факты, чтобы не произошло недоразумѣнія. Онъ окончилъ рѣчь такими словами:

— Господа! если вѣрить словамъ свидѣтелей, то должно обвинить преступника; но если вы одного со мной мнѣнія, что онъ не хотѣлъ нанести вредъ Билли Кирби, то должны судить Натаніеля Бумпо съ осторожностью и снисходительностью.

Присяжные пошептались между собой и потомъ произнесли приговоръ надъ обвиненнымъ.

Судья, тихо посовѣтовавшись съ членами суда, воскликнулъ: Натаніель Бумпо!

— Здѣсь! отвѣчалъ старый охотникъ, поднявшись съ мѣста.

— Слушайте меня, продолжалъ судья: при произнесеніи приговора, судъ хотя имѣлъ въ виду ваше незнаніе законовъ, но все же долженъ былъ наказать вашъ проступокъ. Онъ освободилъ васъ отъ кнута, взявъ въ соображеніе ваши лѣта, но присудилъ, чтобы вы отправились отсюда въ открытую тюрьму и содержались тамъ въ продолженіе часа. Вы обязуетесь заплатить 100 долларовъ; должны выдержать тридцати-дневный арестъ въ городской тюрьмѣ, и не будете выпущены, пока не уплатите вышесказанныхъ 100 долларовъ; я считаю себя обязаннымъ, Натаніель Бумпо....

— Гдѣ же взять мнѣ эти деньги? поспѣшно прервалъ его Кожаный-Чулокъ. Вы вѣдь не даете мнѣ награды за пантеру, потому что я убилъ оленя; гдѣ же такому старику, какъ я, найти въ лѣсу столько золота и серебра. Нѣтъ, судья, придумайте что-нибудь лучше, чѣмъ на остатки моей жизни запереть меня въ тюрьму.

— Если вы имѣете что возразить на рѣшеніе, то судъ выслушаетъ васъ, съ кроткимъ участіемъ отвѣтилъ судья.

— У меня много есть, что возразить, вскричалъ Натти съ душевнымъ страхомъ, судорожно схватившись за прутья периль. Гдѣ взять мнѣ деньги? Пустите меня въ горы и лѣса дышать свѣжимъ воздухомъ, и я, не смотря на мои 80 лѣтъ, до исхода осени постараюсь уплатить вамъ всю сумму. Я увѣренъ, что вы на столько благоразумны, чтобы видѣть, какъ безстыдно и ужасно запереть въ тюрьму старика, который проводитъ свои дни въ томъ мѣстѣ, гдѣ всегда можетъ смотрѣть на небо.

— Я долженъ слѣдовать закону и руководствоваться имъ.

Ахъ, судья Темплъ, не говорите мнѣ о законахъ! прервалъ его Натти. Развѣ кровожадная пантера заботилась о законахъ, когда жаждала жизни вашего единственнаго дитяти? Дочь ваша на колѣняхъ просила у Бога большей милости, чѣмъ я отъ васъ, — и Богъ услышалъ ее. Вы думаете, что если на мою просьбу вы отвѣтите отрицательно, то Богъ не услышитъ этого!

— Чувства мои не могутъ имѣть ничего об щаго съ....

— Слушайте меня, судья, прервалъ его старикъ, и вы услышите голосъ разсудка. Я блуждалъ по этимъ горамъ, когда вы не были еще судьей, но ребенкомъ находились въ объятіяхъ вашей матери, и чувство мое сказало мнѣ, что я до смерти могу ходить по нимъ. Помните то время, когда вы пріѣхали къ этому озеру, — тогда не было здѣсь тюремъ, чтобы запираеть туда честныхъ людей. Развѣ не предоставилъ я вамъ медвѣжью кожу и не утолилъ вашего голода? И за мое радушіе вы хотите отплатить мнѣ тюрьмой. 100 долларовъ! Гдѣ взять мнѣ столько денегъ? Нѣтъ, нѣтъ, судья; хотя о васъ много говорятъ дурнаго, но вы не будете такъ жестоки, чтобы заставить умереть въ тюрьмѣ старика за то, что онъ защищалъ свои права. Отпустите меня, ужъ я довольно долго былъ въ этой тѣснотѣ; я стремлюсь на чистый воздухъ и въ лѣса. Не заботьтесь обо мнѣ, судья, я заплачу штрафъ, пока въ лѣсу будутъ олени, а у озеръ бобры. Гдѣ мои собаки? Подите сюда! Намъ предстоитъ работа не по лѣтамъ. Но если я общалъ, то все будетъ исполнено въ точности.

Кожаный-Чулокъ хотѣлъ уйти, но тотчасъ же былъ остановленъ констаблемъ, и прежде чѣмъ онъ могъ сказать что либо, произошелъ шумъ. Взоры всѣхъ присутствующихъ обратились въ конецъ комнаты.

Веньяминъ Пумпъ успѣлъ пробиться сквозь толпу и одной ногой стоялъ на окнѣ, а другой на скамѣ присяжныхъ. Къ удивленію судей, онъ началъ говорить и послѣ нѣкотораго усилія вытащилъ изъ

кармана кошелекъ, сказавъ:

— Если вы, господа, позволите мнѣ стать противъ его преслѣдователей, то вотъ бездѣлица, которая уменьшитъ опасность. Здѣсь въ кошелькѣ 25 испанскихъ талеровъ; я хотѣлъ бы, чтобъ здѣсь было болѣе, но такъ какъ этого не случилось, то я попрошу Ричарда Джонса спрятать ихъ, пока Натти не выпустятъ, и потомъ отдать ихъ ему.

Удивленіе отъ такой неожиданной выходки произвело всеобщее движеніе въ залѣ суда и было прервано стукомъ шпаги по столу и громкимъ голосомъ, призывающимъ къ порядку.

— Надо покончить дѣло, — сказала судья, желая подавить свое волненіе. — Отведите наверхъ преступника, констабль, — прибавилъ онъ. — Что теперь на очереди, господинъ секретарь?

Натти, кажется, примирился съ жестокой судьбой: молчаливо опустивъ голову на грудь, безъ сопротивленія послѣдовалъ онъ за судьями. Зрители дали мѣсто преступнику, и какъ только онъ вышелъ изъ залы, толпа кинулась за нимъ, чтобы видѣть позоръ стараго охотника.

На лобномъ мѣстѣ множество народа окружило Натти. Между тѣмъ, констабль поднялъ вверхъ жезлъ и указалъ на отверстія, въ которыя Натти долженъ былъ вложить ноги. Кожаный-Чуллокъ, нимало не возражая противъ наказанія, спокойно усѣлся на землю, и даже не вздохнулъ, когда члены его вкладывали въ отверстія, хотя и кидалъ болѣзненные взгляды, какъ бы прося сочувствія своимъ страданіямъ. Въ грубой толпѣ онъ не видѣлъ ни малѣйшаго состраданія, но нигдѣ не замѣтилъ и безчувственной радости; слухъ его не былъ оскорбленъ ни однимъ браннымъ словомъ, какія при подобныхъ случаяхъ охотно высказываются.

Только-что констабль хотѣлъ опустить верхнюю доску, какъ Веньяминъ, протиснувшійся къ преступнику, грубо началъ разговоръ, какъ бы желая подать поводъ къ спору.

— Гдѣ принято, чтобъ надѣвать людямъ такіе деревянные чулки? спросилъ онъ у констабля, и какою приносятъ они пользу?

— Я повинуюсь приказанію суда, господинъ Веньяминъ, отвѣтилъ тотъ: — вѣроятно, на то есть законныя причины.

— Положимъ, такъ; но спрашиваю васъ: что жъ изъ этого выйдетъ? вѣдь эта штука не причиняетъ боли, а бессмысленно держать человѣка за пятки изъ одного дурачества!...

— Вѣдь не жаль, Веньяминъ, выставить напоказъ поселенцамъ, какъ медвѣдя, стараго восьмидесятилѣтняго человѣка? грустно спросилъ Натти. — Вѣдь не жаль стараго солдата, который много разъ стоялъ предъ непріателемъ и видѣлъ предъ собою смерть, поставить на мѣсто, гдѣ мальчишки будутъ указывать на него пальцами и осмѣивать его? Вѣдь не больно оскорбитъ самолюбіе честнаго человѣка и обходиться съ нимъ, какъ съ дикимъ животнымъ?

Веньяминъ дико осмотрѣлся кругомъ, и если бы увидѣлъ хоть одно смѣющееся лицо, то, вѣроятно, произошелъ бы горячій споръ; но такъ какъ онъ вездѣ встрѣтилъ хладнокровіе или сострадательные взгляды, то спокойно усѣлся возлѣ охотника, воткнулъ обѣ ноги въ пустыя отверстія и сказалъ:

— Ну, опускайте, господинъ констабль: пусть придетъ человѣкъ, который желаетъ видѣть медвѣдя; онъ найдетъ здѣсь двухъ, и изъ нихъ одного, который, въ сличаѣ нужды, такъ же хорошо умѣетъ кусаться, какъ и ворчать.

— Но вѣдь у меня нѣтъ приказанія запереть васъ въ клѣтку! вскричалъ констабль. Выходите оттуда, и не мѣшайте мнѣ исполнять мою обязанность.

— Вы имѣете мое приказаніе, и вамъ нѣтъ дѣла заботиться о моихъ ногахъ. Закройте крышку, и потомъ укажите мнѣ молодца, который засмѣется на это.

— По мнѣ пожалуй, отвѣчалъ констабль, запирая клѣтку. Вѣдь никому не будетъ вреда, если запрешь человѣка, который самъ идетъ въ заключеніе.

Чтобы предупредить бѣду, замыканіе произошло довольно скоро, ибо какъ только зрители увидѣли Веньямина въ новомъ положеніи, ими овладѣла такая веселость, что большая часть разразилась смѣхомъ. Дворецкій сильно старался получить свободу, намѣреваясь съ ближайшимъ къ нему затѣять споръ.

— Послушайте, господинъ констабль, вскричалъ онъ, — откройте-ка подножку, чтобъ я могъ доказать тому мошеннику, надъ кѣмъ онъ смѣетъ насмѣхаться.

— Нѣтъ, нѣтъ, господинъ Пумпъ, этого нельзя. Вы сами заперли себя, и должны остаться тамъ до срока, назначеннаго преступнику. Такъ какъ бараханье и сопротивленіе ни къ чему не повели, то Веньяминъ послѣдовалъ примѣру спокойнаго повиновенія своего товарища, и удовольствовался тѣмъ, что выразилъ на своемъ грубомъ лицѣ презрѣніе, доказывавшее, что злоба его уступила мѣсто другому чувству. Наконецъ, онъ обратился къ своему сотоварищу и со всѣмъ добродушіемъ, какимъ обладалъ, началъ утѣшать его; однако, скоро прекратилъ онъ это, увидѣвъ подходившаго Гирама Долитля. Доносчикъ, приблизившись къ концу клѣтки, гдѣ сидѣлъ Веньяминъ, расположился противъ Кожанаго-Чулка на безопасномъ разстояніи. Рѣзкіе и пронизательные взгляды, которые бросалъ Натти на своего врага, казалось, сначала испугали жалкаго малаго и поставили его въ неловкое положеніе, обыкновенно ему чуждое. Но онъ скоро собрался съ духомъ, равнодушно посмотрѣлъ на небо и сказала хладнокровно, какъ бы нечаянно встрѣтись съ своимъ другомъ.

— Послѣднее время было мало дождя, и я думаю что засуха продлится долго.

Натти съ отвращеніемъ и пренебреженіемъ отвернулся отъ жалкаго человѣка, между тѣмъ какъ Веньяминъ постоянно внимательно разглядывалъ его.

Послѣ нѣкотораго молчанія, Гирамъ продолжалъ:

— Да, облака, кажется, не содержатъ нисколько влажности, и земля вездѣ покрыта трещинами. Насколько я понимаю, если не пойдетъ скоро дождь, то урожай будетъ плохъ.

— Зачѣмъ вамъ дождь изъ облаковъ? сказалъ раздраженный Кожаный-Чулокъ. — Вы выжимаете слезы изъ глазъ стариковъ, бѣдныхъ больныхъ. Прочь! удалитесь отсюда! Хотя ты и созданъ по образу Божію, но въ сердцѣ твоёмъ поселился дьяволъ. Прочь! прочь, говорю тебѣ! Сердце мое полно страданій, но при видѣ твоёмъ оно наполняется желчью.

При такомъ жестокомъ выраженіи Натти, Гирамъ забылъ всякую осторожность и приблизился къ дворецкому, который схватилъ его своей костлявой рукой за ноги и поднялъ на воздухъ, прежде чѣмъ тотъ могъ опомниться и собраться съ силами. Потомъ онъ опять поставилъ его на ноги, и оба внимательно смотрѣли другъ на друга.

— Хорошъ гусь, господин! Долитль! — кричалъ изо всей силы Веньяминъ: хорошъ гусь! Мало вамъ, что вы довели до клѣтки стараго, честнаго человѣка, вы пришли сюда, чтобъ опозорить и осмѣять его. Подождите-ка, мы посмотримъ, кто кого пересилить.

— Ютанъ! кричалъ испуганный Гирамъ: — позовите сюда констаблей! Смиритесь, господинъ Петильямъ; я приказываю вамъ быть спокойнымъ!

— Ну, ужъ между вами давно было больше спокойствія, чѣмъ любви, но теперь это должно кончиться! вскричалъ дворецкій, нервически подымая свой кулакъ. Соберитесь съ духомъ. Какъ нравится вамъ этотъ кузнечный молотъ?

— Троньте меня, если достанетъ храбрости! вскричалъ Гирамъ какъ только могъ громко, потому что тотъ схватилъ его за горло: — Прикоснитесь, если смѣете!

— Ну, если, по-вашему, это не называется прикасаться, то послѣ этого я не знаю, чего вамъ еще надо.

Дѣйствія дворецкаго были въ высшей степени насильственны, потому что онъ опустилъ свой кулакъ на фізіономію Гирама, какъ на наковальню, и всѣ окружающіе пришли въ ужасъ и замѣшательство. Зрители стиснулись у клѣтки, между тѣмъ какъ нѣкоторые поспѣшили въ судъ, чтобы дать знать объ этомъ. Мальчишки вперегонку побѣжали за женой Долитля и объявили ей непріятное положеніе мужа.

Веньяминъ съ необыкновенной ловкостью и усердно работалъ, одной рукой держа противника, а другой продолжая колотить его по лицу. Онъ рѣшительно обезобразилъ лицо Долитля и сдѣлалъ его коричнево-синимъ. Ричардъ пробивалъ себѣ дорогу сквозь толпу и продирался къ мѣсту драки.

— Господинъ Долитль! — кричал, онъ: — какъ могли вы забыться до такой степени, чтобы нарушить спокойствіе, ввести въ обиду судъ и такъ жестоко обойтись съ бѣднымъ Веньяминомъ.

При звукѣ голоса Ричарда, Веньяминъ пріостановился въ своемъ пріятномъ занятіи и этимъ даль время Гираму обратитъ къ шерифу свою разбитую фізіономію.

— Законъ долженъ возстать противъ такой клеветы! кричалъ Долитль, всхлипывая въ отчаяніи. Законъ долженъ удовлетворить меня, и я требую, господинъ шерифъ, схватить этого человѣка и посадить въ темницу.

Между тѣмъ дѣло было объяснено шерифу, и онъ съ упрекомъ обратился къ дворецкому:

— Веньяминъ! — сказалъ онъ: — какъ попали вы въ клѣтку? Я всегда любилъ и уважалъ васъ, думая, что вы тихи и скромны, какъ овца; но теперь вижу, что вы срамите не только себя, но и своего друга и покровителя. Боже! господинъ Долитль! — прибавилъ онъ: — вѣдь онъ своротилъ вамъ всю фізіономію на сторону.

Гирамъ, между тѣмъ, всталъ на ноги и, увидѣвъ себя освобожденнымъ отъ кулаковъ своего врага, разразился злобою и требовалъ, чтобы за него отмстили. Такъ какъ обида произошла слишкомъ публично, чтобъ могла остаться безъ вниманія, то шерифъ обязанъ былъ посадить въ тюрьму своего дворецкаго, котораго дѣйствительно любилъ. Въ это время срокъ для Натти окончился, и Веньяминъ, узнавъ, что они оба, по крайней мѣрѣ, одну ночь проведутъ въ темницѣ вмѣстѣ, нисколько не противился этой мѣрѣ, и когда констабли: ввели его въ заключеніе, то объявили имъ слѣдующее:

— Я чрезвычайно малымъ считаю раздѣлить заключеніе съ такимъ человѣкомъ, какъ честный Натти Бумпо; но утверждаю, что безразсудно сказать, что человѣкъ заслуживаетъ что-нибудь хуже двойной порціи рому, за то, что своротилъ на сторону фізіономію такому человѣку, какъ Долитль. Нѣтъ животнаго хуже этого мошенника въ цѣломъ околоткѣ, и если онъ не камень, то найдетъ что рассказать обо мнѣ. Что же тутъ такого ужаснаго, господинъ Ричардъ, что вы принимаете это такъ близко къ сердцу? Это происходило рѣшительно какъ въ регулярной войнѣ: онъ имѣлъ даже преимущество тѣмъ, что противникъ его стоялъ на якорѣ.

Ричардъ считалъ недостойнымъ отвѣчать на такой вопросъ и, увидѣвъ что преступники въ тюрьмѣ и замокъ запертъ, тотчасъ удалился.

Послѣ обѣда Веньяминъ много болталъ съ прохожими сквозь рѣшетчатое окно. Натти же

большими шагами ходилъ взадъ и впередъ, молча, спустя голову на грудь. Иногда онъ поднималъ голову и смотрѣлъ на праздношатающихся, и въ этотъ моментъ на лицѣ его мелькало веселое выраженіе самозабвенія, которое скоро уступало мѣсто задумчивости.

Въ сумерки приходилъ Эдвардсъ и нѣсколько времени серьезно разговаривалъ съ своимъ другомъ. Вѣроятно, онъ приносилъ утѣшеніе старому, доброму охотнику, потому что какъ только послѣдній удалился, то этотъ бросился на постель и погрузился въ глубокой, тихій сонъ.

Любопытные зрители истожили, наконецъ, краснорѣчіе дворецкаго, и когда Натти спалъ и послѣдній собесѣдникъ, Билли Кирби удалился въ восемь часовъ вечера, то Веньяминъ отправился на покой, завѣсивъ предварительно отверстіе, чтобы защититься отъ сквознаго вѣтра.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Съ наступленіемъ сумерекъ судъ прекратился. Въ девять часовъ вечера въ деревнѣ господствовало глубокое молчаніе, и улицы совершенно опустѣли.

Въ этотъ часъ судья, съ своей дочерью, сопровождаемой на близкомъ разстояніи Луизой Грантъ, гулялъ по аллеѣ деревни, разсуждая о происшествіяхъ минувшаго дня.

— Ты скорѣе всѣхъ можешь успокоить Натти, сказала Мармадукъ, но ты должна остерегаться говорить о его проступкѣ, который, по закону, ему нельзя простить.

— О, добрый батюшка! — нетерпѣливо замѣтила Елисавета: — назвать святыми законы, которые наказываютъ такъ жестоко за такой незначительной проступокъ!

— Лиза, дитя мое, ты не понимаешь этого, отвѣтилъ судья. Какъ бы могло повредить моему званію то, если бы могли сказать, что я избавилъ отъ наказанія преступника за то, что онъ случайно былъ спасителемъ моей дочери.

— Я и не отвергаю затруднительности твоего положенія. Но въ такомъ проступкѣ, какъ Натти, я не могу исполнителя законовъ отдѣлить отъ человѣка.

— Но вѣдь проступокъ Натти не былъ такъ ничтоженъ, какъ ты думаешь, милое дитя; тутъ рѣчь идетъ не о нападеніи Гирама, но объ угрозѣ стрѣлять въ чиновника, исполняющаго свой долгъ.

— Все равно! отвѣчала Елисавета. — Я знаю невинность Натти и потому считаю неправыми всѣхъ осудившихъ его.

— И твоего отца, Лиза?

— Ахъ, избавь меня отъ такихъ отвѣтовъ. Скажи мнѣ лучше твое порученіе, чтобъ я могла скорѣе окончить его.

Судья немного остановился, нѣжно улыбнулся своей дочери, тихо положилъ руку на ея плечо и потомъ сказалъ:

— Ты, можетъ быть, частію и права, Лиза, но сердце твое слишкомъ часто беретъ верхъ надъ разсудкомъ. Однако, выслушай меня теперь. Въ этомъ бумажникѣ 200 долларовъ; поди къ преступнику, покажи привратнику эту бумагу, чтобъ онъ впустилъ тебя, и разскажи бѣдному старику все, что лежитъ у тебя на сердцѣ. Однако, не забывай при этомъ, что Натти сдѣлалъ проступокъ, что законы должны были наказывать его и что твой отецъ судья.

Елисавета ничего не отвѣчала, прижала къ груди руку отца, взяла за руку Луизу и направилась къ тюремѣ.

Дорогой онѣ не слышали ничего, кромѣ тяжелыхъ шаговъ упряжныхъ воловъ и стука телегъ, ѣхавшихъ съ ними по одному направленію. Въ господствующей всюду темнотѣ трудно было различить погонщика. Вблизи темницы онѣ были задержаны волами, повернувшими къ зданію и въ награду за труды получившими клокъ сѣна, который терпѣливо несли на шеѣ. Это было такъ обыкновенно, что Елисавета не взглянула даже на упряжь, пока не услыха разговора погонщика съ своими волами.

— Смотри, пеструшка, хочешь?

Голосъ мужчины казался знакомымъ молодой дѣвушкѣ, и, приблизясь къ нему, она увидѣла подъ грубой одеждой погонщика Оливера Эдвардса.

— Миссъ Темплъ! вскричалъ юноша.

— Мистеръ Эдвардсъ! сказала удивленная Елисавета.

— Возможно ли, что я вижу васъ въ это время около темницы съ миссъ Луизой! продолжалъ Эдвардсъ.

— Да, господинъ Эдвардсъ, — тихо отвѣтила Елисавета: — мы не только около темницы, но и хотимъ войти въ нее и доказать Кожаному-Чулку, что не забыли его услугу; хотя мой отецъ и былъ судьей, но онъ не неблагодаренъ. Если вы хотите навѣстить своего друга, то прошу васъ на десять минутъ уступить намъ первенство. Покойной ночи, сэръ; сердечно сожалѣю, что вижу васъ въ этомъ занятіи; но будьте увѣрены, что мой отецъ....

— Не говорите объ этомъ, смѣю васъ просить, — замѣтилъ Эдвардсъ. Будьте такъ добры, не выдавайте никому, что я здѣсь.

Елисавета, давъ обѣщаніе, отвернулася отъ Эдвардса, и явившійся привратникъ напомнилъ ей о цѣли ея посѣщенія.

Такъ какъ всѣ въ деревнѣ знали, что Бумпо спасъ жизнь этихъ дѣвушекъ, то ихъ требованіе войти въ темницу не возбудило удивленія. Бумага Темпля устранила всякія возраженія, и онѣ немедленно введены были въ тюрьму. Въ это самое время послышался грубый голосъ Веньямина:

— Ого, кто тамъ идетъ?

— Желанные гости, господинъ Пумпъ, — замѣтилъ привратникъ. — Однако, что сдѣлали вы съ замкомъ, что онъ не отпирается?

— Немного терпѣнія и осторожности, отвѣтилъ дворецкій. — Видите, я забилъ въ скважину гвоздь, чтобы не вошелъ сюда Долитль; теперь этого не предвидится.

Стукъ молотка убѣдилъ стоявшихъ за дверью, что дворецкій серьезно принялся за дѣло. Скоро замокъ подался, и дверь отворилась.

Когда дѣвушки вошли вмѣстѣ съ тюремщикомъ, то безъ затрудненія замѣтили, что Пумпъ хотя и находился въ состояніи полуопьяненія, однако ж имѣлъ еще столько сознанія, чтобы удалиться къ своему ложу, когда узналъ посѣтительницъ. Не обращая особеннаго вниманія на свою госпожу, онъ, отрезвившись, усѣлся на скамью и прислонился къ стѣнѣ.

— Господинъ Пумпъ, — сказала привратникъ, — если вы хотите портить мои замки, то я привѣщу вамъ къ ногамъ желѣзныя украшенія, и это отниметь у васъ всякую охоту вставать.

— Какъ бы не такъ, ворчала Веньяминъ: — вы уже держали меня разъ за пятки, и я думаю, что вамъ достаточно этого. Вѣдь я дѣлаю то же, что и вы. Бросьте вашу наружную застежку, не то, увѣрю васъ, не найдете цѣпи и изнутри.

— Я долженъ запирачь въ девять часовъ, сказалъ привратникъ, не обращая вниманія на Веньямина: — теперь 42 минуты девятого.

Онъ поставилъ свѣчу на сосновый столъ и вышелъ изъ тюрьмы.

— Кожаный-Чулокъ, мой добрый, старый Кожаный-Чулокъ, моя благодарность привела меня къ вамъ. Если бы вы дали обыскать домъ, то все прошло бы хорошо, такъ какъ убійство оленя бездѣлица.

— Позволить обыскать домъ! сказалъ Натти, тихо подымая голову, но не выходя изъ угла, въ которомъ сидѣлъ. — Неужели вы думаете, что я впустилъ бы этого червя въ мою хижину? Нѣтъ, нѣтъ, я не впустилъ бы и васъ, а о немъ уже и говорить нечего. Пусть они обыщутъ теперь пепель и уголья, и если найдутъ что-нибудь кромѣ пыли, какъ при обжиганіи поташа въ горахъ, то не будь я Кожаный-Чулокъ! Онъ тяжело опустилъ голову и покачалъ ею.

— Но вѣдь хижину можно выстроить вновь; какъ только освободятъ васъ изъ-подъ ареста, то я сама буду заботиться о томъ, чтобы вы имѣли хорошій кровъ.

— Развѣ можешь ты дать жизнь мертвому? Нѣтъ, нѣтъ, никто изъ васъ не пойметъ, что значитъ въ продолженіе сорока лѣтъ жить подъ однимъ и тѣмъ же кровомъ и имѣть вокругъ себя однѣ и тѣ же вещи.

— Зачѣмъ эти грустные мысли, старый другъ; вѣдь есть деревья лучше тѣхъ, и я достану ихъ для васъ прежде, чѣмъ вы освободитесь изъ-подъ ареста, и вы проведете въ довольствѣ и спокойствіи остатки дней вашихъ.

— Домъ, спокойствіе, довольство! грустно отвѣчала Натти: вы добры и потому думаете такъ, но этого не можетъ быть, послѣ того, какъ Веньяминъ видѣлъ, какъ мои старые члены выставили на посмѣяніе толпы.

— Ахъ, къ чорту съ твоей клѣткой, съ пренебреженіемъ сказалъ Веньяминъ: кто будетъ заботиться о нашихъ деревянныхъ чулкахъ. Вѣдь и мои ноги были въ тискахъ, а я не думаю, чтобы онѣ сдѣлались хуже.

Елисавета приказала дворецкому замолчать и, обратясь къ Натти, продолжала:

— Добрый, старый другъ, вѣдь я пришла сюда, чтобы поговорить о вашей будущности и позаботиться объ остаткѣ вашихъ дней, дабы вы провели ихъ въ довольствѣ и спокойствіи.

— Спокойствіе, довольство! снова повторилъ Натти: — какого спокойствія можетъ ожидать старикъ, который долженъ пройти цѣлую милю, чтобы найти тѣнь, могущую оградить его отъ солнца. Какъ можете вы говорить о спокойствіи, когда я долженъ буду блуждать цѣлые дни, чтобы напасть на оленя и найти только заблудившуюся лисицу. Даже тѣ бобры опротивятъ мнѣ, которыхъ я долженъ буду употребить на уплату штрафа. Я долженъ идти 100 миль до границы Пенсильваніи, чтобы найти ихъ. Ваши улучшенія и просьбы прогнали животныхъ и, вмѣсто плотины, которую Провидѣніе устроило для бобровъ, вы провели воду въ мельницы чрезъ низменныя мѣста, какъ будто человекъ осужденъ на то, чтобы препятствовать каплямъ, указаннымъ ему Богомъ.

Потомъ онъ повернулся къ Веньямину и сказалъ:

— Не пейте такъ много; если вы будете такъ часто прикладывать руку ко рту, то не будете въ состояніи отправиться, когда придетъ время.

— Господинъ Бумпо, не заботьтесь о другихъ; поставьте меня на ноги, когда придетъ время, скажите, куда идти, и я увѣрю васъ, что перегоню васъ всѣхъ.

— Время пришло, — отвѣчала прислушиваясь Натти: — я слышу, какъ воли трутъ рога о стѣнку

тюрьмы.

— Хорошо, шкиперъ, приказывайте, и мы подыдемъ якорь, отвѣчалъ Веньяминъ.

— Вы не выдадите насъ, миссъ Темплъ, сказалъ Натти, довѣрчиво смотря на Елисавету, вы не выдадите старика, который хочетъ подышать воздухомъ. У меня нѣтъ дурныхъ намѣреній, а такъ какъ законъ наложилъ на меня 100 долларовъ штрафа, то я хочу воспользоваться этимъ временемъ года, чтобы собрать деньги.

— Что хотите вы дѣлать? спросила озадаченная Елисавета: — Вѣдь вы должны остаться въ тюрьмѣ 30 дней, а въ этомъ кошелькѣ есть для васъ штрафныя деньги. Возьмите ихъ и уплатите штрафъ, но только потерпите мѣсяцъ, пока не окончится срокъ вашего наказанія. Мы будемъ васъ часто навѣщать, и вы не будете чувствовать никакой нужды.

— Въ самомъ дѣлѣ вы хотѣли это? сказалъ Натти, весело подходя къ дѣвушкамъ и взявъ за руку Елисавету. — Вы приняли участіе въ старикѣ, который сдѣлалъ только то, что выстрѣлилъ въ дикое животное, что не стоило ему особеннаго труда.

— Конечно, мы хотимъ этого, сказала Елисавета: — я сожалѣю отъ всей души, что законъ назначилъ вамъ такой длинный арестъ, но вѣдь мѣсяцъ пройдетъ скоро, и тогда...

— Я долженъ остаться здѣсь еще мѣсяцъ! вскричалъ Натти со смѣхомъ. — Нѣтъ, я не останусь здѣсь ни дня, ни ночи, ни часу: хотя судья Темплъ и присудилъ меня, но удержать меня онъ не можетъ, если, у него нѣтъ тюрьмы лучше этой. Въ прежнее время я былъ взятъ французами, и они посадили меня и еще 60 другихъ въ блокгаузъ, который считали крѣпкимъ; но людямъ, привыкшимъ къ лѣсу, легко было пробиться чрезъ сосновые чурбаны.

Старый охотникъ замолчалъ, осторожно осмотрѣлъ комнату, безъ церемоніи оттолкнулъ въ сторону дворецкаго, снялъ простыню съ своего ложа и показалъ дѣвушкамъ отверстіе, сдѣланное въ балкахъ топоромъ; и рѣзцомъ.

— Одинъ толчекъ ногой и дорога открыта, — сказалъ онъ, — и тогда...

— Да, да, уйдемъ, сказалъ Веньяминъ, который между тѣмъ еще болѣе опьянѣлъ: — къ чему послужить долгое мѣшканье? Вы будете ловить бобровъ, а я продавать ихъ шляпошникамъ. Уйдемъ, уйдемъ.

— Ну, надѣлаетъ мнѣ хлопотъ этотъ молодецъ, сказалъ Натти: — я не знаю, какъ пойдетъ онъ по горамъ, если насъ будутъ преслѣдовать; онъ неспособенъ къ побѣгу.

— Что значить побѣгъ? вскричалъ Веньяминъ, разводя руками: — мы проберемся бокомъ и потомъ побѣжимъ. — Тихе, Веньяминъ, сказала Елисавета, обращаясь къ Натти.

— Конечно, вы не захотите оставить насъ, Натти; подумайте, что тогда вы будете окончательно изгнанникомъ, и что старость ваша приближается, прибавила она. — Потерпите, а потомъ вы можете открыто и честно оставить тюрьму.

— Но, милое дитя, развѣ я могу ловить здѣсь бобровъ?

— Нѣтъ, но здѣсь довольно денегъ, чтобы заплатить штрафъ. Возьмите, вѣдь это золото. Чрезъ мѣсяцъ вы свободны.

— Золото? спросилъ съ дѣтскимъ любопытствомъ Натти: — уже много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ видѣлъ я послѣдній золотой.

— Это англійскія гиней и принадлежать вамъ, сказала Елисавета.

— Какъ! вы хотите дать мнѣ этотъ кладъ? съ серьезнымъ взглядомъ спросилъ удивленный Натти.

— Конечно, возразила Елисавета; развѣ не спасли вы мнѣ жизнь и не вырвали изъ зубовъ разъяренной пантеры?

Натти взялъ деньги, поворачивалъ ихъ въ рукахъ и тихо сказалъ про себя:

— Въ Киртанѣ, говорятъ, есть ружье, которое бьетъ вѣрно на 100 сажень. Много хорошаго оружія видѣлъ я, но никогда такого, какъ это. 100 сажень, да, это должно быть превосходное оружіе. Но всеравно, я старъ, и пока держусь самъ, выдержитъ и мой звѣробой. Возьмите ваше золото, дитя, время пришло, я слышу его разговаривающимъ съ волами я долженъ готовиться въ дорогу. Не правда ли, вы ничего не разболтаете, милое дитя?

— Никогда! радушно отвѣчала Елисавета: — но все-таки возьмите деньги, старый другъ, даже если вы идете въ горы, прошу, возьмите ихъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ласково отвѣтилъ Натти: — Я не возьму ихъ даже и тогда, еслибъ могъ купить на нихъ двадцать ружей. Но вы можете сдѣлать мнѣ большое одолженіе.

— Какое?

— Дѣло касается только покупки пороховницы, стоящей 2 доллара. Веньяминъ уже отложилъ на это деньги, но такъ какъ мы не можемъ выйти, то не можемъ и имѣть ея. Продаетъ ее французъ и больше ни у кого нѣтъ. Хотите вы мнѣ достать ее, миссъ Елисавета?

— Разумѣется, Натти, я принесу, еслибъ даже пришлось гнаться за вами цѣлый день въ лѣсахъ. Но гдѣ и когда могу я найти васъ?

— Гдѣ? задумчиво спросилъ Натти: — на той горѣ, которую зовутъ горою видѣній. На верхушкѣ ея,

гдѣ восходитъ солнце, буду я ждать васъ, милое дитя. Однако, смотрите, чтобъ порохъ былъ зернистъ; вы можете узнать это по блеску и по цѣнѣ. Но вы, въ самомъ дѣлѣ, хотите сдѣлать это?

— Да, хочу, твердо отвѣтила Елисавета. Затѣмъ Натти сѣлъ на землю, просунулъ ноги въ отверстие и сильнымъ толчкомъ отдалилъ препятствіе, заграждавшее ему путь. Дѣвушки слышали шелестъ и шумъ сѣна и поняли, что заставило Эдвардса быть погонщикомъ.

— Пойдемъ, Веньяминъ: ночь пришла и темнѣе не будетъ, потому что черезъ часъ взойдетъ мѣсяцъ.

— Пойдите! вскричала Елисавета: — погодите исполнять вашъ планъ, пока мы уйдемъ, Натти, чтобъ никто не смѣлъ сказать, что вы убѣжали въ присутствіи дочери судьи Темпля.

Натти не успѣлъ отвѣтить, какъ послышались шаги привратника; и потому нельзя было думать въ эту минуту о побѣгѣ. Онъ только успѣлъ вытянуть ноги и накинуть на отверстие простыню, какъ замокъ щелкнулъ, и темница отворилась.

— Миссъ Темплъ, вѣжливо сказала тюремщикъ, уже настала часъ запирать.

— Я сейчасъ иду, сказала Елисавета. — Покойной ночи, Кожаный-Чулокъ.

— Покойной ночи, мое милое дитя! Это хороший рогъ, и пуля пойдетъ далѣе обыкновеннаго. Я старъ и не могу преслѣдовать дичину такъ скоро, какъ прежде.

Миссъ Темплъ молча кивнула и вмѣстѣ съ Луизой послѣдовала за привратникомъ. У наружной двери онъ оставилъ ихъ и возвратился къ преступникамъ, а дѣвицы повернули за уголь.

— Я слышу шелестъ сѣна, шепнула Елисавета, вѣрно они бѣгутъ теперь. Только бы ихъ не открыли и не схватили.

Въ это время онѣ повернули за уголь дома и увидѣли Натти и Эдвардса, старавшихся протащить Пумпа сквозь отверстие деревянной стѣны. Волы были обращены къ улицѣ, чтобы выиграть мѣсто для своего дѣла.

— Сбрось сѣно на повозку, Натти, шепнулъ Эдвардсъ: живѣе! а то замѣтятъ, какъ мы устроили бѣгство.

Только-что Натти успѣлъ окончить дѣло, какъ въ то отверстие, которое способствовало побѣгу, показалась свѣча тюремщика и послышался голосъ, зовущій преступниковъ.

— Что теперь дѣлать? Этотъ пьяница все выдастъ! вскричалъ Эдвардсъ; намъ нельзя терять ни минуты.

— Кто пьянъ? Это ты, мошенникъ! ворчалъ дворецкій.

— Они убѣжали! кричали внутри пять, шесть человѣкъ.

— Мы должны его оставить, тихо сказалъ Эдвардсъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мы не можемъ этого сдѣлать ни въ какомъ случаѣ. Это значитъ поступить неблагодарно съ человѣкомъ, раздѣлившимъ со мною клятву и вообще оказавшимъ мнѣ много участія.

Въ это время изъ гостиницы вышли два или три человѣка, между которыми особенно слышался голосъ Кирби.

— Славная ночь! не смотря на то, что мѣсяцъ еще не взошелъ! вскричалъ порубщикъ. — Однако, что это въ темницѣ за шумъ? Пойдемъ скорѣе. посмотримъ, что тамъ такое.

— Мы пропали, если не бросимъ Веньямина, говорилъ въ отчаяніи Эдвардсъ.

Во время этого замѣшательства, Елисавета быстро подошла и шепнула:

— Положите его на повозку и пустите воловъ, никто и не подумаетъ васъ остановить.

— Правда, благодарю васъ, вскричалъ юноша и тотчасъ послѣдовалъ совѣту. Дворецкаго положили на солому, дали ему кнутъ, чтобы гнать животныхъ, и Эдвардсъ объяснилъ ему; чтобы онъ сидѣлъ спокойно. Волы двинулись, и пока они тихо ступали впередъ, Натти и Эдвардсъ успѣли пройти порядочное пространство около домовъ и исчезли въ маленькомъ переулкѣ, лежащемъ за строеніемъ. Вскорѣ на улицѣ раздался шумъ преслѣдователей и волы пустились рысью. Елисавета и Луиза живо удалялись, чтобъ уйти отъ толпы констаблей и празднующихся, частію изрекавшихъ проклятія, частію же смѣявшихся надъ хитростію преступниковъ. Среди шума слышался только голосъ Билли Кирби. Онъ громко кричалъ и клялся всеуслышаніе поймать преступниковъ и привести ихъ назадъ: Натти въ одномъ карманѣ, а Веньямина въ другомъ.

— Разступитесь! кричалъ онъ, пройдя плотину и не замѣчая ея, — скорѣе на гору! Если они достигнутъ цѣпи горъ, то тогда догонишь ихъ только ружьемъ.

Болѣе двадцати голосовъ повторили призывъ къ горамъ, такъ какъ со всѣхъ сторонъ собрался народъ, частію чтобы присоединиться къ преслѣдователямъ, частію же, чтобъ посмѣяться надъ случившимся.

Только-что Елисавета успѣла дойти до дома, какъ замѣтила, что Кирби остановилъ повозку, а Натти и Эдвардсъ спѣшили къ ней.

— Бѣгите! бѣгите! тихо кричала Елисавета. Вся деревня на ногахъ.

— Но куда? спросилъ юноша, скажите, и я послѣдую вашему совѣту, однажды уже спасшему насъ.

— Торопитесь къ озеру, на той дорогѣ нѣтъ людей. У озера вы найдете лодку моего отца: возьмите и гребите къ горамъ.

— А отецъ вашъ не разсердится, что мы воспользовались его лодкой?
 — Нѣтъ, нѣтъ, я за все отвѣчаю, сказала Елисавета.
 — Ну такъ съ Богомъ, впередъ! сказала Натти: — Не забудьте только пороховъ: я и собаки старѣмся съ каждымъ днемъ; а чтобъ стрѣлять бобровъ, мнѣ надо имѣть лучшіе снаряды.
 — Пойдемъ, пойдемъ, Натти! нетерпѣливо вскричалъ Эдвардъ.
 — Да, да, я уже иду. Благослови васъ Богъ обѣихъ, вы желаете добра старику. Оба поспѣшно удалились, а дѣвушки смотрѣли имъ вслѣдъ, пока они не исчезли въ темнотѣ; потомъ пошли къ дому.
 Между тѣмъ Билли, осмотрѣвъ повозку, нашель, что она его собственная, которую Эдвардъ, не спросивъ позволенія, самовольно употребилъ для исполненія своей цѣли.
 — Это моя упряжь! вскричалъ онъ. — Какъ пришли вы сюда?
 — Впередъ! ворчалъ Веньяминъ, махнувъ кнутомъ наудачу, и нечаянно коснулся плеча порубщика.
 — Эй, чортъ возьми, кто вы? изумленно вскричалъ Билли, такъ какъ темнота мѣшала ему узнать широкое лицо, выглядывавшее сбоку повозки.
 — Кто я? Шкиперъ этого судна, которое, надо думать, плыветъ довольно скоро. Прочь съ дороги, мальчишка, впередъ!
 — Господинъ Веньяминъ, оставьте кнутъ, если не хотите почувствовать моихъ кулаковъ, сказалъ порубщикъ, узнавъ возницу. — Куда ѣдете вы съ моей упряжью? — Упряжью?
 — Куда, съ моей повозкой и моими волами?
 — Вы должны знать, господинъ Кирби, что я и Кожаный-Чулокъ, то есть Бенни Пумпъ; вы знаете Бенни, ну такъ Бенни и я, — нѣтъ я и Бенни, — нѣтъ, чортъ возьми! Кожаный-Чулокъ и я убрались по случаю бобровъ и потому захватили вашу повозку. Однако, вы жалко гребете, господинъ Кирби.
 Билли не могъ долго оставаться въ сомнѣніи о состояніи дворецкаго. Онъ немного походилъ вокругъ повозки, взявъ кнутъ у Веньямина, заснувшаго на мягкомъ сѣнѣ, и направилъ животныхъ къ горамъ, гдѣ онъ долженъ былъ работать на слѣдующее утро. Никто его не останавливалъ, и на улицахъ деревни снова воцарилась тишина, какъ будто спокойствіе ея жителей не нарушалось.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

На слѣдующій день утромъ Елисавета и Луиза отправились въ лавку Леуа, чтобъ исполнить обѣщаніе, данное Натти. Купивъ пороху, онѣ оставили лавку и молча продолжали свою прогулку. Нѣсколько разъ Луиза начинала говорить что-то, но у ней не доставало на это духу.

— Можетъ, вы нездоровы? спросила Елисавета, замѣтивъ нерѣшительность своей подруги. — Если такъ, то намъ лучше вернуться домой, и въ другой разъ найти случай исполнить желаніе стараго Натти.

— Нѣтъ, я не больна, но боюсь, отвѣчала Луиза: — Никогда не рѣшаюсь я идти на эту гору, если нѣтъ около меня защитника. Я не могу идти далѣе, и чувствую, что слабѣю.

Это объясненіе непріятно смутило Елисавету; она на минуту задумалась, не зная, на что рѣшиться въ настоящемъ положеніи. Однако, она тотчасъ отбросила нерѣшительность, сообразивъ, что время дѣйствовать, а не думать, и отвѣтила.

— Хорошо же, я должна одна рѣшиться на это отчаянное предпріятіе, если только оно таково, и не могу никому довѣриться, иначе Натти будетъ открытъ. Подождите по крайней мѣрѣ у подошвы горы, чтобы люди не увидѣли меня одну, идущую въ горы. Подождите меня, Луиза, пока я возвращусь.

— Да, съ удовольствіемъ, даже если вы отлучитесь на цѣлый годъ, только не требуйте, чтобъ я шла съ вами въ горы. Такъ какъ Елисавета убѣдилась, что дрожащая подруга ея дѣйствительно не могла идти далѣе, то оставила ее вблизи большой дороги, откуда ей видно было селеніе безъ того, чтобы самой быть замѣченной прохожими, и одна продолжала путь. Твердыми и быстрыми шагами спустилась она по горной тропинкѣ и, пройдя мимо отверстій въ кустахъ, по временамъ останавливалась на минуту, чтобы вздохнуть или нѣсколько полюбоваться чуднымъ видомъ. Продолжавшаяся долгое время засуха превратила зелень долины въ коричневатый цвѣтъ, и теперь ей именно не доставало того пріятнаго для глазъ и веселаго вида который обыкновенно представляетъ раннее лѣто. Даже небо казалось повреждено было сухостью земли, ибо солнце закрылось туманомъ, распространившимся по всей атмосферѣ. Синева небеснаго свода едва была видна и только мѣстами просвѣчивала сквозь туманъ. Воздухъ, который вдыхала Елисавета, былъ горячъ и сухъ, и когда она должна была сойти съ проложенной тропинки, то почувствовала грудь свою сдавленною до задушенія. Тѣмъ не менѣе, она подвигалась впередъ, съ твердой рѣшимостью исполнить свое обѣщаніе и не оставить стараго охотника безъ поддержки въ его безпомощномъ состояніи.

На вершинѣ горы находилось небольшое открытое мѣсто, съ котораго можно было обозрѣть всю долину и селеніе. Здѣсь надѣялась она встрѣтить охотника и шла туда такъ поспѣшно, какъ только позволила крутая дорога и густая чаща лѣса. Безчисленные обломки скалъ, сваленныя деревья и обломанныя вѣтви затрудняли ея путь, но она съ рѣшительностію превозмогла всѣ эти препятствія и даже нѣсколько минутъ ранѣе опредѣленнаго времени достигла назначеннаго пункта.

На минуту Елисавета присѣла на пень, чтобы отдохнуть, потомъ бросила взглядъ вокругъ и стала

искать своего старого друга. Зоркій глазъ убѣдилъ ее, что его нѣтъ еще, и потому она встала, пошла вдоль опушки лѣса и изслѣдовала вблизи мѣсто, гдѣ бы Натти могъ спрятаться. Но и это стараніе ея было напрасно. Тогда, собравшись съ силами, рѣшилась она въ этомъ уединенномъ мѣстѣ прибѣгнуть къ своему голосу.

— Натти! Натти! Кожаный-Чулокъ! Эй, Натти! кричала она по всѣмъ направленіямъ, но не получала никакого отвѣта, кромѣ эха ея собственнаго звонкаго голоса, раздававшагося по сухому лѣсу.

Тогда Елисавета приблизилась къ краю роши, гдѣ въ отвѣтъ на крикъ ея послышался слабый, но явственно слышный свистъ. Она ни минуты не сомнѣвалась, что Натти ожидаетъ ее и этимъ свистомъ хочетъ дать знать о своемъ присутствіи. Поэтому она спустилась съ горы на сто футовъ, пока достигла небольшой, природной терасы, на днѣ которой нѣсколько деревъ пустили корни въ трещинѣ скалы. Она дошла до края этой терасы и стала смотрѣть внизъ чрезъ отвѣсный обрывъ на передней сторонѣ, какъ вдругъ шумъ сухихъ листьевъ возлѣ нея далъ взорамъ ея другое направленіе. Она испугалась предмета, представившагося ея глазамъ, но минуту спустя снова вернулось къ ней присутствіе духа, и твердыми шагами, не безъ любопытства подошла она ближе.

Здѣсь сидѣлъ Чингахгокъ на стволѣ сваленнаго дуба, обративъ свою темную фигуру къ дѣвушкѣ и направивъ глаза на лицо ея съ такимъ дикимъ видомъ, что менѣе рѣшительная испугалась бы его. Плащъ его соскользнулъ съ плеча и окружилъ его живописными складками, такъ что вся верхняя часть его тѣла — грудь, руки и спина — были обнажены. Длинные черные волосы были заплетены и висѣли внизъ по спинѣ, такъ что высокій лобъ свободно возвышался надъ пронизательными глазами. Въ ушахъ его, согласно индійскому обычаю, вдѣты были украшенія изъ серебра и жемчуга. Подобныя же украшенія висѣли изъ его ноздрей надъ губами и упирались въ подбородокъ. Лицо и все тѣло раскрашены были фантастическимъ образомъ, и вся наружность его представляла индійскаго воина, приготовившагося на чрезвычайно важное дѣло.

— Чингахгокъ, старый пріятель! какъ поживаете? спросила Елисавета, быстро приближаясь къ нему: — Что васъ такъ рѣдко видно въ деревнѣ? Вы общали мнѣ корзину, за которую я давно уже приготовила вамъ ситцевую рубаху.

Индѣецъ нѣсколько времени пристально смотрѣлъ на дѣвушку, не давая никакого отвѣта, но наконецъ сказалъ:

— Рука Чингахгока не плететъ болѣе корзины и ему не нужно рубахи.

— Но, если понадобится, то онъ знаетъ теперь, гдѣ найти ее, возразила Елисавета. — Въ самомъ дѣлѣ, старый другъ мой, мнѣ кажется, что вы имѣете право требовать отъ насъ всего, чего можете желать или въ чемъ встрѣтите нужду.

— Послушай меня, дочь моя, отвѣчалъ Чингахгокъ съ торжественною важностью. — Уже прошло шестьдесятъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Чингахгокъ былъ молодъ. Въ то время онъ былъ гибокъ какъ сосна, вѣренъ какъ пуля Натти, силенъ какъ буйволъ и быстръ какъ пантера. Когда народъ его преслѣдовалъ враговъ своихъ, то Чингахгокъ находилъ ихъ слѣды! Когда народъ его дѣлалъ празднества и считалъ скальпы враговъ, то на его поясѣ висѣло большее число ихъ; когда женщины плакали и жаловались на недостаточность мяса для насыщенія ихъ дѣтей, то Чингахгокъ былъ первый на охотѣ, и пуля его была быстрѣ оленя. Въ это время, дочь моя, Чингахгокъ дѣлалъ зарубки на деревьяхъ своимъ томагавкомъ, чтобы Мингосы знали, гдѣ можно найти его, но корзины тогда онъ не дѣлалъ.

— Эти времена прошли, старый храбрецъ, возразила Елисавета. — Народъ вашъ исчезъ, и вмѣсто того, чтобы преслѣдовать враговъ, вы научились жить въ мирѣ.

— Дочь моя, подойди сюда; здѣсь ты можешь видѣть озеро, жилище твоего отца, и берега извиистой Сускеганны. Чингахгокъ былъ молодъ, когда племя его, послѣ совѣщанія, подарило эту страну, и соплеменники отдали все тому, кого любили. Ни одинъ Делаваръ не стрѣлялъ на его землѣ оленей и не ловилъ птицъ, ибо все принадлежало ему.

— Развѣ Чингахгокъ не жилъ мирно?

— Дочь моя, пока Чингахгокъ былъ молодъ, онъ видѣлъ, какъ бѣлый изъ Фронтенака спустился до Альбани, чтобы сражаться съ своими бѣлыми братьями. Онъ видѣлъ, какъ англичане и американцы за право владѣть этой страной раздробляли другъ другу черепы своими томагавками! Онъ видѣлъ, какъ страна эта отнята была у прежняго властелина ея и его потомковъ и перешла въ другія руки. Развѣ это не значить жить мирно, дочь моя?

— Но развѣ Делавары тоже не сражались? спросила Елисавета. — Развѣ они не промѣняли свою землю на порохъ, покрывала и другіе товары?

— Гдѣ товары, за которые куплены были права прежняго владѣльца? спросилъ индѣецъ, остановивъ свои темные глаза пристально и пытливо на лицѣ Елисаветы. — У меня въ жилищѣ они? Сказали развѣ ему: братъ, продай намъ землю за это золото, серебро, товары и ружья? Нѣтъ, землю отъ него отняли, какъ берутъ скальпы у врага. Развѣ это миръ?

— Чингахгокъ, я этого не понимаю! возразила Елисавета. — Вы судили бы иначе, если бы вамъ извѣстны были наши законы и обычаи. Не думайте только ничего дурнаго о моемъ отцѣ: онъ добръ и

справедливъ.

— Да, онъ справедливъ, и я сказалъ орленку, что онъ окажетъ ему справедливость.

— Кого вы называете орленкомъ? Кто онъ, откуда и на чемъ основываете вы его сомнительныя права?

— Дочь моя долго жила съ орленкомъ подъ одной кровлей. Развѣ у него нѣтъ языка?

— Нѣтъ, по-крайней-мѣрѣ, для того, чтобъ довѣрить свои тайны. Я полагаю, что вы говорите объ Оливерѣ Эдвардсѣ? Онъ слишкомъ Делаваръ, чтобы повѣрить женщинѣ свои сокровенныя мысли.

— Дочь моя! великій духъ создалъ твоего отца съ бѣлой кожей, а меня съ красной; но въ сердца обоихъ насъ влилъ онъ кровь, которая быстро текла по жиламъ, пока мы были молоды, но которая теперь течетъ лѣниво и холодно, когда мы состарились. Развѣ кромѣ кожи есть еще разница? Нѣтъ! Чингахгокъ былъ однажды женатъ и имѣлъ прекраснаго сына. У васъ другіе обычаи, чѣмъ у моего народа, но развѣ ты думаешь, что Чингахгокъ не любилъ Ватавы и Ункаса?

— А что же случилось съ вашей женой и сыномъ? спросила Елисавета, глубоко тронутая печальнымъ видомъ индѣйца.

— Что случилось со льдомъ, покрывавшимъ озеро? Онъ растаялъ и превратился въ воду. Чингахгокъ жилъ, пока весь народъ его не переселился въ міръ духовъ, но теперь пришло его время, и онъ готовъ къ смерти.

Онъ замолчалъ и опустилъ голову на грудь. Елисавета до того была тронута, что нѣсколько времени не могла прервать молчанія, хотя охотно развлекла бы грустныя мысли стараго воина. Наконецъ она сказала:

— Чингахгокъ, гдѣ Натти? По желанію его, я принесла этотъ порохъ и теперь нигдѣ не найду его. Хотите взять его на сохраненіе, чтобы при случаѣ передать ему?

Индѣецъ тихо поднялъ голову и серьезно посмотрѣлъ на порохъ, который Елисавета положила ему въ руку.

— Это большой врагъ моего народа, сказалъ онъ. — Безъ него бѣлые никогда не могли бы прогнать Делаваровъ. Да, дочь моя, духъ научилъ вашихъ отцовъ дѣлать оружіе и порохъ, чтобъ поразить индѣйцевъ въ ихъ родинѣ, и скоро не останется въ этихъ горахъ ни одного Могикана. Когда Чингахгокъ переселится въ лучший міръ, то съ нимъ угаснетъ послѣдній изъ этого племени.

Старый воинъ нагнулся впередъ, уперся локтями въ колѣни, и, казалось, прощался со всѣми предметами долины, которые все еще не были ясно видны за густымъ туманомъ. Воздухъ между тѣмъ все болѣе и болѣе сгущался, и Елисавета уже чувствовала, что съ каждой минутой дыханіе ея затруднялось. Въ это время глаза Чингахгока утратили болѣзненное выраженіе; взглядъ его сдѣлался дикимъ и онъ воскликнулъ съ вдохновеніемъ пророка.

— Чангахгокъ отправится въ ту страну, гдѣ его предки, и найдетъ тамъ столько дичи, сколько рыбъ въ озерѣ. Ни одна женщина не будетъ жаловаться на недостатокъ пищи и ни одинъ Мингосъ не приблизится къ тому краю, въ которомъ обитаютъ краснокожіе. Отцы! сыновья! всѣ туда! У Чингахгока нѣтъ болѣе сына, кромѣ молодаго орла, и въ жилахъ его течетъ кровь бѣлаго!

— Чингахгокъ, скажите мнѣ, кто этотъ Эдвардсъ? спросила Елисавета, чтобъ дать мыслямъ индѣйца другое направленіе. Откуда онъ и почему вы такъ его любите?

При этомъ вопросѣ Чангахгокъ вскочилъ, схватилъ руку дѣвушки, притянулъ ее къ себѣ, показалъ на разстилавшуюся подъ ними долину и сказалъ:

— Смотри, дочь моя, докуда можетъ видѣть глазъ, все было его собственностію...

Въ это время надъ головами ихъ пронеслась страшная масса дыма, и, катясь съ шумомъ, закрыла имъ видъ на горы. Испуганная этимъ явленіемъ, Елисавета вскочила и взглянула на вершину горы, которая тоже была покрыта густымъ дымомъ. Между тѣмъ, страшный звукъ, въ родѣ шума бури, разносился по всему лѣсу.

— Ради Бога, Чингахгокъ, что это значить? воскликнула она: дымъ окружаетъ насъ, и на меня дышитъ пламя сильнаго жара.

Прежде чѣмъ этотъ мого отвѣтитъ, въ лѣсу раздался голосъ:

— Чингахгокъ! кричалъ онъ: — Могиканъ! гдѣ ты? Весь лѣсъ въ огнѣ и остается только одна минута для бѣгства.

Чингахгокъ приложилъ руку ко рту и издалъ губами свистъ, вслѣдъ за которымъ послышались поспѣшныя шаги по кустарнику и пнямъ, и затѣмъ появился Эдвардсъ, съ лицомъ, выражавшимъ страхъ.

— Слава Богу, что я нашелъ васъ! старый другъ, сказалъ онъ, нѣсколько вздохнувъ. — Вставайте и идите прочь! Пламя окружаетъ всю скалу, и если мы не прорвемся сквозь него, то намъ останется только броситься съ обрыва, ибо необходимо добраться до низу. Вставайте, Чингахгокъ! время дорого!

Въ торопливости Эдвардсъ не замѣтилъ Елисаветы, которая отошла за выступъ скалы. Показавъ на нее, Чингахгокъ сказалъ, какъ бы оживая:

— Спаси ее, Чингахгокъ умереть!

— Ее? О комъ ты говоришь? вскричалъ молодой человѣкъ, и быстро обернулся. Увидѣвъ

Елисавету, онъ поблѣднѣлъ какъ мертвецъ, и ужасъ почти лишилъ его языка.

— Вы здѣсь, Елисавета? вскричалъ онъ. — Боже! неужели вамъ суждено умереть такую смертію?

— Нѣтъ, нѣтъ, Эдвардъ, я не думаю, чтобъ опасность была такъ велика, возразила молодая дѣвушка, стараясь быть спокойною: — до сихъ поръ я вижу только дымъ и нигдѣ не видно огня, который бы могъ вредить намъ. Попытаемся бѣжать.

— Возьмите мою руку, сказалъ Эдвардъ: — можетъ, мы и найдемъ свободную дорогу. Но можете ли вы выдержать путь?

— Конечно, но я все-таки не думаю, чтобъ опасность была такъ страшна. Пойдемте по той дорогѣ, по которой вы пришли.

— Да, да, пойдемте! сказалъ молодой человѣкъ съ нерѣшительностію: — Надѣюсь, что тамъ нѣтъ опасности, и только напрасно напалъ на васъ такой страхъ.

— Но можемъ ли мы покинуть Чингахгока? Онъ ищетъ смерти, какъ самъ говорить.

Болѣзненное выраженіе блеснуло на лицѣ молодаго человѣка; онъ на минуту остановился, чтобы, не теряя времени, найти дорогу сквозь страшный огненный кругъ.

— Намъ нечего останавливаться, сказалъ онъ съ спокойствіемъ нерѣшительности. — Онъ привыкъ къ лѣсамъ и ихъ ужасамъ и навѣрно найдетъ выходъ, если только захочетъ. Впередъ!

— Недавно вы думали иначе, Эдвардъ, сказала Елисавета: — Не оставляйте его умереть такую страшную смертію.

— Индѣецъ не сгоритъ! Слышалъ ли кто чтонибудь подобное! нѣтъ, индѣецъ не можетъ сгорѣть, одна такая мысль возбуждаетъ смѣхъ! Поспѣшите только, миссъ Темплъ! Дымъ можетъ сдѣлаться для васъ опаснымъ.

— Эдвардъ! ваши глаза, ваши взгляды пугаютъ меня! Скажите мнѣ откровенно, развѣ опасность дѣйствительно сильнѣе, чѣмъ мнѣ кажется? Увѣряю васъ, что я готова на самую крайность.

— Миссъ Темплъ, если намъ удастся достигнуть этой вершины скалы, прежде чѣмъ огненная рѣка охватитъ ее, то мы спасены! воскликнулъ онъ прерывающимся голосомъ: — Бѣгите, какъ можно скорѣе! Дѣло идетъ о вашей жизни!

Какъ мы только-что сказали, мѣсто, гдѣ Елисавета встрѣтила индѣйца, было родъ скалистой платформы, которая спереди представляла крутой и глубокой обрывъ. Другая сторона ея въ менѣ рѣдкихъ уступахъ соединялась съ остальными горами, къ которымъ Эдвардъ увлекалъ свою спутницу съ необыкновенною поспѣшностію.

Громадная облака дыма окружали вершину горы и скрывали успѣхи неудержимой стихіи. Сильный шумъ привлекъ однако глаза Елисаветы на границу дыма и здѣсь она увидѣла раздувавшееся пламя, которое то подымалось кверху, то опускалось къ землѣ, гдѣ казалось истребляло каждую вѣтку, каждый кустъ, каждый листокъ. Такой видъ побудилъ бѣглецовъ удвоить свои усилія, но, къ ихъ несчастію, прямо поперекъ дороги лежала куча старыхъ, высохшихъ листьевъ, которые пламя охватило въ ту самую минуту, когда бѣглецы уже считали себя спасенными. Скоро запылалъ огонь и загородилъ дорогу. Бѣглецы отскочили назадъ и поспѣшили къ вершинѣ скалы, съ которой на окружающее ихъ смотрѣли дикими взорами и какъ бы оглушенные. Огонь съ необычайной быстротой охватилъ все вокругъ себя и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ обратилъ всю эту сторону горы въ клочокъ огня.

Легкая одежда Елисаветы дѣлала весьма опаснымъ приближеніе къ бушевавшей стихіи, а висящія части наряда казались служили лишь къ тому, чтобы привлекать на Елисавету опасность и страхъ.

Жители Темплтона имѣли обыкновеніе брать съ этой горы дровяной и строевой лѣсъ, при чемъ съ безразсчетной роскошью таскали только стволы, оставляя верхушки и сучья на мѣстѣ и предоставляя имъ гнить отъ времени. Поэтому, гора во многихъ мѣстахъ покрыта была большими массами столь горячаго матеріала, что, находясь два мѣсяца подъ лучами палящаго солнца, онъ могъ легко воспламениться отъ одного слабого прикосновенія огня. Такимъ образомъ, пламя переходило съ кучи на кучу съ быстротою бѣгущаго оленя.

Видъ былъ такъ же прекрасенъ, какъ и страшенъ, и Эдвардъ съ Елисаветой смотрѣли теперь съ рѣдкою смѣсью ужаса и любопытства на быстрые успѣхи опустошенія. Молодой человѣкъ однако снова собрался съ духомъ и повелъ свою спутницу вдоль окраины дыма, при чемъ часто, но безуспѣшно, пытался найти проходъ сквозь густыя облака его. Такимъ образомъ, они описали полукругъ около верхней части терасы, и наконецъ пришли къ страшному убѣжденію, что совершенно отрѣзаны огнемъ со всѣхъ сторонъ. Теперь Елисавету овладѣлъ весь ужасъ ея страшнаго положенія, и опасность ясно представилась ей.

— Эта гора кажется предназначена приносить мнѣ вредъ, прошептала она. — Здѣсь будетъ наша могила.

— Нѣтъ, не говорите этого, миссъ! Еще не вся надежда потеряна, мужественно возразилъ молодой человѣкъ, хотя выраженіе глазъ его противорѣчило этимъ словамъ; мы вернемся на вершину скалы, тамъ навѣрное найдемъ еще мѣсто, куда можно будетъ спастись.

— Такъ ведите меня туда, уже по крайней мѣрѣ испытаемъ все возможное.

Не ожидая отвѣта, перепуганная дѣвушка побѣжала къ краю обрыва, бормоча про себя съ

судорожнымъ, сдержаннымъ всхлипываніемъ:

— Отецъ! отецъ! несчастный отецъ мой!

Въ одну минуту и Эдвардъ стоялъ возлѣ нея, и пристально смотрѣлъ во всѣ глаза, не найдется ли отверстія, которое могло бы облегчить ихъ бѣгство или по крайней мѣрѣ сдѣлать его возможнымъ. Но верхняя плоскость скалы была такъ гладка, что нога едва могла ступать на нее, и нельзя было и думать воспользоваться слабыми выступами крутой стѣны, чтобы спуститься внизъ, съ вышины ста футовъ. Эдвардъ вскорѣ убѣдился, что всякая надежда потеряна, и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ обратился къ другой попыткѣ къ спасенію.

— Миссъ Елисавета, сказали онъ, намъ ничего не остается какъ спустить васъ отсюда на лежащія внизу скалы. Другаго пути я не вижу, и плащъ Чингахгока будетъ достаточною лѣстницею. Надо попробовать; это все лучше, чѣмъ оставить васъ на жертву такой смерти.

— А что жъ тогда съ вами будетъ? возразила Елисавета: — Нѣтъ, нѣтъ, ни вы, ни Чингахгокъ не должны быть жертвами моего спасенія.

Эдвардъ не слушалъ этихъ словъ, но поспѣшилъ къ Чингахгоку. Этотъ далъ свой плащъ безъ возраженія, оставаясь на своемъ мѣстѣ съ достоинствомъ и присутствіемъ духа индѣйца, хотя положеніе его было еще опаснѣе положенія молодыхъ людей. Эдвардъ разрѣзалъ плащъ на полосы, связалъ ихъ между собою и разорвалъ еще свою полотняную куртку и шаль Елисаветы, чтобы сдѣлать веревку какъ можно длиннѣе. При всемъ томъ, когда она брошена была быстро внизъ, то не доставала и на половину до низу.

— Это нейдетъ, все напрасно! воскликнула Елисавета. — Для меня нѣтъ болѣе надежды, ибо огонь охватываетъ все вокругъ, хотя медленно, но вѣрно. Посмотрите онъ даже сѣдаетъ подъ собою землю.

Еслибъ въ этомъ мѣстѣ пламя распространилось хотя вполонину такъ же скоро, какъ въ другихъ частяхъ горы, гдѣ легко переходило съ куста на кустъ, съ дерева на дерево, то окруженные имъ уже давно пали бы его жертвами. Но особенность грунта дала имъ довольно времени, чтобы сдѣлать упомянутыя попытки къ спасенію. Тонкая кора земли, покрывавшая скалу, имѣла въ трещинахъ корни нѣсколькихъ сухихъ сгнившихъ деревьевъ; но они не приходили въ соприкосновеніе съ огнемъ, ибо недоставало кустарника, чрезъ который опустошающая стихія, подобно бурному лѣсному теченію, распространилась по остальнымъ частямъ лѣса. Кромѣ этого недостатка горючаго матеріала наверху обрыва былъ довольно водный источникъ, который смачивалъ мохъ скалы и извилисто бѣжалъ по ея вершинѣ. Въ годы особенно обильные водою онъ образовалъ маленькій ручеекъ, но въ сухое лѣто хотя и не высыхалъ совершенно, но могъ быть замѣтенъ только по сырому, болотистому грунту, обнаруживавшему присутствіе воды. Когда огонь достигъ этой преграды, то долженъ былъ остановиться, пока жаръ не преодолѣетъ сырости, а для этого требовалось нѣкоторое время.

Рѣшительная минута однако все болѣе и болѣе приближалась; испаренія источника почти совсѣмъ улетучились, и мохъ скалы уже трещалъ отъ жара, между тѣмъ какъ остатки коры сгнившихъ деревьевъ начали отставать отъ стволовъ и раздробляясь падали на землю. Воздухъ дрожалъ и сжимался отъ сильнаго жара. Отъ времени до времени пробѣгали чрезъ терасу темныя облака дыма и, затемняя глаза, еще усиливали окружавшіе ужасы. Клокотаніе пламени, трескъ и шумъ его страшно перемѣшивались съ щелканьемъ сухихъ вѣтокъ и по временамъ съ громовымъ звукомъ падавшаго дерева, и тѣмъ еще сильнѣе возбуждался страхъ несчастныхъ, которые, казались, обречены были на гибель. Елисавета оставила всякую надежду на спасеніе и ожидала исхода трагическаго зрѣлища съ рѣшительнымъ спокойствіемъ; между тѣмъ какъ Чингахгокъ, хотя опасность прежде всего угрожала ему, продолжалъ сидѣть на своемъ мѣстѣ съ невозмутимымъ, спокойствіемъ индѣйца. Нѣсколько разъ глаза его обращались на молодую пару, которая, казалось, осуждена была на столь раннюю смерть, и тогда въ глубокихъ чертахъ его появлялась слабая тѣнь состраданія, но потомъ онъ снова смотрѣлъ пристальнымъ взоромъ на отдаленныя горы, и при этомъ гортанными звуками своего народа пѣлъ делаварскую погребальную пѣснь.

— Эдвардъ, прошептала Елисавета, постарайтесь уговорить Чингахгока приблизиться къ намъ, дабы по крайней мѣрѣ умереть вмѣстѣ.

— Нѣтъ, онъ не тронется съ мѣста, такъ же тихо отвѣчалъ Эдвардъ. — Онъ хочетъ умереть, и считаетъ эту минуту самою счастливою во всей жизни. Семьдесятъ лѣтъ пронесли надъ его головой, и смерть для него ожидаемый другъ.

— Да онъ долженъ умереть и мы также, возразила Елисавета. — Богъ хочетъ этого, и наша обязанность повиноваться Его святой волѣ.

— Умереть! съ ужасомъ воскликнулъ Эдвардъ. — Нѣтъ, нѣтъ, еще должно быть спасеніе. Вы по крайней мѣрѣ не должны, не можете умереть.

— Кто же можетъ отклонить отъ меня эту участь? возразила Елисавета, спокойно указывая на огонь: — Смотрите туда! Пламя пересилило уже сырой грунтъ и подвигается медленно, но съ страшной увѣренностью. А тамъ, дерево; оно уже охвачено огнемъ и ярко пылаетъ.

Елисавета говорила совершенную правду. Жаръ наконецъ взялъ верхъ надъ противустоявшимъ ему источникомъ, и огонь скользилъ медленно по полусухому мху, между тѣмъ какъ сгнившая сухая сосна, задѣтая распространявшимся пламенемъ, стояла вся въ огнѣ и пылала подобно огненной статуѣ. Огонь

переходилъ далѣе съ дерева на дерево и трагедія приближалась къ концу. Стволю, на которомъ сидѣлъ Чингахгокъ, горѣлъ уже съ одного конца, и старикъ казался совершенно окруженнымъ пламенемъ. При всемъ томъ ни одинъ мускуль его не шевельнулся: его обнаженное тѣло должно было выдерживать страшныя муки, но сила его воли превозмогла всякую боль. Посреди ужасовъ опустошенія еще слышался его голосъ.

Елисавета отвернулась отъ такого ужаснаго зрѣлища и смотрѣла внизъ на долину. Въ эту минуту порывъ вѣтра разогналъ облака дыма, закрывавшаго до того времени видъ на долину, и она увидѣла у ногъ своихъ мирную деревню.

— Отецъ! отецъ! закричала Елисавета. — О, для чего это испытаніе не могло миновать меня! Но пусть будетъ воля Божія, я подчиняюсь Его рѣшеніямъ.

Разстояніе было не столь велико, чтобъ нельзя было замѣтить судью Темпля, который, не подозрѣвая судьбы своей дочери, смотрѣлъ на пылающую гору. Видъ его былъ для Елисаветы еще тягостнѣе близкой опасности, и она отвернулась къ горѣ.

— Моя несчастная горячность всему виною! воскликнулъ Эдвардъ съ ожесточеніемъ.

— О нѣтъ! не говорите объ этомъ, сказала Елисавета. — Мы должны умереть, а если должны, то умремъ какъ христіане. Но нѣтъ, быть не можетъ! хотя вы спасетесь. Ваша одежда не препятствуетъ вамъ подобно моей. Бѣгите! оставьте меня! Спѣшите къ моему отцу и скажите ему все, что можетъ утѣшить и успокоить его въ горѣ. Скажите ему, что я умерла спокойно и съ присутствіемъ духа, и что мы увидимся съ нимъ въ лучшемъ мѣрѣ! Скажите ему, прибавила она прерывающимся голосомъ, какъ сильна и невыразима была любовь моя къ нему!

— Мнѣ оставить васъ? спросилъ Эдвардъ: — нѣтъ, миссъ Темплъ, вы меня мало знаете: я умру вмѣстѣ съ вами, но не покину васъ.

Онъ опустился къ ея ногамъ и ухватился за развѣвавшуюся одежду ея. Елисавета стояла неподвижно, забывъ все земное; воспоминанія объ отцѣ и о горести разставанья умѣрились святымъ чувствомъ, и слабость ея уступила мысли о Божествѣ и будущей жизни. Внезапно она встрепенулась, услыхавъ знакомый голосъ, котораго слова проникли до глубины души ея.

— Гдѣ ты, Елисавета? Обрадуй старика, если ты еще въ живыхъ.

— Это Кожаный-Чулокъ! воскликнула Елисавета: — Слышишь, онъ зоветъ меня.

— Да, это онъ! радостно вскричалъ Эдвардъ: — Теперь есть еще надежда на спасеніе.

Въ эту самую минуту раздался страшный взрывъ и вслѣдъ за тѣмъ послышался тотъ же голосъ:

— Это порохъ! О, Боже! бѣдное дитя погибло! Вслѣдъ затѣмъ Натти показался со стороны источника и его увидали съ террасы. Онъ былъ безъ шапки съ опаленными волосами и платьемъ, и лицо, его отъ жара казалось еще смуглѣе.

— Наконецъ нашель я васъ! радостно воскликнулъ онъ, пробиваясь сквозь огонь и дымъ:— Благодареніе Всевышнему! Идите скорѣе за мною! Медлить опасно!

— Но мое платье! возразила Елисавета: — Я не могу въ немъ приблизиться къ огню.

— Я уже объ этомъ подумалъ, сказалъ Натти, развертывая большое кожаное покрывало, которое держал на рукѣ, и, завернувъ въ него дѣвушку, продолжалъ: — Теперь слѣдуйте за мною, — дѣло идетъ о жизни или смерти всѣхъ насъ.

— Но Чингахгокъ? Что съ нимъ будетъ? воскликнулъ Эдвардъ: — Развѣ ты можешь оставить стараго воина на вѣрную смерть?

Натти оглянулся и увидаль индѣйца, сидѣвшаго такъ же спокойно, какъ и прежде, хотя мохъ подъ его ногами началъ уже горѣть. Не медля, бросился онъ къ нему и сказалъ на языкѣ Делаваровъ:

— Чингахгокъ, вставай и пойдемъ! Развѣ ты хочешь сгорѣть здѣсь? Боже мой! порохъ при взрывѣ опалилъ ему всю спину. Чингахгокъ! хочешь идти съ нами, спрашиваю тебя?

— Для чего Чингахгоку идти? сухо возразилъ онъ: — Онъ былъ орель, но глазъ его помутился. Онъ глядитъ внизъ на долину, смотреть въ воду и ищетъ лучшаго міра, но нигдѣ не видитъ онъ Делавара. Предки мои зовутъ изъ дальнихъ странъ: иди. Моя жена, мой сынъ, мое племя, мои молодые воины, — все зоветъ: иди! Великій духъ говоритъ: иди. Оставьте Чингахгока умереть.

— Но, Чингахгокъ, ты забываешь своего стараго друга, сказалъ Эдвардъ.

— Ни къ чему не ведетъ говорить съ индѣйцемъ когда смерть предъ его глазами, сказалъ Натти, схвативъ концы покрывала и съ удивительною ловкостью привязывая страдающаго старика себѣ на спину. Потомъ онъ обернулся, и съ силою, преодолевавшею всѣ препятствія, пошелъ впередъ по тому направленію, откуда пришелъ. Едва всѣ покинули террасу, какъ сгнившее горящее дерево свалилось на то самое мѣсто, гдѣ они только-что стояли, и воздухъ наполнился вокругъ искрами и пылавшими головешками. Это событіе болѣе всего ускорило шаги бѣгущихъ, которые съ необходимою при такихъ обстоятельствахъ торопливостію слѣдовали за шедшимъ впередъ Натти.

— Ступайте только постоянно на мягкій грунтъ, сказалъ онъ, когда они до того были окружены дымовыми облаками, что едва на одинъ шагъ могли видѣть передъ собою. Ищите внимательно мягкій грунтъ и идите впередъ по бѣлому дыму. Держи плащъ плотно кругомъ ея, мой другъ. Дѣвушка такой

кладъ, что втораго подобнаго не найдешь. Исполняя указанія стараго охотника, молодые люди слѣдовали въ точности по его пятамъ. Хотя узкая тропинка, образуемая извилинами источника, вела между горѣвшими стволами и падавшими сучьями, однако они благополучно вышли на дорогу. Только человѣкъ, отъ долгой привычки къ лѣсамъ и ихъ особенностямъ, вполнѣ знакомый съ ними, способенъ былъ найти настоящее направленіе среди такого дыма, который лишаль возможности дышать и дѣлалъ глаза совершенно бесполезными. Опытность Натти была весьма достаточна, и онъ привелъ своихъ спутниковъ къ отверстию въ скалѣ, откуда они безъ особеннаго труда достигли другой террасы и могли дохнуть сравнительно чистымъ воздухомъ.

Здѣсь Натти разсказаль, что внизу горы встрѣтилъ Луизу и узналъ отъ нея, въ какой опасности должна находиться Елисавета. Онъ поспѣшилъ для спасенія ея наверхъ, наказавъ предварительно дѣвушкѣ, чтобъ она поспѣшила въ деревню и подняла тревогу, дабы соединенными силами жителей попытаться уничтожить огонь.

Легко понять чувства Елисаветы и Эдвардса, когда они достигли безопаснаго убѣжища, но трудно описать ихъ. Никто впрочемъ не былъ въ большемъ восторгѣ какъ Кожаный-Чулокъ, который, все еще держа на спинѣ Чингахгока, обернулся и сказаль съ своимъ тихимъ смѣхомъ:

— Да, да, я зналъ, что это французскій порохъ, ибо онъ вспыхнулъ весь разомъ, между тѣмъ какъ грубый порохъ обыкновенно нѣсколько минутъ тлѣеть. У Ирокезовъ былъ не лучший порохъ, когда я ходилъ противъ нихъ въ послѣднюю войну. Я уже разсказывалъ вамъ эту исторію, то есть...

— Ради Бога, Натти, не разсказывай мнѣ ничего, пока ты не будешь совершенно въ безопасности. Куда теперь идти?

— Конечно, туда, на эту платформу надъ пещерой. Тамъ мы будемъ достаточно безопасны и даже можемъ войти въ пещеру, если намъ вздумается.

Молодой человѣкъ встрепенулся со страхомъ и на лицѣ его тотчасъ выказалось сильное внутреннее волненіе.

— Мы будемъ безопасны на скалѣ? поспѣшно спросилъ онъ: — Не грозитъ намъ уже тамъ ни малѣйшей опасности?

— Развѣ ты не видишь? возразилъ Натти съ спокойствіемъ человѣка, привыкшаго къ большимъ опасностямъ, чѣмъ перенесенная ими: — Что, нѣтъ у тебя глазъ? Еслибы промедлить тамъ еще минутъ десять, то вы погибли бы и обратились бы уже въ пепель; здѣсь же вы можете оставаться до другаго дня, увѣренные, что не тронется ни одинъ волосъ на головахъ вашихъ. Нужно было бы, чтобы скала эта загорѣлась какъ дерево! Послѣ этихъ словъ, всѣ пошли къ указанному мѣсту, гдѣ Натти спустилъ свою ношу, тихо опустивъ старика на землю и прислонивъ его спиною къ скалѣ. Затѣмъ Эдвардъ подошелъ къ краю скалы и увидалъ Веніамина Пумпа, котораго голосъ поднялся вскорѣ кверху какъ бы изъ внутренности земли.

— Принесите сюда стаканъ свѣжей воды съ виномъ, приказаль ему молодой человѣкъ и потомъ заботливо поддержаль свою спутницу, которая, подъ гнетомъ своихъ ощущеній, была близка къ обмороку. Дворецкій тотчасъ явился съ подкрѣпительнымъ напиткомъ, который Эдвардъ передалъ Елисаветѣ, видимо подкрѣпившей этимъ свои силы. Потомъ онъ обратился къ Натти и увидѣлъ его занятымъ возлѣ Чингахгока. Взоры стараго охотника и его встрѣтились.

— Съ нимъ все кончено, печально сказаль Натти — Время его пришло, какъ я вижу по глазамъ его. Когда взоръ индійца постоянно устремляется на одинъ пунктъ, то говоритъ этимъ, что думаетъ отправиться по этому направленію. Что такой упрямецъ разъ вобьетъ въ голову, то и приводитъ непремѣнно въ исполненіе.

Старый охотникъ съ грустью покачалъ головою.

— Но развѣ онъ на столько обгорѣлъ, что нельзя спасти его? спросилъ Эдвардъ.

— Ахъ, это не огонь, который даетъ ему смертный толчекъ, отвѣчалъ Натти: — Натура его покоряется охотѣ, слишкомъ долго продолжавшейся. Человѣкъ не можетъ жить вѣчно, особенно если видить, что все, что онъ любилъ, покинуло его.

Въ это время Чингахгокъ обратилъ свое лицо къ Натти, потомъ снова обернулъ голову къ долину, и началъ пѣть делаварскую пѣсню. «Я иду! я иду! звучали слова его пѣнія: Я иду въ страну правыхъ! Я убилъ Мингосовъ, и великій духъ зоветъ своего воина! Я иду, иду въ страну правыхъ!»

— Что онъ говоритъ? спросилъ Эдвардъ.

— Онъ поеть о своей славѣ, возразилъ Натти, съ грустью отворачиваясь отъ своего умирающаго друга. Онъ имѣетъ на это право, ибо я слишкомъ хорошо знаю, что каждое слово его справедливо.

— Кто можетъ сказать, продолжалъ Чингахгокъ, чтобъ Мингосъ когда-нибудь видѣлъ мою спину? Развѣ Мингосъ пѣлъ пѣсню, когда Чингахгокъ его преслѣдовалъ? Случалось ли, чтобъ Чингахгокъ солгалъ въ чемъ-нибудь? Чингахгокъ любитъ правду, и ничего кромѣ правды не выходитъ изъ его рта! Въ молодости онъ былъ воиномъ, и мокасины его оставляли кровавые слѣды! Въ старости онъ былъ уменъ, и слова его не звучали напрасно при совѣщаніяхъ. Соколиный Глазъ, слушай слова твоего брата!

— Да, Змѣя, — возразилъ Кожаный-Чулокъ и, глубоко тронутый этимъ зовомъ, нагнулся надъ

своимъ другомъ: — да, мы были братья, и братья столь вѣрные, какъ будто дѣйствительно имѣли одного отца. Чего желаешь ты отъ меня, Чингахгокъ?

— Соколиный-Глазь, отцы мои зовутъ меня въ лучшей мірь. Дорога открыта и глаза Чингахгока снова молодѣютъ. Я гляжу вокругъ себя и не вижу ни одного блѣднолицаго, — тамъ только правые и красные индѣйцы. Соколиный-Глазь, прощай! Ты въ свое время съ молодымъ орломъ и отцомъ его отправишься на небо бѣлыхъ, меня же зовутъ на небо моихъ предковъ. Положи въ могилу Чингахгока ружье его, томагавкъ, трубку и поясъ, ибо какъ воинъ въ полѣ онъ встанетъ ночью и не долженъ терять времени на отыскиваніе своихъ вещей.

Кожаный-Чулокъ провелъ рукой по слезящимся глазамъ, и на каждомъ мускулѣ его честнаго, открытаго лица выразилось болѣзненное чувство послѣдняго прощанья съ старымъ другомъ. Но прежде чѣмъ онъ могъ отвѣчать, сила стихіи возбудила его вниманіе.

Именно въ это время собрались тяжелыя и темныя облака на горизонтѣ; и величественная тишина, царствовавшая въ воздухѣ, обнаружила перемѣну въ положеніе дѣла. Пламя, бушевавшее еще вдоль горы, уже не развивалось во всѣ стороны вѣтромъ, а подымалось прямо къ небу. Даже въ опустошительныхъ дѣйствіяхъ враждебной стихіи видно было такое спокойствіе, какъ будто она видѣла, что рука сильнѣе ея намѣрена положить предѣлъ ея успѣхамъ. Лежавшія надъ долиной массы дыма начали подниматься кверху и быстро разсѣялись, между тѣмъ какъ непрерывно слѣдовавшій одинъ за другимъ блескъ молніи освѣщала облака надъ горами, лежащими къ западу. Въ ту самую минуту какъ Кожаный-Чулокъ хотѣлъ отвѣчать, пронеслась по темному мѣсту огненная стрѣла и вслѣдъ за ней раздался громовый ударъ, тяжело и сильно прокатившійся по горамъ, такъ что земля содрогнулась въ своемъ основаніи. Чингахгокъ всталъ, какъ будто громъ служилъ ему призывомъ, такъ что протянулъ свои худыя руки къ западу. Лицо его освѣтилось радостнымъ взглядомъ, который, впрочемъ скоро смѣнился невыразимой тупостью. Потомъ мускулы его ослабли, губы слегка подернулись; онъ упалъ на задъ, руки его опустились — и Чингахгока не стало. Тѣло стараго воина прислонилось къ стѣнѣ, глаза его остались открытыми и, казалось, глядѣли на отдаленныя горы, какъ бы посылая имъ послѣднее, прощальное привѣтствіе.

Съ содраганіемъ приблизился Кожаный-Чулокъ къ своему скончавшемуся другу, схватилъ его руку и нѣсколько времени съ нѣмою грустью смотрѣлъ на блѣдное лицо его, потомъ далъ волю своимъ чувствамъ, и сказалъ болѣзненнымъ голосомъ:

— Бѣлый или краснокожій, — все теперь кончено! Онъ найдетъ справедливаго судью, который не заботится о законахъ, порожденныхъ человѣческимъ умомъ. Теперь умеръ лучший другъ мой, и свѣтъ кажется мнѣ, старику, печальнымъ, пустыннымъ и бесплоднымъ. Трудно мнѣ будетъ найти еще одну личность, съ которой я былъ близокъ въ молодости. Ахъ, Чингахгокъ! вѣрный, лучший, единственный другъ, зачѣмъ оставилъ ты меня?

Пошелъ крупный дождь и омочилъ сухую скалу, между тѣмъ какъ гроза разразилась тяжело и съ необычайною быстротою. Трупъ Чингахгока поспѣшно снесли въ пещеру, и собаки Натти, поднявъ хвосты, послѣдовали за нимъ, лишеныя дружескаго взгляда, которымъ Чингахгокъ обыкновенно отвѣчалъ на ихъ ласки.

Остальные искали убѣжища отъ ливня подъ нависшей скалой; но прежде чѣмъ гроза кончилась, снизу послышались голоса, громко звавшіе Елисавету, и чрезъ нѣсколько времени, показались люди, осторожно пробиравшіеся чрезъ не совсѣмъ еще погаснувшее пожарище. Когда дождь перестал, то Оливеръ повелъ Елисавету къ дорогѣ, гдѣ и разстался съ ней. Прощаясь онъ сказалъ ей:

«Миссъ Темплъ! настала минута, когда я оставляю окружающую меня тайну. Это случится завтра. Да сохранить васъ Богъ до того времени!»

Обернувшись онъ поспѣшилъ назадъ въ лѣсъ, а Елисавета спустилась съ горы и чрезъ нѣсколько минутъ лежала въ объятіяхъ измученнаго страхомъ отца своего. Опираясь на его руку и полная радостныхъ ощущеній, вернулась она домой.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Сильный ливень, продолжавшійся цѣлый день, препятствовалъ распространенію огня въ значительной степени и хотя виднѣлись еще горящія мѣста, но къ утру на нѣсколько миль вокругъ лѣса все было черно и дымилось, и это служило вѣрнымъ признакомъ, что опасность миновалась.

Вообще волненіе стихло, и народъ сталъ думать о томъ, какъ бы снова завладѣть бѣглецами, ибо упомянутые выше фальшивыя монетчики воспользовались обстоятельствами и искали спасенія въ бѣгствѣ. Къ тому же, разнесся слухъ, что Эдвардъ и Натти подожгли лѣсъ и потому должны были нести отвѣтственность за всѣ убытки. Эта глупость, распространенная преимущественно тѣми, неосторожность которыхъ была всему причиною, нашла однако вѣрившихъ ей, и стало единодушнымъ мнѣніемъ, что необходимо попытаться привлечь къ отвѣту преступниковъ. Шерифъ Ричардъ Джонсъ при такомъ волненіи не остался въ бездѣйствіи, и даже въ тотъ же день приступилъ къ исполненію обязанностей своего званія.

Выбрано было нѣсколько сильныхъ молодыхъ людей, и шерифъ скрытно отозвалъ ихъ въ сторону, чтобы дать имъ различныя смутныя приказанія, вслѣдствіе чего они озабоченно поспѣшили въ горы, какъ будто на нихъ возложены были важнѣйшія государственныя дѣла.

Затѣмъ Ричардъ потребовалъ отрядъ волонтеровъ, состоявшій едва изъ 25 солдатъ, не считая барабанщика, съ ожесточеніемъ колотившаго по своему барабану. Отрядъ этотъ былъ подъ начальствомъ человѣка, который провелъ въ полѣ болѣе 30 лѣтъ своей жизни, и теперь былъ хозяиномъ и владѣльцемъ прекрасной гостинницы Темпльтона «Къ смѣлому драгуну». Не смотря на возраженія жены своей, достойной госпожи Голлистеръ, онъ сталъ во главѣ отряда и въ два часа маршировалъ къ горѣ, сопровождаемый шерифомъ и Долитлемъ, который однако благоразумно держался въ аррьергардѣ. Посланные впередъ молодые люди, на которыхъ возложено было дѣло лазутчиковъ, вернулись и принесли извѣстіе, что бѣглецы, вѣроятно, узнали о предполагаемой атакѣ, но ни мало не думая объ отступленіи, заняли, напротивъ, укрѣпленныя пещеры для упорнаго сопротивленія. Эти вѣсти обнаружили не только планы предводителей, но и лица доселѣ храбрыхъ и жаждавшихъ боя солдатъ. Воины стали кидать кругомъ внимательные и боязливые взгляды, а шерифъ отозвалъ Долитля въ сторону, чтобы посоветоваться съ нимъ.

Таково было положеніе дѣлъ, когда Билли Кирби впереди своей запряжки показался на улицѣ. Шерифъ, понимая, какъ важно было для его военной силы такое подкрѣпленіе, тотчасъ подозвалъ его и пригласилъ оказать содѣйствіе распоряженіямъ правосудія.

Билли не уклонился послѣдовать этому приглашенію и тотчасъ было рѣшено, что прежде нежели приступить къ серьезному нападенію, онъ долженъ пригласить защитниковъ пещеры къ добровольной сдачѣ. Войско раздѣлилось и съ двухъ сторонъ приближалось къ пещерѣ; Ричардъ Джонсъ остановился на платформѣ непосредственно надъ осажденными, а Гирамъ Долитль, считавшій такую близость къ нимъ опасною, пошелъ съ Билли Кирби по горѣ, пока могъ найти за деревомъ убѣжище въ безопасномъ разстояніи отъ укрѣпленія. Солдаты тоже попрятались, чтобы скрыться отъ пуль Кожанаго-Чулка, и такимъ образомъ два единственные противника, представлявшіеся глазамъ осажденныхъ, были капитанъ Голлистеръ съ одной и Билли Кирби съ другой стороны. Старый ветеранъ стоялъ на первомъ планѣ съ поднятымъ мечемъ, и смѣло смотрѣлъ на непріятеля, между тѣмъ какъ Билли Кирби подвигался впередъ совершенно спокойно, руки въ карманахъ и съ топоромъ подъ мышкой. До сихъ поръ между противными сторонами не было произнесено ни словечка. Осажденные собрали кучу обгорѣлыхъ деревьевъ и сучьевъ и образовали изъ нихъ родъ вала, въ которомъ предъ входомъ сдѣлано было небольшое круглое отверстіе. Такъ какъ грунтъ во всѣ направленія былъ крутъ, отлогъ и скользокъ, и съ одной стороны за валомъ стоялъ Веньяминъ, а съ другой Натти, то такія мѣры для защиты имѣли немаловажное значеніе, такъ какъ и безъ того передняя сторона была достаточно защищена трудно-доступнымъ своимъ положеніемъ.

Кирби, между тѣмъ, слѣдовалъ даннымъ ему приказаніямъ и карабкался спокойно наверхъ, какъ будто идя на обыкновенную свою работу. Когда онъ приблизился на разстояніе ста футовъ отъ укрѣпленія, то увидалъ длинное ружье Кожанаго-Чулка и услышалъ слова его:

— Назадъ, Билли, назадъ! Я не хотѣлъ бы дѣлать вамъ вреда; но если одинъ изъ васъ ступитъ еще шагъ, то польется кровь.

— Ахъ, старина, равнодушно возразилъ Билли; не будьте такъ упрямы, и послушайте, что хотятъ вамъ сказать. Все это дѣло не касается меня, и я хочу только смотрѣть, чтобы все шло какъ слѣдуетъ. Гирамъ Долитль, стоящій тамъ за деревомъ, просилъ меня пойти и пригласить васъ повиноваться закону, — вотъ и все.

— Да, да, я вижу этого негодяя, вижу его одежду, съ ожесточеніемъ воскликнулъ Натти. Пусть онъ бережется! Если онъ только покажетъ дюймъ своего тѣла, то почувствуетъ руку и пулю мою, такъ что во всю жизнь не забудетъ. Убирайтесь, Билли, у меня къ вамъ нѣтъ злобы, но вы знаете, какъ я стрѣляю.

— Вы слишкомъ самоувѣренны, — сказала Билли, поспѣшно становясь за стволъ сосны, — если надѣетесь попасть въ человѣка сквозь дерево, толщиной въ три фута. Я могу свалить вамъ на голову это дерево чрезъ десять минутъ, и потому совѣтую вамъ быть повѣжливѣе. Я не хочу ничего, кромѣ справедливости.

Черты лица Кожанаго-Чулка подернулись облакомъ, и видно было, что онъ принималъ все дѣло весьма серьезно, хотя въ то же время казалось очевиднымъ, что онъ неохотно пролилъ бы человѣческую кровь.

— Билли, отвѣчалъ онъ, я знаю, что вы можете свалить это дерево и сдержать свое слово, но если при этой работѣ вы покажете свою руку, то придется лечить кость и останавливать кровь. Если вы ничего болѣе не желаете какъ войти въ пещеру, то подождите часа два, и входъ не будетъ вамъ воспрещенъ, но теперь это невозможно! Если вы теперь захотите войти, то будетъ смерть.

Безстрашно выступилъ при этихъ словахъ Билли изъ-за дерева и сказалъ:

— Это благородно сказано, и что честно, то должно быть и справедливо. Онъ требуетъ, чтобы вы подождали еще два часа, и въ этомъ нѣтъ ничего неподходящаго.

Отсрочка эта однако не согласовалась съ нетерпѣніемъ шерифа.

— Я приказываю вамъ, Натаніель Бумпо, закричалъ онъ,—подчиниться закону, а вамъ, господа, приказываю содѣйствовать мнѣ въ исполненіи моихъ обязанностей. Веньяминъ Пенгильямъ, сдавайтесь!

— Сдайтесь, Веньяминъ! прорычалъ также капитанъ Голлистеръ; сдайтесь, или не ждите никакой пощады.

— Къ чорту съ вашей пощадой! возразилъ Веньяминъ. Подойдите, если смѣете.

— Веньяминъ, сказал шерифъ, я вамъ даю еще минуту на размышленіе; подумайте, что вы дѣлаете?

— Господинъ шерифъ! возразилъ Натти, — ваши приглашенія ни къ чему не ведутъ. Я вамъ только говорю, что у насъ въ пещерѣ довольно пороху, чтобы взорвать на воздухъ скалу, на которой вы стоите, и я не пожалѣю своей крыши, если вы насъ не оставите въ покоѣ.

При этой угрозѣ шерифъ такъ поспѣшно отступилъ, что капитанъ Голлистеръ счелъ его быстроту за знакъ къ наступленію и тотчасъ приступилъ къ дѣлу.

— Въ штыки! прокричалъ онъ; впередъ! Голлистеръ бросился впередъ и направилъ страшный ударъ на Веньямина, который однако отпарировалъ его выстрѣлившимъ въ то же время ружьемъ, и, вскарабкавшись наверхъ, старался удержаться на подъемѣ. Когда это удалось ему, то онъ замахалъ саблею и крикнулъ:

— Побѣда! укрѣпленіе наше! Впередъ! впередъ! Но голосъ его раздавался напрасно, ибо пока онъ, какъ храбрый предводитель, производилъ нападеніе, весь отрядъ его разсѣялся при выстрѣлѣ Веньямина и неудержимо бросился бѣжать къ деревнѣ.

Натти между тѣмъ наскочилъ на капитана, схватилъ его за грудь и перебросилъ его назадъ изъ своихъ укрѣпленій. Храбрый капитанъ упалъ на спускѣ крутой горы, не могъ удержаться въ своемъ замѣшательствѣ и скатился по всей горѣ внизъ, гдѣ, къ немалому своему удивленію, очутился у ногъ своей дражайшей половины.

Пока онъ подымался медленно и совершенно растерянный, борьба наверху завязалась сильнѣе прежняго. Когда Натти увидѣлъ, что врагъ его, какъ выражался Веньяминъ Пумпъ, отступалъ на всѣхъ парусахъ, онъ снова обратилъ вниманіе свое на прочихъ осаждающихъ. Для Билли было бы легкимъ дѣломъ воспользоваться замѣшательствомъ для овладѣнія укрѣпленіемъ, но такое враждебное дѣйствіе, казалось, не приходило въ голову порубщику, ибо онъ радовался и громко хохоталъ, когда капитанъ совершалъ свое быстрое путешествіе внизъ. Совершенно забывшись въ своей веселости, онъ наконецъ совсѣмъ усѣлся на землю, топалъ ногами отъ внутренняго удовольствія и заливался громкимъ хохотомъ. Это возбудило въ Долитлѣ любопытство, и онъ попытался выйти изъ за дерева, чтобы ближе осмотрѣть подробности сраженія. Онъ сдѣлалъ это осторожно, но не съ должною осмотрительностію, и когда нѣсколько показалась задняя часть его тѣла, то ружье Натти быстро направилось на нее. Лишь только раздался выстрѣлъ, какъ Гирамъ громко вскрикнулъ, прошелъ нѣсколько шаговъ впередъ и, рыча отъ злобы, упалъ на землю, между тѣмъ какъ на одеждѣ его показалась кровь. Натти принявъ всю свою ловкость, нанесъ ему чувствительную, но отнюдь не опасную рану, въ наказаніе за всю его злость.

Крики Долитля до того возбудили мужество остатковъ отряда, что они быстро двинулись впередъ, и Билли имѣлъ уже намѣреніе взлѣзть на валь, какъ вдругъ совершенно неожиданно появился судья Темплъ и положилъ конецъ всей шуткѣ, которая грозила сдѣлаться опасною.

— Тишина и миръ! вскричалъ онъ. — Для чего проливать здѣсь кровь? Развѣ законъ не довольно силенъ, чтобы могъ самъ защищать себя, вмѣсто того, чтобы вооружались какъ въ военное время.

— Это народное сборище, это... — воскликнулъ шерифъ съ отдаленной скалы.

— Э, что за вздоръ! скажите лучше чортово сборище, перебилъ его судья. — Приказываю мириться.

— Стой! не нужно болѣе кровопролитія! воскликнулъ голосъ съ вершины горы: — Не стрѣляйте; мы сдаемся и дозволяемъ вамъ войти въ пещеру.

Общее удивленіе при такихъ словахъ удержало продолженіе непріязненныхъ дѣйствій. Натти снова зарядившій уже ружье свое, спокойно усѣлся на древесный стволъ, а враги съ нетерпѣніемъ ожидали исхода этихъ обстоятельствъ. Эдвардъ и нѣмецкій маіоръ Гартманъ сбѣжали съ горы внизъ, вошли въ пещеру, вернулись спустя нѣсколько минутъ и вынесли на простомъ, покрытомъ оленьей кожей, стулѣ, старца, котораго они заботливо и почтительно спустили на землю среди всего собранія. Голова его покрыта была мягкими серебристыми локонами, одежда состояла изъ богатой, хотя и нѣсколько поношенной матеріи, а ноги обуты были въ столь прекрасные мокассыны, какіе только можетъ сдѣлать искусная рука индѣйца. Черты его были серьезны и полны достоинства, но лишены выраженія глаза его показывали, что умъ его ослабѣлъ и сдѣлался отъ старости дѣтскимъ.

Натти сталъ за стуломъ достойнаго старца, а маіоръ Гартманъ около него. Эдвардъ заключилъ старца въ свои объятія.

— Кто этотъ человѣкъ? спросилъ Мармадукъ Темплъ, пока старецъ смотрѣлъ вокругъ бессмысленными глазами.

— Этотъ человѣкъ, сказала Эдвардъ, котораго вы теперь видите слабымъ и немощнымъ, былъ одно время вѣрнымъ слугою короля и столь безстрашнымъ воиномъ, что жители страны дали ему прозвище Огнеѣда. Этотъ человѣкъ... этотъ человѣкъ, котораго вы видите предъ собою безъ крова, былъ обладателемъ

большихъ богатствъ, и, кромѣ того, законнымъ владѣтелемъ той почвы, на которой мы теперь стоимъ. Онъ былъ отецъ...

— Какъ! прервалъ судья:—это маіоръ Эффингамъ, котораго считали пропавшимъ?

— Да, это онъ! возразилъ молодой человѣкъ, смотря на судью своимъ испытующимъ взоромъ.

— А вы, вы? продолжалъ съ запинкой судья.

— Я? Я внукъ его.

За этими словами послѣдовало глубокое молчаніе. Наконецъ, судья поднялъ голову, схватилъ руку юноши и, заливаясь слезами, сказалъ съ чувствомъ:

— Оливеръ, я прощаю тебѣ всю рѣзкость твою, все неудовольствіе, но не прощаю тебѣ того, что ты оставлялъ въ нуждѣ этого бѣднаго старца, когда мой домъ и все мое имущество къ его услугамъ.

— Онъ крѣпокъ какъ сталь! воскликнулъ старый маіоръ: — развѣ я не говорилъ тебѣ, что Мармадукъ Темплъ не покинетъ друга въ несчастіи.

— Да, сознаюсь, господинъ судья, что маіоръ Гартманъ недавно еще рассказывалъ мнѣ о васъ многое, что поколебало мое о васъ мнѣніе. Онъ старый товарищъ моего дѣда и другъ вашъ, и если все, что онъ говорилъ мнѣ, правда, то отецъ мой и я рѣзко судили о васъ.

— Вы говорите о вашемъ отцѣ! Живъ онъ еще? Я слышалъ, будто онъ понесъ несчастье на своемъ пакетботѣ? возразилъ Мармадукъ.

— Вы слышали правду. Онъ оставилъ меня въ Америкѣ бѣднымъ, чтобы добиться отъ англійскаго правительства за потери свои вознагражденія, которое и получилъ въ Лондонѣ. Послѣ долгаго отсутствія онъ вернулся ко мнѣ и моему дѣду и хотѣлъ взять насъ съ собою въ Вестъ-Индію, гдѣ ему предложено было мѣсто градоначальника.

— А что дальше? живо спросилъ Мармадукъ. — Я и тебя считалъ въ несчастіи.

Молодой человѣкъ указалъ на окружавшую толпу и далъ этимъ понять, что не можетъ продолжать въ присутствіи ея. Немедленно пришедшіе зрители отпущены были судьей, а Ричарда онъ попросилъ тотчасъ прислать наверхъ экипажъ. Затѣмъ Мармадукъ снова обратился къ Эдвардсу и спросилъ:

— Не лучше ли было бы, сынъ мой, унести твоего дѣда съ открытаго воздуха, пока пріѣдетъ карета?

— О, нѣтъ, возразилъ молодой человѣкъ, онъ привыкъ къ свѣжему воздуху и потому я не знаю, могу ли и долженъ ли я дозволить, чтобы онъ отправился въ домъ вашъ.

— Суди объ этомъ по собственному усмотрѣнію, сказалъ Темплъ. — Какъ тебѣ извѣстно, отецъ твой былъ другомъ моей юности и довѣрилъ мнѣ свое имущество. Онъ имѣлъ ко мнѣ столько довѣрія, что и не принялъ отъ меня расписки. Слыхалъ ты объ этомъ?

— Да слышалъ, отвѣчалъ Эдвардсъ или, скорѣе, Эдвардсъ Эффингамъ, какъ слѣдуетъ называть его съ этихъ поръ.

— Хорошо, продолжалъ Мармадукъ.—Отецъ твой и я имѣли различные взгляды на тогдашнее положеніе Америки. Если побѣда оставалась за американцами, то никто ничего не зналъ о своей будущности, и я имѣлъ случай оправдать довѣріе твоего отца; если напротивъ англичане оставались господами въ странѣ, то не могло представиться затрудненій возвратить имущество такому храброму и вѣрному подданному, какъ маіоръ Эффингамъ. Понимаешь?

— Конечно, но что же далѣе? отвѣчалъ молодой человѣкъ съ остаткомъ недовѣрія.

— Благоприятный для американцевъ исходъ борьбы извѣстенъ всѣмъ. Отецъ твой долженъ былъ бѣжать, и всѣ помѣстья его сдѣлались собственностію государства. Я купилъ ихъ, но только съ намѣреніемъ сохранять ихъ для законнаго владѣтеля. Тебѣ не можетъ быть безъизвѣстно, что непосредственно послѣ войны я посылалъ отцу твоему большія суммы денегъ?

— Да, вы дѣлали это, пока...

— Пока письма мои не стали возвращаться нераспечатанными. Отецъ твой счелъ меня обманщикомъ и поступилъ необдуманно и слишкомъ торопливо. Быть можетъ, была и моя вина; но, конечно, для меня послужило горькимъ испытаніемъ, что человѣкъ, котораго я любилъ болѣе всего на свѣтѣ, думалъ обо мнѣ дурно въ теченіе семи лѣтъ, единственно чтобы оставить мнѣ возможность честнаго возврата всего въ извѣстное время. Еслибъ, впрочемъ, отецъ твой прочиталъ мои послѣднія письма, то онъ довольно рано узналъ бы всю правду. Тѣмъ не менѣе, онъ умеръ раньше, чѣмъ узналъ все, ибо я послалъ въ Англію нарочнаго, который долженъ былъ объяснить ему настоящее положеніе дѣлъ. Онъ умеръ моимъ другомъ, а я считалъ тебя также въ несчастіи. Еслибъ онъ прожилъ еще немного, то я передалъ бы ему всѣ помѣстья, считавшіяся моими. Ранѣе я не смѣлъ этого сдѣлать, ибо американское правительство воспротивилось бы тому.

— А почему?

— Потому, что отецъ твой былъ извѣстенъ какъ приверженецъ англичанъ. Этого основанія было достаточно, чтобы разстроить всякіе подобные планы. Но что же было съ тобой послѣ смерти твоего отца?

— Я съ дѣдомъ отправился сюда, чтобы, по крайней мѣрѣ, жить вблизи тѣхъ земель, которые могъ считать своими. Въ первый же день моего прибытія я познакомился съ Кожанымъ-Чулкомъ, который одно время сражался подъ знаменами моего дѣда; я сообщилъ ему мое затруднительное положеніе и принять

былъ въ его хижину. Имущества у меня не было; а чтобъ поддержать жизнь моего дѣда, я купилъ на послѣднія деньги ружье, сдѣлалъ себѣ грубую одежду и, подъ руководствомъ Натти, сдѣлался охотникомъ. Остальное вы знаете.

— Но зачѣмъ же ты откровенно не сказалъ мнѣ всего? спросилъ Мармадукъ съ упрекомъ:—Я съ радостію принялъ бы тебя и передалъ бы тебѣ доходы всего помѣстья.

— Я имѣлъ къ вамъ слишкомъ много недоувѣрія и приписывалъ вамъ дурныя намѣренія, возразилъ Эдуардъ. — При томъ же у меня было слишкомъ много гордости, чтобъ обнаружить наше несчастье.

Разговоръ продолжался до тѣхъ поръ, пока пріѣхала заказанная карета. Въ это время нерасположеніе Эдуардса къ судѣе уже значительно ослабѣло, и онъ не могъ ничего возразить противъ того, чтобъ дѣдъ его перевезенъ былъ въ домъ Темпля. Слабый старикъ безъ сопротивленія позволилъ дѣлать съ собою все и остальные послѣдовали за нимъ въ господскій домъ, гдѣ Натти занялъ мѣсто возлѣ него, пока Эдуардсъ послѣдовалъ за судѣею въ его рабочую комнату, гдѣ послѣдній окончательно убѣдилъ его въ своей невинности, давъ ему прочитать свое завѣщаніе. Оно ясно, положительно и твердо упоминало о его связи съ полковникомъ Эффингамомъ, отцомъ Эдуардса, излагало сущность этой связи и обстоятельства, раздѣлившія обоихъ друзей. Потомъ означены были подробно тѣ суммы, которыя Эффингамъ довѣрилъ своему другу, и наконецъ была статья, опредѣлявшая равный раздѣлъ всего оставленнаго. Одна часть по смерти судьи должна была перейти къ его дочери, а другая къ Эдуардсу и его потомкамъ. Пока молодой человѣкъ читалъ это несомнѣнное доказательство честности Мармадука и глаза его наполнились слезами, омраченный взглядъ его все еще смотрѣлъ на бумагу, когда нѣжный голосъ спросилъ его;

— Вы все еще сомнѣваетесь въ насъ, господинъ Эдуардсъ?

— Въ васъ, Елиза, я никогда не сомнѣвался, отвѣчалъ онъ, подымаясь и съ чувствомъ взявъ за руку молодую дѣвушку. — Вѣра моя въ васъ не колебалась ни одной минуты. Я убѣжденъ, что вы не знаете ничего о моихъ правахъ.

— А отецъ мой?

— Богъ да благословитъ его! Да проститъ онъ мнѣ мое оскорбительное и безосновательное недоувѣріе.

Сердечное объятіе судьи убѣдило молодаго человѣка, что ему простили то, что онъ сдѣлалъ по ошибкѣ, и всѣ, вполнѣ счастливые, вернулись къ старому, сѣдому дѣду Эффингаму.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе коихъ произошло нѣсколько важныхъ событій, о которыхъ мы не должны умолчать. Два важнѣйшія изъ нихъ были кончина маіора Эффингама и бракъ Оливера и Елисаветы. Послѣдній совершился въ первой половинѣ сентября, а смертный случай послѣдовалъ лишь нѣсколько дней спустя. Маіоръ угасалъ, какъ догоравшая свѣча, и хотя кончина его опечалила всю семью, но, при слабоумномъ положеніи старика, горе не могло быть продолжительно и сильно.

Мармадукъ горячо настаивалъ на исполненіи закона, и потому нашелъ очень натуральнымъ, что Натти и Веньяминъ на другой день послѣ лѣснаго пожара должны были идти въ тюрьму. Но такъ какъ они ежедневно навѣщаются членами семейства и снабжены съ излишкомъ всѣми удобствами, то спокойно и терпѣливо выдержали штрафной срокъ, который и не могъ быть поставленъ имъ въ укоръ. Когда они вышли изъ заключенія, то Гирамъ Долитль покинулъ деревню, чтобы устроить себѣ жилище въ другомъ мѣстѣ. Онъ этимъ не только избѣгалъ страшнаго для него Натти, но и освобождалъ себя отъ всеобщаго презрѣнія, которое преслѣдовало его съ того времени, какъ онъ выказалъ себя предателемъ въ отношеніи къ честному охотнику.

Въ одинъ изъ чудныхъ дней въ половинѣ октября мѣсяца, Оливеръ и Елисавета, гуляя, приблизились къ тому мѣсту, гдѣ прежде стояла хижина Натти Бумпа. Соръ былъ убранъ съ погорѣлаго мѣста, и оно обложено было прекраснымъ дерномъ и окружено стѣной; въ ней прорублена была небольшая дверь, къ которой, къ удивленію молодой четы, прислонено было ружье Натти, и собака его рядомъ отдыхала на камнѣ. Самъ Натти лежалъ растянувшись передъ камнемъ изъ бѣлаго мрамора и раздвигалъ руками высокую траву, чтобъ имѣть возможность внимательно разсмотрѣть надпись на камнѣ. Около простой плиты виднѣнъ былъ богатый памятникъ съ разными украшеніями.

Оливеръ и Елисавета такъ тихо подошли къ гробницѣ, что не были услышаны старымъ охотникомъ, который весь углубился въ свое занятіе. Нѣсколько времени они спокойно смотрѣли на него; наконецъ, Натти всталъ съ земли и громко сказалъ:

— Да, я думаю, все это будетъ хорошо и какъ слѣдуетъ. Не дурно, когда человѣкъ умѣетъ читать, ибо еслибъ я умѣлъ, то больше разумѣлъ бы въ этомъ дѣлѣ, которое теперь мало понимаю. Трубка, томагавкъ и мокассинъ, конечно, недурно исполнены. Еслибъ я только могъ прочесть надпись! Да, да, кто-то будетъ здѣсь, чтобъ предать кости мои землѣ, когда придетъ смертный часъ!

— Натти, у васъ никогда не будетъ недостатка въ друзьяхъ, которые окажутъ вамъ послѣдній долгъ, когда наступитъ эта неизбѣжная минута, сказалъ Оливеръ, глубоко тронутый мыслями стараго охотника.

Натти, быстро обернулся и провель рукою по лицу, какъ бы для того, чтобы стереть слѣды грусти.

— А! сказалъ онъ; не правда ли, дѣти, и вы хотите посѣтить эти гробницы. Да, это весьма назидательное зрѣлище для стараго и малаго.

— Вамъ нравится ваше устройство, Натти? спросилъ Оливеръ: — Вы имѣете болѣе другихъ права произнести объ этомъ ваше сужденіе.

— Дитя, мой вкусъ тутъ ни при чемъ, ибо я не особенно привыкъ къ виду чудныхъ гробницъ, возразилъ Натти. — Вы вѣдь велѣли положить маіора головою къ западу, а Чингахгока къ востоку?

— Да, все исполнено согласно вашему желанію.

— Ну, и прекрасно, возразилъ старый охотникъ. — Они были того мнѣнія, что на небѣ пойдутъ

разными путями, хотя всемогущій Богъ навѣрно со временемъ соединитъ добрыхъ и правыхъ изъ всѣхъ племень.

— Конечно; въ этомъ нельзя и сомнѣваться, сказала Елисавета. — Я твердо и несомнѣнно надѣюсь, что мы тамъ всѣ увидимся и будемъ счастливы вмѣстѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ, дитя мое? съ необыкновеннымъ чувствомъ вскричала Натти. — Ну, Чингахгокъ, такъ и мы разстались не навѣки, и въ этой мысли заключается удивительное утѣшеніе. Но прежде, чѣмъ я пойду, я хотѣлъ бы знать, что плита эта говоритъ о храбромъ начальникѣ Делаваровъ и о бравомъ полковникѣ Эффингамѣ. Прочтите мнѣ это Оливеръ.

Молодой человѣкъ тотчасъ подошелъ къ памятнику и прочелъ:

«Памяти Оливера Эффингама».

«Это былъ храбрый воинъ, вѣрный подданный и настоящій христіанинъ. Утро жизни его принесло ему почести, богатство и силу, но вечеръ смутился бѣдностію, недостаткомъ и болѣзнію, которая нѣсколько услаждалась вѣрною заботою стариннаго друга его, Натаніеля Бумпа.»

Кожаный-Чулокъ встрепенулся, услыжавъ свое имя, и радостная улыбка освѣтила его черты.

— Такъ это въ самомъ дѣлѣ тутъ сказано? живо спросилъ онъ: — Имя мое, имя стараго, честнаго человѣка стоитъ на этомъ камнѣ? Вотъ это дружеская мысль и тѣмъ сильнѣе услаждаетъ мою душу, чѣмъ ближе конецъ мой. Благодарю васъ, дѣти, и да благословитъ васъ за это Богъ.

Елисавета почувствовала, какъ слезы выступали изъ глазъ ея, а Эффингамъ, глубоко тронутый,

сказаль:

— Да, имя стоит тутъ на простомъ мраморѣ, но оно должно бы быть высѣчено золотыми буквами.

— Дитя, покажи мнѣ имя! сказаль Натти съ дѣтскимъ любопытствомъ. — Покажите мнѣ то мѣсто, гдѣ мнѣ старому оказана такая честь.

Эффингамъ схватилъ руку Натти, поставилъ его на означенное мѣсто, и онъ долго смотрѣлъ на него съ большимъ вниманіемъ. Потомъ отошелъ отъ гробницы и сказаль:

— Это, конечно, справедливо и вы оказали мнѣ большую радость, дѣти! Но, что же написано на гробу моего старого друга, Чингахгока?

«Здѣсь покоятся кость индѣйскаго главы изъ племени Делаваровъ, извѣстнаго подъ именемъ Чингахгока.»

— Пстой! Должно быть Чингахгока, — гахъ, что на нашемъ языкѣ значить большая змѣя. Имя надо исправить, ибо индѣйское имя всегда имѣеть глубокое значеніе.

— Ошибка исправится, Натти; послушайте дальше. «Онъ былъ послѣдній изъ своего народа и не могъ разстаться съ страной своихъ предковъ. Ошибки его были ошибки индѣйца, но добродѣтели — вѣрнаго человѣка.»

— Ахъ, Оливеръ, никогда вы не сказали болѣе справедливаго слова. Еслибъ только вы знали его въ молодости. Онъ былъ добръ, вѣренъ, храбръ и прямодушень. Но, все равно, время мое пришло, и мнѣ надо идти.

— Идти! съ удивленіемъ спросилъ Эдуардъ:—но куда же?

Кожаный-Чулокъ отвернулся, не отвѣчая, поднялъ съ земли большой узелъ и осторожно взбросилъ его на плечо.

— Вы хотите идти? сказала Елисавета, быстро подойдя къ Натти. — Вамъ болѣе не слѣдуетъ рисковать въ глубокіе лѣса — это положительно неблагоразумно. У него въ мысляхъ вѣрно идти на дальнюю охоту.

— Жена права, Натти, сказаль Эдуардъ: вѣдь вамъ нѣтъ надобности подвергаться утомленію. Бросьте вашъ узелъ и охотьтесь въ нашемъ сосѣдствѣ, если не можете спокойно оставаться дома.

— Утомленію? съ улыбкой возразилъ Натти. — Это удовольствіе блуждать по лѣсамъ, и даже лучшее, какимъ только я могу пользоваться на землѣ.

— Нѣтъ, вамъ уже нельзя совершать такія дальнія путешествія, сказала Елисавета настоятельно, тронувъ своею нѣжною рукою узелъ Натти. — Онъ хочетъ идти далеко, потому что я чувствую его походный скарбъ и запасную пороховницу. Онъ не долженъ уйти, Оливеръ! Мы должны удержать его! Вспомни только, какъ скоро умеръ отъ этого Чингахгокъ.

— Я зналъ очень хорошо, какъ тяжело разставаться, дѣти мои, сказаль Натти, качая головой, потому и хотѣлъ, взглянуть только еще разъ на эти гробницы и затѣмъ потихоньку уйти. Я думалъ, что вы не осудите этого, ибо сердце мое остается близъ васъ, хотя бы старое тѣло и блуждало по пустынѣ.

— Но куда же ты собственно хочешь идти? спросилъ Оливеръ, глубоко тронутый.

Старый охотникъ довѣрчиво приблизился и сказаль:

— Видишь, мой другъ, я слышал, что у большихъ озеръ на той сторонѣ есть лучшая охота и что тамъ можно блуждать долгое время, не встрѣтивъ ни одного бѣлаго. Мнѣ уже довольно этой жизни на открытыхъ мѣстахъ, и хотя я глубоко привязанъ къ вамъ, но все-таки меня что-то влечетъ въ лѣса.

— Но развѣ здѣсь не довольно лѣса? спросила Елисавета: — развѣ эти безконечныя рощи не лѣса?

— Ахъ, дитя мое, немного лѣса ничего не значить для человѣка, привыкшаго съ раннихъ лѣтъ къ пустынѣ. Какъ я могу назвать лѣсами нѣсколько деревъ. Хорошъ лѣсъ, гдѣ я каждый день выхожу на новыя поляны. Нѣтъ, я болѣе не могу выдержать съ тѣхъ поръ, какъ потерялъ моего вѣрнаго товарища Чингахгока.

— Все это такъ внезапно, сказала Елисавета съ чувствомъ. — Я думала, что вы навсегда будете жить съ нами и здѣсь умрете. Мы построимъ вамъ хижину, гдѣ вы пожелаете, но не слишкомъ далеко отъ насъ, чтобы мы отъ времени до времени могли видѣть, не терпите ли вы въ чемъ нужды.

— Не заботьтесь обо мнѣ, дѣти! возразилъ Натти.— Я въ рукахъ Бога, который все приводитъ къ благополучному окончанію. Меня трогаетъ ваше доброе намѣреніе, но нашъ образъ мыслей не сходится. Я люблю лѣса, вы же находите удовольствіе въ обществѣ людей. Каждое созданіе Божіе имѣеть свое назначеніе, и я созданъ для пустыни. Если вы меня любите, то пустите меня туда, куда влечетъ мое сердце.

Послѣ этихъ словъ молодые люди оставили всякую попытку удержать Натти. Елисавета плакала, а Оливеръ вынулъ свой бумажникъ и, взявъ изъ него пачку банковыхъ билетовъ, подалъ ее охотнику.

— Хорошо, сказаль онъ, такъ возьмите по крайней мѣрѣ это на дорогу и спрячьте хорошенько: въ часъ нужды это можетъ оказать вамъ хорошую услугу.

Натти взялъ билеты и сталъ разсматривать ихъ съ любопытствомъ.

— Такъ это обрачки новомодныхъ денегъ, которыя дѣлають теперь въ государствѣ? сказаль онъ.

— Это можетъ быть хорошо для того, кто умѣеть читать, но не для меня. Возьмите это назадъ, мой другъ, потому что мнѣ это не можетъ быть полезнымъ. Я купилъ у француза большой запасъ пороха, а свинца я достану вездѣ. Впрочемъ, мнѣ не нужно ничего, кромѣ пыжей, а для нихъ я взялъ дикой кожи. Елисавета,

дайте мнѣ поцѣловать васъ въ щеку и прощайте. Да будетъ надъ вами благословеніе Божіе!

— Натти, еще разъ прошу васъ, останьтесь у насъ! воскликнула Елисавета, глубоко тронутая: — Не уходите! Останьтесь хоть для меня! Судьба ваша будетъ для меня вѣчной и непрестанной заботой, и въ страшныхъ снахъ я всегда буду видѣть васъ въ борьбѣ съ опасными звѣрями, которыми вы будете умерщвляемы и раздираемы. Останьтесь Натти, если не для себя, то хоть для меня!

— Елисавета! такіе страшные сны не будутъ долго беспокоить васъ, и съ помощію Божіею скоро прекратятся, торжественно возразилъ старый охотникъ: — Положитесь только на Всевышняго и на вашего супруга, милое дитя, и тогда навѣрно мысль о старикѣ, каковъ я, не будетъ такъ болѣзненна. Я буду молиться, чтобъ не забылъ васъ Господь, царствующій какъ въ пустыняхъ, такъ и здѣсь; буду молиться, чтобъ Онъ руководилъ ваши шаги до великаго дня, когда бѣлые и краснокожіе встрѣтятся у его судилища, чтобъ получить справедливыя возмездія и наказанія.

Елисавета всхлипывая смолкла, и Натти почтительно поцѣловаль на прощанье ее въ щеку, между тѣмъ какъ Оливеръ схватилъ его руку и сжалъ ее съ судорожной силой. Потомъ старикъ крѣпче подтянулъ свой поясъ и приготовился идти. Нѣсколько разъ пытался онъ говорить, но слова его останавливались въ горлѣ. Наконецъ, взбросивъ ружье на плечо, онъ воскликнулъ громкимъ, раздавшимся далеко по лѣсу, голосомъ:

— Впередъ, все впередъ, Гекторъ! Прочь вы, старыя животныя, вы устанете прежде чѣмъ мы достигнемъ цѣли нашего путешествія!

При такомъ восклицаніи собака мгновенно вскочила, обѣжала нѣсколько разъ кругомъ гробницъ, приласкалась на прощанье къ молодымъ людямъ и затѣмъ послушно послѣдовала за своимъ господиномъ. Елисавета и Оливеръ упали другъ другу въ объятіи и въ глубокой горести стояли нѣкоторое время обнявшись.

— Онъ ушелъ! воскликнулъ наконецъ Эффингамъ. Елисавета подняла лицо и увидала стараго охотника, который на опушкѣ лѣса остановился и оглянулся въ послѣдній разъ. Замѣтивъ, что на него смотрять, онъ быстро провелъ рукой по глазамъ и сдѣлалъ знакъ послѣдняго прощанья; потомъ обернулся снова, кликнулъ своихъ собакъ и исчезъ за деревьями.

Только спустя нѣсколько лѣтъ мы снова услышимъ о немъ. Елисавета и Оливеръ уже болѣе его не встрѣчали.